

Российская Академия Наук
Институт философии

«ВЕХИ» – 2009
К 100-летию сборника

Москва
2011

УДК 10(09)1+308
ББК 87.3+66.01
В 39

Редактор-составитель

доктор филос. наук *В.И. Толстых*

Рецензенты

доктор ист. наук *В.Т. Логинов*
доктор филос. наук *И.Н. Сиземская*

В 39   **«Вехи» – 2009.** К 100-летию сборника [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Ред.–сост. В.И. Толстых. – М. : ИФРАН, 2011. – 217 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0206-5.

Авторы сборника, участники состоявшейся публичной дискуссии, сосредоточили свое внимание на главной идее и проблеме российской истории, связанной с её настоящим и будущим. Это – место и роль России во всемирно-историческом процессе, в ряду наиболее значимых стран и цивилизаций. Своей небольшой книгой, обращенной к интеллигенции, веховцы вызвали активный и неоднозначный отклик-ответ всех значимых общественных сил и групп того времени, и позднее – тоже. Вот и наша дискуссия, более скромная по своему замыслу и составу, тоже обратилась к вопросам, не только острым и злободневным, но и исторически нисколько не устаревшим.

ISBN 978-5-9540-0206-5

© Коллектив авторов, 2011

© ИФ РАН, 2011

© Толстых В.И., ред.-сост., 2011

Предисловие

Книга посвящена юбилею известного сборника «Вехи», столетие тому назад вызвавшего сильный отклик в широких кругах общественности. Скромная по объему и формату книжка, написанная известными русскими мыслителями Н.А.Бердяевым, С.Н.Булгаковым, М.О.Гершензоном, В.С.Изгоевым, Б.А.Кистяковским, П.Б.Струве, С.Л.Франком, сыграла неожиданно важную и заметную роль в развитии общественной мысли России всего XX в. Предметом обсуждения в ней стал не только вопрос об интеллигенции, к которой сборник был обращен, но главным образом тема-проблема *судьбы России*, актуальная и злободневная все ушедшее столетие, вплоть до сегодняшнего дня. Авторы «Вех» даром предчувствия предугадали, какими потрясениями и последствиями обернется русская революция 1905 г., во что она выльется в феврале и октябре 1917 г. В конце того же века Россия вновь подвергнется испытаниям, и произойдут перемены, неожиданные для нее самой, и для всего мира.

По инициативе «Литературной газеты» на её страницах почти весь 2009 год шла дискуссия, посвященная знаменательной дате, участники которой, подобно самим веховцам, не сговариваясь, решили обсудить те же самые вопросы и проблемы, что когда-то волновали и побудили высказаться, как говорится, начистоту авторов юбилейной книги. Я согласился вести рубрику дискуссии, поскольку давно хотелось самому разобраться в скопившемся клубке невнятицы и умолчаний по поводу событий и потрясений, происшедших в России и с Россией за прошедшую четверть века. Известно, чем они обернулись, что дали и не дали «проклятые коммунисты», и каковы реальные успехи и провалы неолибералов-демократов в строительстве «российского капитализма». Срок достаточный, чтобы понять, *что к чему и куда это всё ведет*. Участники дискуссии согласились с этой формулой – установкой разговора, а насколько нам удалось её реализовать – судить читателю.

Мы не ставили себе целью вступать в полемику с другими позициями и точками зрения по теме «Вехи», т. к. знаем и с уважением относимся к таким трудам и изданиям, как «Вехи: **pro et contra**» (Антология. СПб., 1998. Составитель В.В.Сапов); М.И.Литвак «Интеллигенция и мифотворчество» (СПб., 2000); А.Кустарёв

«Нервные люди» (М., 2006, с обширным предисловием А. Фурсова); «Лосевские чтения – сборник “Вехи” в контексте русской культуры» (М.: Наука, 2007); Пути-перепутья русской интеллигенции. К 90-летию со дня выхода сборника “Вехи”» (Свободное слово. Альманах 1999/2000. М., 2000), и другие. В феврале 2009 г. усилиями Общества русской философии при Украинском философском фонде была проведена Международная научно-теоретическая конференция «Феномен философской критики в культуре Серебряного века», посвященная столетию «Вех». В ней приняли участие ученые Молдовы, России и Украины (128 участников), и вышла книга (Вестник. Украинский журнал русской философии. Вып. 8. 2009), в которой опубликованы материалы Международной научно-теоретической конференции «Феномен философской критики в культуре Серебряного века» (28 печатных листов).

Предлагая вниманию читателя нашу скромную книгу, надеемся на то, что она с интересом будет прочитана и поможет лучше понять не только прошлое, но и какие-то важные стороны и процессы, происходящие в современной России.

Валентин Толстых

Валентин Толстых

«Вехи» – 2009

Исполнилось сто лет выхода в свет знаменитой книги «Вехи», сборника статей о русской интеллигенции, как определили авторы, известные мыслители начала XX в.: Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, М.О.Гершензон, А.С.Изгоев, Б.А.Кистяковский, П.Б.Струве, С.Л.Франк. В предисловии сказано, что их объединило чувство боли за прошлое и жгучая тревога за будущее родной страны. Главная тема книги – историческая судьба России, её прошлое, настоящее и будущее. Тем она и интересна. Но насколько подтвердились предчувствия и предостережения веховцев, в чем они оказались правы и в чем ошиблись?

Существует секрет странного обаяния и притягательности этой книги. Кажется, всего лишь сборник статей, объединенных общей темой и умонастроением, концептуально авторами не согласованных (писали тексты врозь, не советуясь, не сговариваясь). Никто по прошествии целого столетия не скажет (и не говорит!), что в своих предостережениях и прогнозах веховцы оказались провидцами и пророками, или хотя бы о том, что они были мудры и дальновидны, скажем, в своем отношении к народу и власти. Отмечая во многом справедливые претензии веховцев к русской интеллигенции, критикуя её слабости и заблуждения, следует вместе с тем отметить, что они недооценили сам факт становления и самоопределения русских интеллигентов – левых и правых, либералов и консерваторов, западников и славянофилов – в качестве особой и влиятельной части формировавшегося

тогда в России гражданского общества. Хотя с выходом книги в свет сами убедились в его существовании, испытав на себе остроту и силу обрушившихся на них полемических откликов и взаимоисключающих оценок.

Тем настоятельнее выступает потребность объяснить несомненный эффект читательского обаяния и долголетия скромной на вид и по объему книжки, живой интерес к которой с годами и юбилеями явно не убывает. В советские времена о ней тоже не забывали, хотя упорно замалчивали, следуя ленинскому определению – *энциклопедия либерального ренегатства*. Появление этой книги третировали, называя её «кошунством», попыткой реанимировать формулу «православие, самодержавие, народность», «Цусимой аферизма и фарисейства», и т. д. Но начатый разговор каждый раз подхватывался и продолжался в разных исторических ситуациях – идеологами и политиками, интеллектуалами и интеллигентами, любителями поговорить *о времени и о себе*, в духе толстовского *не могу молчать!*

В марте 1999 г. мы в клубе «Свободное слово» провели дискуссию в связи с 90-летием сборника «Вехи», озаглавив её так: «1985–1999 гг.: пути-перепутья русской интеллигенции». В своем вступительном слове я тогда отметил, что любопытно и поучительно, вспомнив нашумевший сборник, оглянуться назад и оценить, насколько точными были авторский диагноз и прогноз. Думаю, в вековой юбилей стоит признать и отметить главное достоинство юбиляра, которое обозначу и «проиллюстрирую» следующим примером и соображением. Пять лет назад в статье «Кто был никем, тот стал ничем» (Политический журнал. 2004. № 18) в полемически заостренной форме мною был поставлен вполне веховский вопрос о том, что современные интеллигенты и интеллектуалы как будто *сговорились, не сговариваясь*, обходить стороной и не касаться наиболее острых стратегических проблем и вопросов российского развития. Скажем, такие: какой именно капитализм мы строим и уже возвели на месте «реального социализма»; какую рыночную экономику и форму демократии удалось нам создать; какие абсолюты и постулаты характеризуют «духовную формацию» нации, как сказали бы веховцы, и нашу общественную мораль, если таковая у нас теперь вообще есть, и какая социальная практика питает нашу личную нравственность.

Наивно ждал ответа, хотя бы возмущенного отклика от кого бы то ни было, так и не дождавшись ...ни приветя, ни ответа. А вот веховцы, будучи недовольными сложившейся тогда в России ситуацией, «сгруппировались» однажды, чтобы высказать всё, что у них к тому моменту накопилось, накипело в душе и разуме, выставив солидный «счет» своих недоумений и возмущений общественному мнению. В ответ высказались все известные тогда, граждански заинтересованные личности, и, выходит, веховцы своей цели добились, не просто «взбаламутив», а вызвав активную ответную реакцию буквально всех значимых общественных групп и сил. В основном, реакцию отрицательную, но веховцев это не смутило, поскольку людей крепких убеждений и принципов не сдержать и не остановить, если разум и опыт единодушно диктуют – *скажи*. В этом смысле веховцы и сейчас остаются примером...

Что нам «Вехи»?

«Вехи» можно воспринять – и воспринимают! – по-разному. В основном, как критику, своего рода выволочку, русской интеллигенции, заданную ей авторами с определенной философской и религиозно-духовной точки зрения. В центре их внимания – самочувствие, самомнение и поведение интеллигенции на поприще культуры и общественной жизни. Мотив вызова прозрачен и очевиден: раскрыть и показать истинное лицо и смысл деятельности русских интеллигентов *до* и *после* революции 1905 г., на фоне реформ Столыпина и экономического подъема России перед Первой мировой войной. Но в «Вехах» можно прочесть и вычитать и нечто иное – эсхатологическое предчувствие неумолимо надвигающихся сдвигов и перемен, первой, отнюдь не последней, ласточкой которых была недавно происшедшая революция. Что-то уже изменилось: худо-бедно, но приняли Конституцию, внедрили думский парламентаризм, заговорили о модернизации страны. Мало ли что еще может произойти, случится?!. То есть этот сборник статей – анализ происшедшего и одновременно предупреждение, прогноз возможных новых бед и катастроф, неминуемых, если вовремя не остановиться и всерьез не задуматься.

Немногие уже в советское время поняли (некоторые только сейчас), что в январе 1905 г. русская революция только началась, а в феврале 1917 г. она продолжилась и завершилась в октябре того же года. Веховцы этой конкретности не знали, но догадывались, что «кровавым воскресением» и дарованной с царского плеча Конституцией эта смута, «заваруха», не кончится. Вот этому чутью и умению правильно читать и угадывать возможный ход событий многим политикам и аналитикам стоило бы поучиться именно у веховцев. За столетие Россия дважды радикально меняла свое жизнеустройство, систему ценностей и облик, сменив самодержавие на советский социализм, а затем и его – на непонятно какой (нынешний!) капитализм. Социалистическую революцию веховцы не только застали, но пытались и осмыслить («Из глубины», 1918–1921 гг.). Бердяеву удалось прожить и увидеть больше других соавторов – от «Судьбы России» (1918) до «Русской идеи» (1946), где незадолго до смерти выразил надежду на то, что в будущей, как он считал, *постсоветской России*, восторжествует более человечный, чем просто буржуазный, строй и образ жизни. Настаивая на первенстве духовных начал жизнедеятельности, веховцы критически относились к ценностям индустриальной (капиталистической) цивилизации, апологии комфорта и материального благополучия. На дух не приемля идею социальной революции, они выдвигали на первый план проблему «внутреннего совершенствования» человека, не находя сочувствия и понимания своих идей и целей у большинства общественных групп и партий.

«Вехи» раздражали и возмущали политиков – большевика Ленина, меньшевика Дана, лидера кадетов Милюкова. Из известных интеллектуалов появление книги некоторые одобряли и хвалили, например, Евгений Трубецкой и Андрей Белый, назвавший сборник «замечательным». Но большинство ругали, причем люди самых разных ориентаций и позиций – Лев Толстой, Дмитрий Мережковский, Василий Розанов, Максим Горький, который причислил «Вехи» к *мерзейшим книжицам за всю историю русской литературы*. Мнения и отзывы были разные, но книга сразу выдержала несколько изданий, бурно обсуждалась, и по тому, *кто и за что* её хвалил или ругал, не сразу определишь и поймешь, чем и почему она так задела и взбудоражила общественность.

На первый взгляд, более всего не понравилась и всех смутила веховская критика излюбленной привычки русских интеллигентов, говоря современным сленгом, *раскачивать лодку государственности*, излюбленная их поза вечных оппозиционеров власти и поистине не знающая удержу страсть к ломке и разрушению всего, что вставало на пути «прогресса». Эту особенность интеллигенции задолго до веховцев заметил Александр Иванович Герцен: «Медленность, *сбивчивость* исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима, и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это, или нет? В этом весь вопрос». И он, который еще недавно сам звал Русь *к топору*, стал предостерегать от искуса «беса разрушения».

Тут, кажется, тоже можно признать правоту веховцев и похвалить их за прозорливость. В переломный момент истории России – после неудачной («лиха беда-начало»?) революции и на фоне трудно шедших реформ Столыпина – они предупредили интеллигенцию насчет возможных последствий их необдуманного и пагубного воздействия на ход событий. Они как в воду глядели, если вспомнить февральские и октябрьские события 1917 г., а также контрреволюцию 1992–1993 гг., задним числом стыдливо названную либералами-демократами «конституционной реформой». Впрочем, вряд ли её последствия и результаты нашли бы поддержку и одобрение веховцев, которые симпатизировали идеям славянофилов и отстаивали приоритет духовного преобразования социума, сохранения традиций и национальной самобытности. Включая тот же *идеал общинности*, который Герцен отстаивал в конце своей жизни, назвав «общинным социализмом». Помню, однажды в клубе «Свободное слово» Владлен Сироткин, покойный профессор-историк, удивил всех рассказом об отчете Столыпина царю после командировки в Сибирь, когда, описывая ход «хуторских реформ», отметит, что сопротивление им было большое, и выразит недоумение: видно, *никогда не избавиться нам от тяги к казарменному социализму*.

Думаю, что и сегодняшние наши оценки «Вех» тоже будут разными и спорными. По той простой причине, что и сейчас относительно прошлого, настоящего и будущего России в обществе существуют серьезнейшие расхождения и разночтения. Настолько основательные, что никакой праздник «народного согласия и един-

ства» (наспех придуманный и плохо продуманный) тут не поможет. Видимо, поэтому было решено – сами догадались, или кто-то вовремя подсказал? – восстановить как памятную дату и событие «7 ноября» – символ добытой когда-то огромными усилиями и жертвами победы трудящихся и, одновременно, горечи утраты ими советской цивилизации.

Дело тут не в праздниках, а в том, что Николай Бердяев в первой статье сборника назовёт расхождением *философской истины с интеллигентской правдой*, которая, как выяснилось, часто оборачивается поражением, и просто кривдой. По его убеждению, вместо поиска истины, творческой работы по претворению в реальность мудрых советов и подсказок разума, интеллигенты погрязли в социальном утилитаризме, в «кружковщине», политических баталиях. Давнее пристрастие интеллигентов вмешиваться в социальные и политические проблемы, меняя лишь форму и личные предпочтения, заявило о себе особенно опасно и разрушительно. Так это воспринималось тогда. Сегодня подобное опасение насчет интеллигентского «непротivления злу насилieм» уже никого не смутит и не остановит. Никто и ничего подобного от интеллигенции уже не ждет, наблюдая, как вяло она откликается на последствия происшедших перемен, и даже не огрызается на сетования в перманентно затеваемых ею диспутах и дискурсах, вроде вопросов «куда подевалась интеллигенция», «есть ли у нас элита и когда произойдет её смена».

Полагаю, намного основательнее и продуктивнее поступают те аналитики и эксперты, кто ищет причину и корни российского раздора в исторически сложившихся уродливых отношениях общества и государства, власти и народа, начало которым положила духовная катастрофа по имени *Раскол и Смута* в допетровской и постпетровской России (обстоятельно описанная в книге Аллы Глинчиковой «Раскол или срыв “русской Реформации”?», опубликованной в 2008 г.). Представ за столетие в трех разных обликах, Россия дважды потерпела сокрушительное крушение, исключительно по причинам внутреннего характера, а не внешнего воздействия, как верно заметил и верно описал Сергей Хоружий в своей статье «Две-три России спустя» (Литературная газета. 2009. № 14). Так что спор-разговор вокруг и около «Вех» продолжается по сей день.

Не будем спорить о том, *кто и что* стало предметом преимущественного внимания самих веховцев – судьба России в связи с надвигающейся революцией или перспектива её капитализации или социализации. Неоспоримо и важно то, что любой ход и поворот событий веховцы связывали с умонастроением и деятельностью интеллигенции. Так уж повелось, что с Радищева и декабристов, затем, как в эстафете, разночинцев, народников и «кающихся» интеллигентов именно в её руках находились рупор и фитиль всевозможных трансформаций и потрясений (интеллигентами были даже террористы, «бомбометатели», обоего пола). И хотя почти все веховцы в молодости отдали дань марксизму, участвуя в тех или иных студенческих акциях, никто не усомнился в искренности и чистоте их теперешних высказываний и оценок. Но *хуже* *измены*, по мнению одного из критиков, было неприятие ими самой идеи *служения образованных людей народу*. Одни веховцы упрекали интеллигенцию в отрыве от народа (Булгаков, Бердяев), другие, напротив, в рьяном служении ему (Гершензон, Кистяковский). Кому-то претило вообще любое вмешательство интеллигентов в политику, участие в сходках и собраниях общественности, пристрастие к «экономическому материализму» и *ложное человеколюбие* по отношению к крестьянству и пролетариату. Но и тем и другим не нравилось, что своей так называемой *интеллигентской правдой* они заслонили себе и другим путь к *истине*, которая, конечно же, выше всех разговоров о справедливости, свободе, социальных интересах и правах. Этим обвинением они сильно задели и возмутили как левых и марксистов, так и правых, скажем, того же Дмитрия Мережковского, пусть туманно и путано, но верившего в мессианское предназначение интеллигенции, в то, что пути её и народа когда-то «сойдутся».

Известно, что проблема взаимоотношений народа и интеллигенции стала сквозной русской идеей всего XIX в., **вплоть до** появления межсословного образования *разночинцев*, относивших себя к людям умственного труда, и *народников*, объявивших себя партией народных социалистов. Прямо или косвенно, пусть и в неравной степени, веховцы испытали влияние философии и психологии народничества, проповедовавших идеи «правды-истины» и «правды-справедливости». Заметим, понятых и принятых ими по-своему, в духе либерального, а не революционного народничества. Этим духом заразилась и прониклась солидная часть современной интелли-

генции, подхватившая мысль Георгия Федотова насчет исчерпанности её особой «интеллигентской миссии», предпочитая отныне именовать себя *интеллектуалами*. Пребывая под этим знаком, они могут теперь сосредоточиться исключительно на интеллектуальном труде-работе, освободив себя от ответственности и обязательств перед так называемым «народом», по их мнению, представляющим собой сугубо *идеологический фантом* исключительно российского происхождения. Недавно в разговоре со мною такой настоящий интеллигент на приглашение высказаться в дискуссии на тему «*Вехи*» и *современная Россия* искренне признался, что с удовольствием написал бы статью, где бы меня вместе с любимым народом «послал куда подальше», но делать этого (почему-то?) не будет.

К этой важной теме заметок мы еще вернемся, но сразу хотелось бы определить точки соприкосновения, а не только раскола и разъединения, в поисках *истины о России и для России*. Теперь, когда она, многострадальная, вдоволь испытала и насладились «казарменным социализмом» и уже почти два десятилетия осваивает и упивается чем-то похожим на «капитализм», интересно поразмышлять и представить себе, как бы восприняли происшедшие с нами нынешние наши катаклизмы и метаморфозы веховцы (и те приверженцы, кто разделял их взгляды насчет судьбы России). Скажем, как выглядит на фоне современной российской действительности столь желанный для веховцев *приоритет духовной жизни над внешними формами общежития* (на чем настаивал М.О.Гершензон), возможный, по их мнению, лишь на базе крепкого, нерасторжимого союза духовности и религиозности, каковой, вот-вот, воцарится в нашем богоспасаемом отечестве. Не думаю, что веховцы мечтали именно о таком духовном и нравственном возрождении России, которое произошло и с гордостью приветствуется в стране и обществе сейчас. Иначе не стали бы отцы церкви говорить об утрате нравственности, вообще о духовных ценностях, наблюдая, как скоро даже из словаря интеллигентов исчезли понятия *бессовестного* поведения или *аморального* поступка (если это не так, пусть уличат меня в неправде – и приведут примеры и случаи обратного).

Среди общественных институтов, пожалуй, лишь церковь устами своего патриарха громогласно заявила и предупредила, что свобода цивилизации, где игнорируются абсолюты и нормы мора-

ли, недолговечна и неизбежно потерпит крах. Собственно, самые простые наблюдения показывают, что в разрешении дилеммы *внутреннее рабство – внешняя свобода* в стране и социуме мало что изменилось, во всяком случае, в лучшую сторону. Кто был внутренне свободен в казарменных условиях, тот остался таковым и со снятием внешних ограничений, не поддавшись соблазнам и угару «бунта подкорки». В то время как для многих отмена запретов и ограничений стала приглашением и пропуском к одичанию и варварству *вседозволенности*, т. е. торжеству того самого «грядущего хама», прихода которого больше всего страшился Мережковский.

В ответ могут возразить: мол, веховцы имели в виду нечто иное – они хотели защитить Россию от настойчивых попыток разрушить, сломать веками нажитые и сложившиеся устои, ценности, традиции, которые предпринимались и слева, и справа. Авторы «Вех» не разделяли идеалов и идолов русских «западников» (даже пожив потом на Западе в изгнании) и настаивали на «первоначальности» и «первозданности» российского уклада и образа жизни как условия создания *новой духовной формации* – единственного гаранта процветающего будущего России. Сила и слабость веховцев имели общее основание – *исторический идеализм*, коим они руководствовались в оценке социальной реальности, в понимании прошлого и в своих упованиях на будущее. В частности, в том, что «история движется духом, а не социально-экономической мельтешней» (Виктор Живов). Они достаточно трезво оценивали прошлое, и еще трезвее и жестче оценивали настоящее. Мне кажется, что они знали и были готовы к тому, что их не поймут и не одобряют. И потому так спокойно, без обид и истерики восприняли почти единодушную критику и гневную реакцию на свои обличения и откровения.

В каком обществе живем?

Знаем ли мы общество, в котором живем? – Этот странный вопрос однажды, в 1983 г., задал себе и другим генсек Юрий Владимирович Андропов. Задал, как выяснилось, слишком поздно: страна, которую он искренне хотел укрепить и сохранить, через несколько лет... перестанет существовать. В искренности Андропова я убедился еще в 1963-м, когда в качестве секретаря ЦК

по соцстранам он принял меня на Старой площади и состоялся разговор по поводу резонанса за рубежом (в соцстранах) на разгром печально известной выставки художников в Манеже. Приехав из научной командировки в Чехословакии, я в письменном отчете написал о реакции тамошней интеллигенции на «разнос» выставки в Манеже, и секретарь ЦК какие-то вещи хотел уточнить. В частности он отметил, что «технология» этой акции (сверху) была «не лучшей», и мне показалось, был искренне этим озабочен. Совсем недавно я узнал, что Андропов скептически воспринял в 1970-е гг. и тезис «развитого социализма», считая, что *нам еще пахать и пахать до простого социализма*.

Сейчас настало иное время, мы живем в иной стране, а всё тот же вопрос, что когда-то возник и повис, продолжает висеть в воздухе и поныне. Нет социализма, кроме его «пережитков», заменивших прежние «пережитки капитализма». Но нет и капитализма в его классическом, многократно описанном виде – с чем, надеюсь, многие согласятся, и мне не нужно этого доказывать. Дело ведь не в словах и не в признаниях, а в том, что называется *фактами*. В том, что и рынок у нас – не рынок, и демократия – не демократия, и государство не поймешь какое именно. Впрочем, недавно президент Дмитрий Анатольевич Медведев напомнил всеми забытую 7-ю статью Конституции, где оно определено как *социальное государство*. О чем в последние годы никто даже не «проговаривался», и понятно – почему. Ведь страна участвовала в мировом состязании, у кого больше миллиардеров и долларовых миллионеров, заняв именно по этому показателю одно из ведущих мест. Выходит, суть дела в том, насколько в данном государстве люди обеспечены достойно оплачиваемой работой, на рынке *обмена* больше, чем *обмана*, и люди действительно свободны и ответственны в своем волеизъявлении. Короче, как раз сейчас самое время выяснить и определить социальную, гражданскую, вообще человеческую («тварную») природу и суть нашего «исключительно-замечательного» государства.

Судя по всему, Андропов не предавался иллюзии, что советское государство стало уже и вполне *социалистическим*, и *народным*. Вот и сейчас нынешней элите пришлось по душе понятия «сильное государство», «управляемая», потом и «суверенная», демократия. Но какой смысл – социальный и жизненный – вкладывается в эти

определения, думаю, далеко не ясно. Если сильное – то *в чем*, если социальное – то *в чьих* интересах, если управляемое – то *кем и какими* средствами? Хорошо бы конкретнее обозначить и представить социальные приметы, параметры нашей государственности – степень бюрократизации и коррумпированности, объяснить причины, почему столь медленно и незаметно преодолевается явно несовместимый с понятием «социального» многократный разрыв между сверхбогатством немногих и бедностью очень многих, вообще феномен массовой нищеты в такой богатой «от природы» стране, как и постыдный для неё же уровень соотношения рождаемости и смертности, и т. д. Вопросы задаются, но ответа – честного, трезвого и открытого – люди не получают. Но с гласностью слышимости у нас так же плохо, как и во времена Брежнева и Андропова. До сих пор нет внятного и честного описания (хотя бы описания!) общества, в котором мы живем и «процветаем». Ведь это общество «заказывает» тот или иной тип государственности, и именно оно является началом и фактором *базисным и первичным*.

Ответить на заданный выше вопрос не просто потому, что социум наш являет собой некий симбиоз или гибрид останков советского социализма (увы, с утратой как раз его «хороших» сторон и качеств) и примет квази-капитализма, особого, олигархически-бюрократического, закваса и устройства. Преуспев в заимствовании и усвоении худшего, мы с трудом, неохотно и поверхностно воспринимаем, осваиваем и внедряем лучшие стороны и признаки капитализма.

Например, многим ясно, что наш рынок скорее схож с «барахолкой», где не соблюдаются ни элементарные правила, ни положенные неотвратимые санкции. Выше мы уже отмечали, какой уровень развитости и цивилизованности рынка уготован нам соотношением в нем обмана и обмена. Он вопиюще не цивилизован, мало считается с интересами потребителей, да и производителей продукции, потворствуя махинациям её «толкачей» – спекулянтов, так называемых посредников. Все знают, что почти половина продаваемых лекарств – фальсификат, продаются по откровенно завышенным ценам; водка и вино – паленые, разбавленные «черт знает чем», зато дешевые, как дрянь, из которой они производятся; молоком именуется соединение воды с порошком, а песни о «главном» и «неглавном» исполняются под фонограмму; самую умную

рукопись нельзя «продать», зато продается «вдохновение» и, хорошо заплатив, можно издать любую чушь и абракадабру. Нет рынка труда, и никто вам не объяснит, почему охранник или уборщица в частном офисе получают за работу больше или столько же, сколько доктор наук и профессор в университете и научном учреждении. Это, как и многое другое того же свойства, никого не удивляет, не волнует и не возмущает, и даже профсоюзы воспринимают эту ахиною цен и услуг как проявление рыночной справедливости.

Демократия тоже (пока!) не ахти какая. Зовите её как угодно – *суверенной* или *управляемой*, в сути ничего не изменится: потому что она по определению не является *демократией участия*, и сводится к тому, что раз в четыре года (а теперь – в пять и шесть лет) вам дают возможность проголосовать за парламент и президента. Низовой демократии вообще нет, и вам некуда и некому пожаловаться, если вас обидят, оскорбят или обманут. Дорога одна – в суд, с адвокатом. Но и здесь вас «достанет» вездесущая коррупция.

Могу поделиться советом, с чего следует начать здесь борьбу. Не знаю, как в других социумах и странах, а в России «рыба гниет с головы», и потому начать надо с *законопослушания власти*: она должна показать пример правового и морального поведения, соблюдения законов и правил гражданского общежития. Впервые предоставляемые бюрократией (по инициативе президента Д.А.Медведева) сведения о доходах семьи государственных чиновников, несомненно, создают важный прецедент в борьбе с коррупцией и внедрением в образ жизни граждан простых норм нравственности и справедливости. Мера, безусловно, правильная, но без глубоких, «системных», изменений в управлении, в статусе и ответственности чиновников вряд ли стоит ожидать скольконибудь существенных изменений и перемен.

Хочу пояснить и уточнить. По своей натуре и воспитанию я коллективист и государственный. Мне кажется, что я знаю, в каком обществе и государстве жил раньше, в советские времена, и в каком живу сейчас. Никаких иллюзий в этом плане не питал ни прежде, ни теперь. Помню, как поразил меня своей пронизательностью Лев Толстой, не раз в своих «дневниковых» записях ломавший голову над парадоксальностью российской истории, уклада и образа жизни, которые, несмотря на все невзгоды и притеснения, порождали удивительно талантливых и отчаянно смелых людей.

В большинстве своем это были яркие индивидуальности, а не индивидуалисты, и потому восприимчивые к горестям и страданиям других стран и народов. Несοοобразностей в российском жизнеустройстве всегда было много, отмечал Лев Толстой, но в итоге, по его словам, *возникли великое государство и великая культура*. Тот, кто вдумается в эту реальность, наверняка сам поймет и решит, из какого сора и варева вышла и соткана наша нынешняя российская государственность и культурность. Да, мы многим отличаемся от Западной Европы, причем по целому ряду важных признаков и элементов, но при этом изначально и по сей день остаемся *Европой* – только «другой», «Восточной».

Фиксируя патриотичность и государственный подход веховцев, стоит обратить внимание на осторожность и скромность в выражении ими своих «отеческих» чувств и пристрастий. Сам народ не разделяет и скептически относится к вошедшей когда-то в моду старой идее «богоизбранности» русского народа. Веховцы сослались на «Выбранные места из переписки с друзьями» очень чтимого ими Гоголя: *Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью к Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их*. Веховцы не жаловали вниманием и признанием не только революции, они боялись вообще изменений и перемен, и звали *назад*, в прошлое, а не *вперед*, чем и раздражали интеллигентов всех направлений и уклонов. Но давайте признаем, что и *вперед* правых и левых тоже оказалось не лучше, как наглядно показали последовавшие затем эпохальные события и трансформации, в чем мы, кому удалось перешагнуть в XXI век, *убедились*, как говорят, на собственной шкуре.

Полагаю, веховцы не порадовались бы за нас, увидев, как в нынешней России явочным порядком вошли и укоренились столь ненавистные им идолы *внешних форм* общежития, утилитаризма, конюмеризма – ценой отказа от соборности, душевной отзывчивости и братства «во Христе». Вряд ли обрадовались бы они и тому, что возрожденные любезные им духовно-религиозные ценности нередко оттеснены и подменены сугубо коммерческими целями и интересами, что мерилом успеха и достоинства личности стали *деньги*, ставшие теперь *НАШИМ ВСЁ*. Согласитесь, ведь именно деньги сегодня определяют все остальные ценности и представления человека о богатстве жизни, личном успехе и счастье.

Всем поклонникам «Вех» стоило бы заметить и обсудить и такую подмену и замену: еще не построив цивилизованной рыночной экономики, где бы царили обмен и честная конкуренция, наши доморощенные «неолибералы-демократы» принялись возводить РЫНОЧНОЕ ОБЩЕСТВО, на портале которого крупными буквами выведено кредо – *всё продается и всё покупается*. Этим принципом теперь определяется весь уклад и образ нашей жизни. И лишь немногим удастся выйти из-под власти денег и искусов тщеславия. При этом мало кого заботит и волнует, что природа декларируемого социального государства, ну никак не сочетается, *не сходится*, с общежитием и деятельностью, где меновая стоимость заменила собой потребительскую, а пользу повсеместно заменили выгодой. Может быть, ныне разразившийся мировой финансовый и экономический кризис хоть чуточку нас всех образумит, обнажив изначальную несостоятельность и порчу социума, которым правят идолы и культ денег?..

«Счет пошел на единицы...»

Слова подзаголовка характеризуют состояние нашей достоянной интеллигенции в эпоху перемен и принадлежат выдающемуся интеллектуалу и русскому интеллигенту – Сергею Сергеевичу Аверинцеву. Интеллигентно, с долей язвительности, он зафиксировал факт и акт исторического поражения интеллигентского сословия России в один из самых драматических периодов её истории. Вроде бы, подтвердились, причем с лихвой, самые мрачные тревоги и предчувствия веховцев относительно возможной беды и вины русских интеллигентов. Но это не так. Прогностический дар веховцев вообще не надо преувеличивать. Исторически все обернулось иначе, чем они предрекали в начале века. Произошло, как говорил один большой политик, *даже совсем наоборот*. Вспомним и напомним все по порядку. Вот какие *грехи и беды* в интеллигенции обнаружили («накликали») авторы «Вех»:

– *видимость образованности*, соединенную с самонадеянностью, и претензию на собственную *правду*, которая прикрывала некие политические цели или просто выгоду. В массовом обще-

стве этот интеллигентский недуг тоже станет массовым, породит явление штампованной «полуобразованности» и будущих псевдоинтеллигентов, коих Солженицын обзовет *образованцами*;

– *отщепенство*, феномен реального или показного отчуждения интеллигента от государства или своей общественной среды, причудливо сочетающий в себе демонстративную самодостаточность с заметным желанием нравиться и готовностью «пойти навстречу», если это сулит славу или выгоду. Этим свойством интеллигентской натуры и характера, кстати, охотно пользуются властители и их окружение, поощряя и вознаграждая фаворитизм и идеологическую сговорчивость званиями, премиями, доходными местами;

– особенно ненавидимый веховцами *нигилизм*, подразумевая под ним *революционный запал* интеллигентов, готовых поверить и отдаться во власть любой прекраснодушной утопии, ввязаться в борьбу за претворение её в жизнь. Это не только и не просто утопизм, распространенный среди «книжников», «идеологов», опирающийся на *самовластие человеческого Я, его гордое самообожание*. Этот «грех» особенно неприятен веховцам, поскольку само стремление изменить, перестроить мир и устоявшийся порядок они считали *бogoотступничеством*, признаком самоотречения человека от функции быть *мерой всех вещей*;

– веховцам импонировало тютчевское недоверие к разуму, и они были согласны с ним, что *умом Россию не понять* и что *в Россию можно только верить*. Со временем это недоверие к разуму усилится, и Бердяев в статье «Возрождение православия» заявит, что «в глубине тварной природы человека нет источников творчества», повторив тем самым давний приговор Тютчева человечеству за пристрастие питаться иллюзиями, выдумками собственного рассудка, что, по его мнению, *делает людей изрядно глупыми, а созданный ими мир нелепым*.

Эти упреки и претензии, все вместе и каждое в отдельности, безусловно, имели основание быть. Но, предъявляя их интеллигентам, веховцы не учли всей сложности природы самого феномена, вкладывая в него смысл и содержание, весьма отличное от реальной действительности и решаемых российским обществом проблем. Судя по всему, веховцы обращались к старой, *кающейся*, интеллигенции, желающей искупить свою вину перед народом, работать и жить ради его блага и счастья. С высоты прожитого

можно и простить некоторую наивность подобного устремления, но оно представляется лично мне чем-то более высоким, нежели совет и приглашение погрузиться в духовно-религиозные искания, когда миллионы людей страдают и мучаются от тягот поистине невыносимой жизни.

Не предвидели веховцы и появления в эти годы в бурно капитализирующейся России интеллигентов новой формации, замеченных Александром Блоком и названных им *фармацевтами*. Имея в виду не аптечных работников, а представителей *массового духовного производства и умственного труда*, по своей профессии, облику и выполняемой социальной функции новые интеллигенты. Это – ученый, учитель, врач, художник, творцы и потребители культуры, причем не обязательно *высокой*, но желательной *массовой*. Скоро эту тенденцию опрошения определяют как «дегуманизацию» и «восстание масс» (Ортега-и-Гассет). Вот как Александр Блок ответит Максиму Горькому на его упование в спасительную силу человеческого разума и прогресс науки и техники: «Дело проще, дело в том, что мы стали слишком умными, чтобы верить в Бога, и недостаточно сильны, чтобы верить только в себя... Человечество? Но – разве можно верить в разумность человечества после этой войны (Первой мировой. – *В. Т.*) и накануне неизбежных, еще более жестоких войн». После Второй мировой войны ту же мысль выскажет и предельно обострит философ и музыковед Теодор Адорно: «Вся культура после Освенцима, включая и проникновенную критику её, есть мусор...».

Драматизм позиции веховцев некоторые аналитики усматривают в том, что они, пытаясь уговорить интеллигенцию уйти с «неправого пути», звали её не вперед, а назад, не к *подвигу и святости*, а к *смирению и покаянию*, понятому как «простите, я больше не буду», по образу и подобию Раскольникова из романа Достоевского. Чтобы разобраться в том, что означает «вперед», а что «назад», следует уточнить, какой смысл и содержание вкладываются в понятие интеллигента и интеллигенции. Иначе не понять, какой «культурный инстинкт» намеревались мыслители и духовные пастыри изменить или привить народу, обществу и роду. Почему, казалось бы, ясные и простые предостережения веховцев потом были проигнорированы, а мудрые советы и пожелания – не выполненными. Или, скажем, почему упрекавший интел-

лигенцию в поощрении «антикультурности» Бердяев разошелся с Мережковским, автором памфлета-предупреждения «Грядущий Хам», не принявшим манифест веховцев, посчитав их самих новыми «славянофилами»?

Читая «Вехи» сегодня, подобные вопросы возникают буквально на каждом шагу, и, вдумываясь в их смысл, приходишь к убеждению, что до сих пор не разгадан и не понят сам феномен русской интеллигенции. С её извечными интеллигентскими вопросами *как жить? кто виноват? что делать?* беря на себя напряжение самих жизненных противоречий и ответственность за их разрешение. Суть интеллигентского сознания и поведения состоит именно в *умении заражаться чужими настроениями, интересами и нуждами*, как точно это схватил и выразил когда-то замечательный русский писатель и общественный деятель В.Г.Короленко. Интеллигенцию составляют люди с беспокойной совестью, обладающие беспроволочной связью с другими людьми и миром, готовые отозваться на «чужую» беду и проблему, как на свою. Четверть века назад я писал об этом в статье «Об интеллигенции и интеллигентности» (Вопросы философии. 1982. № 10), сославшись на мудрое высказывание Василия Шукшина: «Явление это – интеллигентный человек – редкое. Это – беспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда требуется – для созвучия – “подпеть” могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса: “что такое правда?”, гордость... И сострадание судьбе народа. Неизбежное, мучительное. Если всё в одном человеке, – он интеллигент. Но и это не всё. Интеллигент знает, что интеллигентность – не самоцель...». Интеллигентность по Алексею Лосеву – это *совестливый ум и рефлексия*, которая порождается не познавательным любопытством и потребностью в логических упражнениях, как полагают некоторые, а чувством живого сострадания к судьбе народа и страны, чувством неизбежным и мучительным, не дающим интеллигентному человеку покоя из-за того, что кто-то живет еще плохо или с кем-то обошлись несправедливо.

Таким умом и чувством обладала советская интеллигенция, что бы о ней сегодня ни говорили. Сказать о ней можно многое и разное – и хорошее, и плохое. Она была очень разноликой, разношерстной и противоречивой, но она не страдала – ни подвластная,

ни критически настроенная – *равнодушием и безразличием*, каким заражена и болеет интеллигенция нашего времени. Как же надо было «постараться», осрамиться и потерять свое лицо, чтобы такого тонкого и деликатного человека, каким был при жизни Сергей Сергеевич Аверинцев, подвести к столь беспощадному выводу, что СЧЕТ ПОШЕЛ НА ЕДИНИЦЫ?!

P. S. Странное, противоречивое впечатление производит этот сборник. Люди моего стажа жизни обращались к нему не однажды, и каждый раз возникало какое-то особое впечатление и чувство. Странное потому, что все размышления, укоризны, предостережения и обращения его авторов к интеллигенции ничего нового в себе не содержали, собственные ожидания веховцев не подтвердились, не оправдались, но на каждом историческом разломе и этапе эту книгу снова вспоминают, перечитывают, сопоставляя и сверяя написанные столетие назад строки с реальностью, и встреча-общение с книгой оказывается полезной. Чем это можно объяснить?

Против «нищеты духа»

Золотой век русской философии

В марте 2009 г. исполнилось сто лет со времени публикации сборника «Вехи», абсолютного и неповторимого в истории России философского бестселлера. В конце XX в. были попытки создать нечто подобное, но все попытки остались «широко известными в узких кругах», несравнимыми с всероссийским, без преувеличения, резонансом, произведенным «Вехами». Юбилей «Вех» был отмечен научными конференциями, статьями в газетах и электронной печати, в том числе продолжительной дискуссией на темы сборника в «Литературной газете». Для философского сборника, вышедшего сто лет назад, это необычайное явление. Попутно заметим, что вышедшее из печати в том же 1909 г. произведение В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» оказалось ныне забытым.

Лишь в течение 1909 г. вышло пять изданий «Вех», в печати с марта 1909-го по февраль 1910 г. появилось 218 откликов на него. По современным меркам это, условно говоря, равнозначно трансляции содержания статей Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, М.О.Гершензона, А.С.Изгоева, Б.А.Кистяковского, П.Б.Струве, С.Л.Франка по всем каналам телевидения, не только центрального, но и регионального. Ведь о «Вехах» написали *практически все* русские газеты. За рукописью сборника гонялись издатели, рассчитывая на верную прибыль. Это нашло свое отражение и в литературе, например, в «Жизни Клима Самгина» Максима Горького: бойкий журналист Иван Дронов с сожалением сообщал Климу, что ему не удалось заполучить для публикации текст «Вех». Дронов восхищался: «Эта кни-

жечка – наскандалит! Выдержит изданий пяток, а то и больше. Ах, черти...»¹. В 1909–1910 гг. были опубликованы пять сборников, в которых дебатировалась проблематика «Вех»: «В защиту интеллигенции», «Вехи» как знамение времени», «Интеллигенция в России», «По Вехам. Сборник статей об интеллигенции и национальном лице», «Из истории новейшей русской литературы». В России и за границей устраивались обсуждения сборника, а П.Н.Милуков предпринял лекционное турне против «Вех».

«Вехи» были восприняты как вызов важнейшим понятиям русского образованного общества. Отсюда всплеск откликов от всех его слоев: консерваторов (В.В.Розанов, архиепископ Антоний), левых демократов (М.А.Антонович, Н.В.Валентинов), либералов (П.Н.Милуков, Р.В.Иванов-Разумник), революционеров (Г.В.Плеханов, В.И.Ленин, В.М.Чернов). Откликнулись писатели и поэты (Л.Н.Толстой, А.Белый, Д.С.Мережковский, П.Д.Боборыкин), философы и социологи (М.М.Ковалевский, Е.Н.Трубецкой), журналисты и литературные критики. Реакции были многообразными: от острых и двусмысленных выпадов амбициозного Мережковского (который, скорее всего, был обижен на то, что Гершензон, рассылавший письма-приглашения участникам сборника, обошел его стороной)² до сочувственных и доброжелательных оценок Е.Н.Трубецкого. Идеи «Вех» отождествляли с «православием, самодержавием, народностью», называли «кощунством», «мемуарами унтер-офицерской вдовы», «Цусимой литературы, аферизма и фарисейства», приравнивали к черносотенству, с одной стороны, к «национальному отщепенству» – с другой³.

¹ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 22. М., 1953. С. 234.

² Ревность Мережковского к небывалому успеху сборника приняла, можно сказать, комическое направление. На заседании Религиозно-философского общества в Петербурге от 21 апреля 1909 г., специально посвященного обсуждению «Вех» (с участием двух веховцев – Струве и Франка) Мережковский выступил с антивеховским докладом, который закончил словами: «Да здравствует русская интеллигенция, да здравствует русская революция!». Автор отчета об этом заседании пишет: «Конечно, никто и помимо Струве и Франка не мог серьезно поверить, что Мережковский вдруг стал радикальным защитником революционной интеллигенции. Но и Струве и Франк очень ярко отгенили эту “легкость необыкновенную в мыслях”, которая привела Мережковского на несвойственную ему позицию» (Ермичев А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917). Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 60–61).

³ Наиболее полное представление о разнообразии оценок сборника дает антология «Вехи: Pro et Contra» (Сост., вступ. ст. и прим. В.В.Сапова. СПб., 1998).

О чем свидетельствует само появление этого текста, чем обусловлен его грандиозный успех и какие вехи (веха – «значковый шест», по В.И.Далю) он обозначает в истории русской культуры? Прежде всего, «Вехи» были «знаком» высокого уровня интеллектуального и общекультурного влияния философии в России начала XX в. Это не политический памфлет, а философское произведение, образец вольного философствования, посвященного оценке своеобразия национальной психологии, мирозерцания русской интеллигенции, ее отношения к религии, философии, культуре, праву, этике. «Вехи» – составная часть Серебряного века, явление русского религиозно-философского возрождения.

Более того, это Золотой век развития философской мысли, достигнутого в России в начале XX столетия. В начале XX в. страна вступила в эпоху зрелости и «цветущей сложности» и характеризовалась разнообразием оригинальных творческих достижений как рационалистического (А.А.Богданов, Г.Г.Шпет, Д.И.Менделеев, Г.И.Челпанов, А.И.Введенский), так и религиозно-метафизического характера (С.Н. и Е.Н.Трубецкие, Н.О.Лосский, Л.М.Лопатин, В.В.Розанов, Н.Ф.Федоров, П.А.Флоренский). Разумеется, к известным философам надо причислить и самих веховцев – Бердяева, Струве, Франка, Булгакова. Высокого профессионального уровня достигла университетская философия, в том числе философско-правовая мысль (Б.Н.Чичерин, П.И.Новгородцев, Л.И.Петражицкий, И.А.Ильин, Н.М.Коркунов).

Характерно, что в преподавании не существовало безраздельного господства какого-либо одного типа философии, распространялись и равно сосуществовали идеи гегельянства, кантианства и неокантианства, позитивизма, персонализма и феноменологии. Марксизм, при всем влиянии, которое он оказывал на общественную мысль, в начале XX в. не был специфическим направлением «профессорской» философии и в университетских курсах не рассматривался в качестве самостоятельного философского течения⁴.

⁴ Например, в известном университетском учебнике Г.И.Челпанова К.Маркс и Ф.Энгельс упоминаются лишь как выразители «этического скептицизма» в «новой философии», отрицающей «существование общепризнанных моральных принципов» (Челпанов Г. Введение в философию. 3-е изд. Киев, 1907. С. 314–315). В то же время Челпанов подробно рассматривает такие современные философские течения как эмпириокритицизм, критический реализм, трансцендентальный идеализм, спиритуализм, имманентную школу и др.

К этому надо прибавить также духовно-академическую философию, развивавшуюся в четырех духовных академиях – в Москве, Киеве, Петербурге и Казани. Достаточно сказать, что в Московской духовной академии преподавал философию П.А.Флоренский, «русский Леонардо да Винчи», как его называли впоследствии, – универсальный гений в области философии, богословия, математики и естественных наук. А в Казанской духовной академии работал профессор В.И.Несмелов, автор двухтомной «Науки о человеке», предвосхитившей религиозно-экзистенциальную философию Н.А.Бердяева, в чем он признавался в философской автобиографии «Самопознание».

В этот период главный российский философский журнал «Вопросы философии и психологии» с числом подписчиков до двух тысяч превратился в крупнейший философский журнал Европы. По примеру Московского психологического общества в России в начале XX в. действовал уже целый ряд философских обществ: Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева, Философское общество при Петербургском университете, Религиозно-философское общество в Петербурге-Петрограде и др. Выпускались разнообразные философские журналы («Логос», «Мысль», «Мысль и слово» и др.), кроме того, все «толстые» журналы публиковали философские статьи, русские и переводные («Вестник Европы», «Мир Божий», «Русское богатство», «Русский вестник», «Современный мир», «Образование» и др.)⁵.

Золотой век русской философии опроверг афоризм П.А.Ширинского-Шихматова, министра народного просвещения в правительстве Николая I: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен». Философия в России в начале прошлого века расцвела как цветок, поразительный по многообразию красок. Это время её наивысшего общественного признания и влияния, о чем и свидетельствует сам феномен «Вех». В это же время была осо-

⁵ Об этом см.: Философское содержание русских журналов начала XX века. Ст., заметки и рец. в литературно-обществ. и филос. изд. 1901–1902 гг.: Библиогр. указ. / Отв. ред. А.А.Ермичев. СПб., 2001; Философское содержание русских журналов начала XX в. Вып. 2. Ст., заметки и рец. в изд. духов. и светск. учебн. заведений, общенаучн., критико-библиогр., общественно-полит. и иных журн.: Библиогр. указ. / Сост. А.А.Ермичев. СПб., 2006. Второй выпуск библиографического указателя А.А.Ермичева содержит описание 4226 философских журнальных публикаций досоветского времени.

знана «существенная оригинальность» (слова В.Ф.Эрна) собственно русской философской традиции, которая была открыта подобно тому, как в предыдущем столетии Н.М.Карамзин «открыл» русскую историю. Этому открытию в немалой степени способствовали сами веховцы – как в самом сборнике, подчеркнувшем особое значение религиозной философской мысли П.Я.Чаадаева, славянофилов, Ф.М.Достоевского и В.С.Соловьева, так и за его пределами. Здесь особенно велика заслуга М.О.Гершензона, опубликовавшего впервые собрания сочинений И.В.Киреевского и П.Я.Чаадаева.

«Цветущая сложность» русской философии просуществовала до высылки осенью 1922 г. из Советской России большой группы философов, в числе которых были пятеро из семи веховцев (кроме М.О.Гершензона и Б.А.Кистяковского, умершего в 1920 г.). Наиболее полная подборка архивных материалов по «философскому пароходу» свидетельствует об отсутствии у высланных веховцев собственно контрреволюционных настроений⁶. Хотя на допросах, предшествовавших высылке, веховцы не скрывали свои критические суждения относительно диктатуры пролетариата, «партийной» и «классовой точки зрения» и т. п., что полностью совпадало с их взглядами, высказанными еще в 1909 г. Н.А.Бердяев на допросе назвал демократию «ошибкой», а свою идеологию – аристократической «не в сословном смысле, а в смысле господства лучших, наиболее умных, талантливых, образованных, благородных», подчеркнул свою веру, как и двенадцать лет назад, не в материальное, а в «духовное возрождение». При этом он заявил: «Не признаю себя виновным в том, что занимался антисоветской деятельностью, и особенно не считаю себя виновным в том, что в момент внешних затруднений для РСФСР занимался контрреволюционной деятельностью»⁷. Таким образом, очевидно, что веховцы представляли опасность не какой-то своей контрреволюционной деятельностью (которую они не вели, однако она им вменялась в вину как повод для изгнания из страны), но своим духовным потенциалом и влиянием, которому новая власть была бессильна что-либо противопоставить, поскольку собственных философов тогда не имела. Высылка была актом подрыва боль-

⁶ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. М., 2005.

⁷ Там же. С. 216.

шевистским безнациональным интернационализмом высоких достижений русской духовной культуры⁸. Ведь русская философия, тесно связанная с православной религией и основами восточно-христианской цивилизации, представляла «лицо России», лучшие образцы ее духовного творчества. Россия их потеряла, а Запад их неожиданно приобрел⁹.

Высланная русская философия была с интересом воспринята на Западе вовсе не в силу своего «прозападного» характера, скорее наоборот, она привлекала внимание тем, что в ней содержалась фундаментальная критика западной культуры и цивилизации, гораздо более острая и оригинальная, чем та, которая имела место в марксизме и в атеистическом социализме. Последний справедливо раскрывался веховцами именно как органический продукт западной, новоевропейской культуры. Высылка была началом того нигилистического натиска, в результате которого в советские времена, по словам В.Распутина, «нельзя было вымолвить русское слово. Жили с обдерганной литературой, историей, философией». Сам акт высылки и ее разрушительные культурные последствия выглядят как сбывшиеся предостережения «Вех». С.Н.Булгаков определил характер русской революции как интеллигентский, что верно не только по отноше-

⁸ О нигилистическом отношении главных идеологов большевизма к русской культуре свидетельствует позиция Наркомпроса, в 1920-е гг. разрабатывавшего планы перевода письменности на латиницу. Не приходится сомневаться, что, будучи реализованным, этот план начисто лишил бы все поколения советских людей исторической памяти, способности воспринимать свое культурное наследие. Яркой характеристикой нигилизма лидеров большевизма служит позиция Л.Троцкого: «...А что мы дали миру в области философии или общественной науки? Ничего, круглый нуль! Попытайтесь назвать какое-нибудь русское философское имя, большое и несомненное. Владимир Соловьев, которого обычно вспоминают только в годовщину смерти? Но туманная метафизика Соловьева не только не вошла в историю мировой мысли – она и в самой России не создала никакого подобия школы. Кое-чем позаимствовались у Соловьева гг. Бердяев, да Эрн, да Вячеслав Иванов... А этого маловато» (*Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1991. С. 268).

⁹ «В отличие от писателей, известность которых не выходила за круг эмиграции, работы русских философов получили в Западной Европе широкое распространение. Их знали не только в русских кварталах Берлина и Парижа – они сделались величинами мирового масштаба, а русская философская мысль благодаря их трудам стала частью философской культуры человечества» (Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М., 2005. С. 5).

нию к событиям 1905–1907 гг., но и по отношению к последующим переломам в русской жизни, включая горбачевскую перестройку и ельцинские реформы. Плоды интеллигентской революции суть явления вненациональные, беспочвенные, никак не связанные с коренными основами и традициями русской жизни, с христианской религией. Интеллигентское политическое сознание безрелигиозно, основано на атеизме, но, имея немало сходства с религией, приобретает черты своего рода атеистической псевдорелигии. Партийная непримиримость, схожая с крайней религиозной нетерпимостью, любовь к крайностям, пристрастие к уравнительности – эти псевдорелигиозные качества интеллигенции имеют выраженную противокультурную, антинациональную направленность. Все это замечено, отмечено и блестяще изложено в «Вехах».

«Польза философии не доказана...»

Для «единственного европейца в России», т. е. главного просветителя, каковым являлось, по определению Пушкина, российское правительство в XVIII–XIX вв., ограничительные меры в отношении философии носили временный характер. Они касались ограничения преподавания философии в университетах и действовали с 1850-го по 1860 г. Но на этот же период приходится и подъем философской публицистики, защита магистерской диссертации Н.Г.Чернышевского и формирование демократической оппозиции шестидесятников.

Другое дело – современная российская власть, существующая уже в постпросветительской парадигме. Она не испытывает потребность в философском знании, в отличие от своей советской предшественницы, пестовавшей нужную ей философию, правда, вовсе не потому, что носители власти были интеллектуалами, но потому, что философия создавала необходимую идеологическую опору для официальной коммунистической идеологии. В связи с этим вспоминается выходившая в СССР ежегодно гигантскими тиражами брошюра академика Б.М.Кедрова «Как изучать “Материализм и эмпириокритицизм” В.И.Ленина».

Для современной власти весьма удобно опереться на духовный авторитет русской православной церкви, что, кстати, не требует от нее каких-либо специальных затрат. Теперь философия

вернулась к своему естественному состоянию, она отделена и удалена от власти, внимание которой направлено в сторону «более практических» дисциплин – юриспруденции и политологии. Но какие-то философские обобщения и заявления все же нужны, поэтому требуемые периодически отвлеченные интеллектуальные ориентиры производятся самой же властью. Насколько успешно – можно судить по неуклюжим попыткам, в историко-философском отношении просто безграмотным, «сформулировать национальную идею».

Существование философии и развитой философской (шире – интеллектуальной) среды ныне не относится к числу государственных приоритетов. Современный журнал «Вопросы философии» имеет фактически такой же тираж, как и дореволюционный журнал «Вопросы философии и психологии» (это не упрек журналу, а упрек обществу, где не любят то, что «Вехи» называли «философской истиной»). К тому же нынешние «Вопросы» нельзя купить в розницу, журнал доступен только подписчикам. И это при наличии в стране Института философии РАН, многих философских факультетов и тысяч вузов, где преподается философия (сейчас мы не говорим о качестве этих вузов). Разумеется, и сейчас, и в начале прошлого века издание философского журнала было убыточным, а не коммерческим проектом. Но раньше его поддерживали издатели-меценаты – братья Н.А. и А.А.Абрикосовы. Просвещенная меценатка М.К.Морозова тогда организовала специальное философское книгоиздательство «Путь», в котором публиковались и авторы «Вех». Она же поддерживала журнал «Вопросы философии и психологии» и другие философские начинания. (Сейчас таких меценатов в России нет. Гораздо престижнее сейчас поддерживать элитные спортивные проекты.) Правда, кроме «Вопросов философии», сегодня есть горстка малотиражных так называемых «ваковских» журналов, куда выстроилась огромная очередь желающих опубликоваться соискателей ученых степеней. В качестве кандидатского минимума теперь сдают не философию, а изобретенную под патронажем чиновников позитивистскую дисциплину – «история и философия науки». Что же касается преподавания философии, то в большинстве вузов оно осуществляется в таком урезанном виде, что, действительно, от такого преподавания нет никакой пользы.

Вспоминается IV Российский философский конгресс, который проходил в 2005 г. в МГУ им. М.В.Ломоносова и собрал более полутора тысяч российских и иностранных участников. Мероприятие такого уровня, например, во Франции, где издается популярный журнал по философии тиражом сто тысяч экземпляров, наверняка собрало бы «большую прессу». Поразительно, но на Российском философском конгрессе вообще не было *никакой* прессы, хотя соответствующие приглашения были разосланы в разные издания. Философия сегодня сплошь и рядом вытесняется дисциплиной «более полезной» и, очевидно, более престижной для власти и ее отдельных представителей – политологией. Причем политологами в России стали именовать, в отличие от Запада, не только специалистов в области political science (т. е. собственно политической науки), но также и журналистов, газетных и телевизионных, государственных и негосударственных чиновников, депутатов разных уровней, предпринимателей, словом всех, кто – так или иначе – соприкасается в своей деятельности с политикой. Как представитель столь неопределенной, но массовой специальности политолог чуть ли не сравнялся по численности с охранником. Вполне вероятно, что молниеносное по срокам образование в МГУ нового политологического факультета, отдельного от философского факультета, есть отражение все того же стародавнего представления о «недоказанности» пользы философии.

Впрочем, можно предположить, что созданная вне традиций свободного философского дискурса новая образовательная структура станет своего рода «медвежьей услугой» для самой власти. Ведь государству требуется не комплиментарная политическая тусовка, а глубокий реалистический анализ того, что есть на самом деле, остро актуальный в условиях глобального кризиса. Напомню медицинское значение слова «кризис»: это состояние между жизнью и смертью, в данном случае это вопрос о дальнейшем существовании мировой экономической цивилизации как таковой. Вопросы такого эсхатологического характера политологам (особенно нынешним) «не по зубам». Государственные структуры, ответственные за формирование образовательной политики, поддерживают курс на дегуманитаризацию и дегуманизацию, на утеснение в преподавании философии как фундаментальной дисциплины мировоззренческого профиля, рассматриваемой в государ-

ственных образовательных стандартах наравне с физкультурой. Прагматистский подход к образованию в целом прослеживается и в акценте на так называемый «компетентностный» принцип, нацеленный на формирование не знаний и мировоззрения, а на минимальные «компетенции».

Создание новой элиты

Напомним сторонникам тощего духом утилитарного подхода к образованию философско-образовательное кредо великого хирурга Н.И.Пирогова: «“К чему вы готовите вашего сына?” – кто-то спросил меня. – Быть человеком, – отвечал я. “Разве вы не знаете, сказал спросивший, – что людей собственно нет на свете: это одно отвлечение, вовсе не нужное для нашего общества. Нам необходимы негоцианты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди”. Правда это или нет?»¹⁰. Вопрос Пирогова определяет первостепенное значение духовных, моральных ценностей и подчеркивает традиционное внимание русской философии к человеку, о чем хорошо сказал Достоевский: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»¹¹. Эту же линию продолжили веховцы, в особенности Бердяев, Булгаков, Струве, Франк. В самом начале XX в. они приняли участие в первом коллективном манифесте русских философов «Проблемы идеализма» (1902), предшественнике «Вех». В «Проблемах идеализма» была отчетливо выражена мысль о бесперспективности чисто политической трансформации общества, не затрагивающей сферу морали и духовных ценностей. Уже тогда была подчеркнута необходимость синтеза общечеловеческих идеалов справедливости и достоинства с идеалами индивидуального самосовершенствования человека, поскольку лишь персонифицированные гуманитарные идеалы, направленные на моральное совершенствование человека и общества, могут служить основой прогресса, лишь они обладают абсолютной ценностью.

¹⁰ Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Пирогов Н.И. Соч. Т. 2. СПб., 1887. С. 3.

¹¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 1. С. 63.

Можно ли назвать такую позицию элитарной? Бесспорно. Психологически она стимулировалась тревогой перед лицом надвигающейся «охлократии», угрожающей существованию высоких образцов культуры и философии. Как мы знаем теперь, эти тревоги не только сбылись, но и стали еще более актуальными в XXI в.

Нельзя согласиться с одной позицией в актуальной статье Валентина Толстых, открывшей дискуссию в «Литературной газете», посвященную «Вехам». Автор её показал, что веховский диагноз русских национальных болезней актуален по-прежнему, но ценность его якобы снижается потому, что веховцы, как считает Толстых, отдали «дань феодальной архаике», выступая за сохранение самодержавия¹². По-видимому, основанием для «любви» веховцев к самодержавию оказалась в данном случае известная фраза Гершензона, которая в свое время вызвала яростную критику с разных сторон. Он писал: «Каковы мы есть (разрядка Гершензона.— М.М.), нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»¹³.

В примечании ко второму изданию «Вех» Гершензон специально выделил слова «каковы мы есть», поясняя тем самым, что эта фраза вовсе не есть «публичное признание в любви к штыкам и тюрьмам». Здесь лишь подчеркнута пропасть, отделяющая народ и интеллигенцию, которая строит планы «спасения» народа по своим «интеллигентским» рецептам, несколько не согласующимся с подлинными народными интересами. Разумеется, никто из веховцев не был поклонником самодержавия и вообще не занимал какую-либо позицию на правой стороне российского политического спектра. Напротив, идейный «костяк» сборника составили люди в прошлом левых убеждений, включая основателя российской социал-демократии Струве, а также легальных марксистов Булгакова, Франка и Бердяева. Последний, как известно, был сослан в Вологду за участие в киевском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

Надо понять, что отказ от левых воззрений у веховцев произошел вовсе не потому, что они «перекрасились» в правых, наподобие бывших советских «научных коммунистов», сегодня ставших

¹² Толстых В. Вехи 2009 // Лит. газ. № 1(6205). 2009. 14–20 янв. С. 4.

¹³ Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 90.

«рыночными политтехнологами». Еще раз подчеркнем, что позиция «Вех» *принципиально* не политическая, но метафизическая, они подчеркивали жизненную необходимость для России сохранения ее духовной культуры и настаивали на том, что именно от этого зависит ее судьба. Именно в этом смысле они «звали в прошлое, а не вперед». Вообще-то слова и дела совсем не «передовые» в одном историческом контексте, в других обстоятельствах выглядят настоящими пророчествами. И наоборот. В прошлое канули антивеховские обвинения и заявления «передовых» либералов и революционеров. А «Вехи» оказались правы, поскольку выступили против интеллигенции, которая буквально «свихнулась» на сиюминутной политике, и показали, что главные вопросы жизни нации решаются «по ту сторону правого и левого».

Нисколько не изменилась эта позиция авторов сборника и в эмиграции. Вправо эволюционировал лишь Струве, который, однако, никогда не выступал за реставрацию монархии Романовых и остро критиковал ее за «реакционное недомыслие»¹⁴. «Культурный элитизм» веховцев, вместе с тем, был направлен против калечащих последствий распространения массовой культуры в российском обществе, т. е. против того, что теперь именуется «попсой», – против «мутной волны порнографии и сенсационных изделий» и других суррогатов культуры (позиция, чрезвычайно актуальная и в наше время.) Веховское понимание культуры, в характерной для русской философии версии, общей для многих отечественных мыслителей, противостоит понятию цивилизации. Культура понималась ими прежде всего как совокупность высших духовных ценностей (религиозных, философских, эстетических, моральных), которые не могут быть отождествлены с ценностями индустриальной цивилизации, комфортом, материальным благополучием, распространением грамотности и просвещения.

В сборнике не отрицалась также важность и полезность для России правовой культуры, о чем специально писал Б.А.Кистяковский, предвосхищая, в каком-то смысле, сегодняшнюю критику «правового нигилизма» российским президентом Д.А.Медведевым. Вместе с тем «Вехи» подчеркивали высшую значимость для нации и государства фундаментальных духовных ориентиров, непреходящих ценностей. С этих позиций было под-

¹⁴ Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). Москва–Париж, 2004. С. 159.

вергнуто критике утилитарное понимание культуры, разумющее «железные дороги, канализацию и мостовые». Разумеется, не следует представлять веховцев некими снобами, «переполненными» культурой до такой степени, что им не было никакого дела до реальной русской жизни, в которой как раз нет (и по-прежнему нет) «ни дорог, ни канализации». Они нисколько не закрывали глаза на российскую «нецивилизованность», указывая на необустроенность русской жизни, на важность для России «повышения производительности материальной» (Франк). Но веховцы отнюдь не считали, что «внешнее устройство жизни», основанное на «механико-рационалистической теории счастья», является конечной смысловой проблемой для русского человека (в наше время подобная теория поддерживается рекламой: «Бери от жизни все»). Гораздо важнее сохранить те бесценные духовные сокровища, которые Россия копила в течение столетий.

Нужна «новая элита», способная их воспринять. Но где она сегодня? Она формируется и будет определять будущее России как «сильного государства» и самостоятельной цивилизации. Для России с ее безграничными ресурсами все хозяйственные проблемы потенциально разрешимы. Этой точки зрения придерживались все серьезные русские мыслители. Характерно, что Г.П.Федотов, один из продолжателей веховских идей, считал, что все хозяйственные трудности в России порождены «головотяпами», которые когда-нибудь переведутся. И он же считал, что интеллигенция как второе главное произведение Петра I (после империи) выполнила свою историческую просветительскую роль. Она сполна «отдала свой долг» народу, и теперь задача стоит в обратном порядке: народ и общество должны обеспечить «тот воздух культуры, которым дышит всякая уважающая себя нация». Скажем по-другому: глобальный кризис Россия переживет. Она не переживет только крушение собственной цивилизации, основу которой составляют не какие-то котировки акций и прочие «экономиксы», а тысячелетние ценности, среди которых и богатство отечественной философии.

Участниками сборника «Вехи» было решительно отвергнуто укоренившееся среди интеллигенции представление о примате политики над философией, утилитарное понимание «интеллигентской правды» в ущерб «философской истине». Это прекрасно понял В.В.Розанов, один из немногих, кто положительно оценил

«Вехи». «Книга эта не обсуждает совершенно никаких программ, – писал он, – когда вся публицистика целые годы только этим и занята! “Вехи” говорят только о человеке...»¹⁵. Что из этого следует для сегодняшней жизни? Очевидно, понимание того, что эпоха 1990–2000-х гг. обозначила необходимость перехода к новому пониманию человека и его мировоззрения. Если говорить всерьез об избавлении российской зависимости «от трубы» и о переходе к инновационной модели развития, то для этого требуется другой человек – не просто сознательный «представитель электората», и не просто подготовленный «компетентный исполнитель». Нужен человек творческий, обладатель целостного мировоззрения, основанного на гармоничном сочетании знаний в области науки, религии и философии.

Принципиально антиутилитарная, антисциентистская позиция сборника, его критика политизированной интеллигенции были главными причинами ответных выпадов в адрес «Вех». Необходима, подчеркивала либеральная критика «Вех», прежде всего внешняя свобода – «сначала реформа», а потом уже человек. То есть – не реформа для человека, а человек как материал для реформы, – позиция, вполне выражающая кредо нынешних российских реформаторов, в «веховском смысле» аутентичных интеллигентов. Секретом успеха «Вех» было блестящее проникновение в сознание «среднего интеллигента». Этот слой дал России массу культурных деятелей, но он же породил людей амбициозных, считающих себя «солью земли», – беспочвенных и безнациональных «апатридов». В примечаниях к своей статье Гершензон привел известную цитату из письма А.П.Чехова. Он писал: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр». И далее Гершензон добавляет: «Последние слова Чехова содержат в себе верный намек: русская бюрократия есть в значительной мере плоть от плоти русской интеллигенции».

Этот прозрачный намек остается по-прежнему столь же актуальным, как и призыв Бердяева к «народждению новой души интеллигенции». И вот сто лет спустя зададим себе вопрос: народилась ли эта «новая душа»? В более узком смысле его можно

¹⁵ Вехи: Pro et Contra. СПб., 1998. С. 400.

сформулировать так: поняты ли наконец «Вехи»? Понят ли этот непревзойденный философский бестселлер, разгадавший самосознание интеллигенции, с ее блужданиями, шараханием, слепотой, ошибками и ложью, нелюбовью ко всему родному и поразительным пристрастием ко всему «общечеловеческому», к вождизму и сервилизму, лжепророчествам и унижению. Именно об этом ярко, всесторонне, подробно говорят «Вехи». Решены ли те отнюдь не только «интеллигентские» проблемы, которые были опознаны и выражены авторами сборника с исключительной силой? Вопросы остаются открытыми и ждут ответа по сей день.

Владимир Иорданский

Время безмыслия

Несмотря на всю свою скандальную спорность, «Вехи» не забыты. В 1980–1990 гг. книга несколькими изданиями вновь вернулась горячим участником в идущие в стране дискуссии о ее будущем, настоящем и прошлом. Правда, это участие, несмотря на очевидность, в подавляющем большинстве случаев оставалось анонимным, ибо ссылок на «Вехи» в печати почти не было. Книга вновь оказалась нужна, и вновь на правом фланге бурной политической борьбы, давая правым столь необходимую им идеологическую опору. Их собственный кругозор оказался явно недостаточным. На фоне интеллектуальных неудачников, стремящихся в те годы увлечь за собой массы, авторы «Вех» выглядели чуть ли не гигантами: их мысль оказалась востребованной и очень своевременной.

В стране сложилось положение, которое можно назвать *безмыслием*. С одной стороны, марксизм умирал в высоких кабинетах Старой площади столицы. В вузах, на страницах газет он сводился к бесконечно повторявшимся лозунгам, к трафаретам, из которых давно ушла живая мысль. Журналисты, сталкивавшиеся с происходившей в обществе острой полемикой, были лишены свободы в поиске аргументов, которые могли бы противопоставить оживившимся противникам советской власти.

Собственных мыслей не было и у правых, но была гибкость, сочетавшаяся с готовностью примерить на себя любую одежду даже с чужого плеча. Трудно забыть, что на первых порах они заявляли о себе как о борцах слева против застывших в косности

«правых» коммунистов. Прошло какое-то время, и вдруг вчерашние левые признались, что вообще-то они правые. В тумане умело создаваемой лжи они не переставали расширять влияние и завоевывать всё новые позиции. На арену политической жизни вырывались социальный снобизм, алчный эгоизм, грубый национализм и окутанная туманом лжи и умолчаний перспектива, где еще робко и зыбко проступали очертания капитализма.

Тут-то «Вехи» и пережили свое второе рождение. И было забыто предупреждение, когда-то сделанное лидером партии кадетов, независимым и крупным умом, историком и выдающимся политическим деятелем П.Н.Милюковым: «...Я думаю, что семена, которые бросают авторы «Вех» на чересчур, к несчастью, восприимчивую почву, суть ядовитые семена, и дело, которое они делают, независимо, конечно, от их собственных намерений, опасное и вредное дело». Справедливость этого предупреждения очень быстро подтвердилась.

Веховцы привыкли сами и учили других действовать агрессивно и напористо, отстаивая свою точку зрения настойчиво и без какого-либо интеллигентничанья. Вот и первый крупный сборник, в котором новые правые, называвшие себя еще левыми демократами, более или менее четко обозначили свои позиции, вышел в свет в 1988 г. Он назывался: «Иного не дано». Точка. Надо быть решительными, отступать, мол, некуда. Альтернативы нет, что было далеко не первой большой неправдой.

Интересно задаться вопросом, почему скромный, основательно забытый сборник вдруг выполз из забвения. Главным образом потому, что в новом времени появились классовые силы, которым потребовалась представленная в «Вехах» идеология. Хотя с наибольшей яростью сборник обрушился на трудовую интеллигенцию, в сущности, основной гнев его авторов вызывали их левые взгляды, революционность господствовавших в их среде идей. В конце XIX – начале XX в. даже правый мыслитель Константин Леонтьев предвидел революцию рабочего класса, и прямо об этом писал. Эту же бурю предвещал еще Достоевский. Величины огромные, рядом с которыми авторы «Вех», конечно, не смотрелись.

И все же. Коллективом единомышленников они не могли не привлечь внимания. Среди них были крупные экономисты, литературоведы, философы, политологи, публицисты. Некоторые из них

в прошлом прошли через искушение марксизма, но затем влияние его преодолели. Для наших современников, ищущих учителей в борьбе против левых, против марксистских взглядов, эта сторона их идейной биографии выглядела особенно важной.

«Вехи» пришлось кстати. Современная мысль России тогда основывалась на марксизме. В том числе и мифы, главным из которых был миф о ведущей роли в стране рабочего класса. Первый сильный удар наносился именно по этому адресу. Использован был прием, примененный авторами «Вех» при «разоблачении» интеллигенции, на этот раз описанием «семейной фотографии» рабочего класса: через отношение к нему, мягко говоря, настороженное, часто резко критическое. Подчеркивалось, что в его составе немало людей с низким образованием, малой квалификацией, ограниченным социально-политическим кругозором, сосредоточенных на собственных интересах. Утверждалось, что основная масса рабочих еще не усвоила глубоко суть концепции перестройки и т. д. Читателя подводили к мысли, что такой класс никак не мог занимать в обществе ведущего положения. Что, собственно, и требовалось доказать.

В том же сборнике обращала на себя внимание статья с интригующим заголовком «Возобновление истории». Впрочем, главная мысль автора, Леонида Баткина, была понятна: в течение семидесяти лет у страны не было истории, и только сейчас она-де в неё возвращалась. Раньше же она, по мысли автора, была неким фантомом вне мировой истории?

Эта идея стала чрезвычайно популярной в демократических кругах. Её активно и на все лады развивали: Россию, мол, надо вернуть в русло мировой цивилизации, ибо разрыв с мировой цивилизацией отбросил Россию на задворки истории. Россию изображали чуть ли не полудикой, варварской страной, спасти которую может только демократия. Все поминали имя Чаадаева, ставшего на какое-то время чрезвычайно популярным в определённых кругах.

Всё это говорилось о стране с богатейшей своеобразной историей, о государстве, шагнувшем за годы советской власти от сохи к ядерной энергетике и этими достижениями вторично потрясшей мир. И сама история стремительно переписывалась. Невозможно перечислить все статьи, в которых Павлик Морозов, заплативший жизнью за свой смелый поступок, изображался гадким предате-

лем, а погибший на амбразуре немецкого дота Матросов изображался уголовником из штрафбата. Невозможно пересказать то, что писалось о повешенной фашистами благородной девушке Зое Космодемьянской и многих других героях великой истории, которой будто бы и не было.

Но свято место пусто не бывает. В апреле 1997 г. «Новая газета» не без изумления отмечала: «Большевиков быстро приравнивали к уголовникам... Параллельно с этим множество людей, числившихся ранее по разряду преступников (“теневики”, фарцовщики, власовцы, советские шпионы, сбежавшие за границу, и прочие) были названы кто самым предприимчивым, кто славным борцом за “белую идею”, кто смельчаком, который рискуя жизнью, вырвался из тоталитарного плена». В то смутное время появилось немало более чем странных утверждений. Если в годы советской власти не слишком критично восхвалялся народ, то теперь произносились заявления прямо противоположного порядка. Двое аналитиков на страницах сборника «Осмыслить культ Сталина», словно походя, назвали Советский Союз «империей смерти». Таких бездумных оскорблений, продиктованных слепой ненавистью к своей родине, не позволяли себе даже откровенные враги Советского Союза. Эти же публицисты обнаружили в советском обществе «тоталитарные личности», в своей совокупности образующие тоталитарную массу, чтобы вынести такое заключение: «В отличие от инфантильного сознания, которое постепенно выходит на реальность и потому со временем становится взрослым, тоталитарное сознание с реальностью не связано вовсе и, следовательно, не несет внутри себя возможность к изменению». Народ, обладающий подобным типом общественного сознания, просто обречен вечно витать где-то в воздухе, существовать вне связи с действительностью. В сущности, он вообще не способен мыслить и не готов к внутреннему обновлению. Можно ли от него ждать каких-нибудь прорывов в будущее? Конечно же нет – навязывался вывод читателю.

Под эту, прямо скажем, дикую идею, некий доктор биологических наук подводил на страницах популярного журнала «Знание–сила» такую «научную», генетическую, основу. В статье, появившейся в 7 номере журнала за 1991 г., под названием «Хомо советикус – хомо сапиенс?», с выразительным вопросительным знаком, он внушал читателю такое мнение о руководстве СССР:

«Основной действующий и руководящий слой общества сформировался главным образом из детей тех, кто избежал репрессий. А это значит, что у власти, с точки зрения генетики, находится пассив общества».

Учителя этих горячих перьев, некогда писавшие для «Вех», никогда ничего столь же вздорного не утверждали, поскольку жили в реальном мире, среди реальных людей. Что касается их современных последователей, то они были просто ослеплены своими теоретическими конструкциями и, можно сказать, в некотором смысле пали жертвами ненависти к России и её народу. Знаменательно и то, что они не отказались от затеи возглавить демократическую мысль нашей страны, хотя с подобными идеями могли трезво рассчитывать лишь на взаимную неприязнь со стороны российского избирателя.

Справедливость требует признать, что некоторые авторы «Вех», хотя и не предвидели возможность подобных теоретических блужданий, отметили среди интеллигентов черту, которая, разившись и окрепнув, стала своего рода проклятием русских демократов в годы перестройки и в последующие времена. Наиболее четко она обозначена в статье С.Н.Булгакова «Героизм и подвижничество». Булгаков справедливо подметил, что «в своем отношении к народу, служение которому своею задачей ставит интеллигенция, она постоянно и неизбежно колеблется между двумя крайностями – народопоклонничества и духовного аристократизма». Развивая свою мысль о «духовном аристократизме» интеллигенции, автор статьи утверждал, что ей свойственно «высокомерное отношение к народу как к объекту спасительного воздействия, как к несовершеннолетнему, нуждающемуся в няньке для воспитания “сознательности”, непросвещенному в интеллигентском смысле слова».

Здесь вспоминается пророческое предсказание-предупреждение еще одного автора сборника, М.Гершензона. По его мнению, «каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, - бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Похоже, мысль Гершензона прочно вошла в сознание «элит» уже нашего времени. Само это заявление, довольно-таки неожиданное для интеллигента, в годы перестройки и постсоветские годы стало восприниматься иначе. Социальный снобизм, как по-

том начали называть «духовный аристократизм», в 1990-х гг., да и в наши дни, стал широко распространенной чертой «новых русских», которые в наши дни вообще не боятся противопоставлять себя народу во всем, что они делали и делают буквально на каждом шагу. Достаточно вспомнить вызывающую ярмарку для миллионеров в разгар жесточайшего финансового кризиса, когда тысячи граждан России лишаются работы и последнего достатка. Так называемые «элиты» не понимают, что тем самым перечеркивают свои притязания на демократизм, либо им это безразлично. В любом случае, в народной массе слова «демократ» и «демократия» превратились в ярлыки большой лжи, мощными потоками исходящей из всех «демократических» средств массовой информации.

В этих потоках тонули не только идеалы подлинной демократии. Жестокому удару подвергались и традиционные этические нормы. Алчность вытесняла традиционное для русского народа презрительное отношение к накопительству, пышным цветом расцвели коррупция и взяточничество, причем иные лидеры молодой российской демократии, следуя примеру гоголевского городничего, призывали чиновников, если им не достает денег на достойную жизнь, брать взятки. Свои призывы, не стесняясь, публиковали. В нравы входило презрение к человеческой жизни, убийства. В крупных городах действовали и действуют хорошо вооруженные банды.

В 1990-х гг. «бизнес-элита» поняла, что наступает её время, время капитализма. Народ же этого еще не подозревал, потому что в газетно-телевизионной шумихе никто не отваживался заявлять, что внедрение капиталистических порядков предрешиено. Стоял шум и гам о «социализме с человеческим лицом», об «ускорении развития» и рассуждения о частной собственности, способной породить хорошего хозяйственника, который придет на смену «государственному назначенцу». В этом словесном тумане нарождающаяся ново-русская буржуазия начала вести себя с возрастающей наглостью. В газете федерального значения некто Ю.Трофимов призывал интеллигенцию засучить рукава и воспользоваться открывающимися возможностями для своего обогащения. Культ денег решительно теснил «демократические» рассуждения об уважении к личности, которая все больше, все основательнее втаптывалась в грязь идущей кругом разрухи и гибла от случайных выстрелов при бандитских налетах. В русском обществе возникли

две не существовавшие в Советском Союзе общественные группы – олигархов и бомжей. Вряд ли кто-то из авторов «Вех», доживи он до наших дней, стал бы гордиться зрелищем построенного в современной России капитализма...

Впрочем, что-то новое появилось, и рождено оно техническим прогрессом. Это телевидение, сегодня начавшее играть роль совершенно новую, заметно более значительную. Не вдаваясь в подробности, сошлюсь на статью знатока темы Константина Ремчукова, опубликованную в номере за ноябрь–декабрь сего года журнала «Станиславский». По его мнению, телевидение «давно уже поделило зрителей на сегменты и страты и создает продукт-наркотик для эмоциональной подсадки на трэш для каждой группы потребителей». Авторы современных статей любят похвастаться знанием иностранных языков; думаю, что их далеко не всегда понимают читатели. Так вот, слово «трэш» в переводе с английского, помимо всего прочего, означает халтуру, мусор. Не заметив того, автор довольно резко оценил и наше телевидение и его зрителей: современное русское телевидение подсаживает своего зрителя на наркотик, причем очень низкого качества.

И тогда встает вопрос: родили ли крикливые преемники старого, перечеркнутого историей сборника какие-либо новые идеи, способные действительно увлечь народ? Давние клятвы о динамичности капитализма как системы выглядят полной нелепостью на фоне разорения России, её фактического превращения в страну «третьего мира». Сегодня по всему миру ширится разочарование в капитализме как движущей силе истории; в этой роли он явно исчерпал себя. Моральное совершенство нового строя? Не смейтесь. Великолепные портреты процветающих буржуа еще в XIX в. создали Диккенс и Достоевский, не говоря о множестве других талантливых авторов. От этих портретов уже наши деды хватались за голову. Теперь их «герои» выступили вперед в еще более жутком облики, вдохновляя авторов детективных романов. Вряд ли случайно детективный роман стал наиболее читаемым литературным жанром эпохи.

Что же дальше? Стоит громкий шум, из которого не доносится сколько-нибудь значительных и крупных в историческом масштабе идей. Время безмыслия, увы, не прекращается.

Александр Казин

Вехи вчерашние и сегодняшние

Сонмище больных, изолированных в родной стране – вот что такое русская интеллигенция.

М.О.Гершензон

Столетний юбилей «Вех» – достойный повод подумать о нашем прошлом, настоящем и будущем. История не дает миру заскучать по меньшей мере с 1914 г., когда сравнительно спокойный европейский модерн XIX в. был взорван Первой мировой войной и чередой революций. Взрыв этот предвидели, и о нем предупреждали не только авторы «Вех». Как тут не процитировать Александра Блока: «...Сулят нам, раздувая вены, все разрушая рубежи, неслыханные перемены, невиданные мятежи». Прожитое с тех пор столетие довело риск мировой истории до предела. Чего стоила Вторая мировая война, Освенцим, Хиросима, или, к примеру, кубинский кризис 1962 г., когда жизнь на планете буквально висела на волоске от термоядерного апокалипсиса! Или последний мировой экономический кризис (по-гречески – суд), когда дутыми зелеными бумажками торгуют как товаром. Не говоря обо всем другом...

Три ответа. Но нас интересует, прежде всего, русская история и современность. По поводу России, её места в мире логически и исторически дается три главных ответа. *Первый*, сформулированный в свое время графом А.Х.Бенкендорфом, звучит так: *прошлое России было удивительно, её настоящее более чем великоленно, что же касается её будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение.* Сегодня над этими словами не хихикает только ленивый, однако, следует помнить, что к 1913 г. Российская империя набрала такую цивили-

лизационную динамику, что если бы она продолжилась ещё лет 20, в 1940-х гг. Европа бы имела единственную сверхдержаву – царскую Россию.

Второй ответ, противоположный, сформулирован в философской форме П.Я.Чаадаевым и развит впоследствии всеми русофобами: Россия находится как бы вне общей истории человечества и существует для того, чтобы дать миру какой-то важный урок. В XX в. эта мысль обрела вид пресловутой «круговой» концепции нашего национального движения, описываемого как бесконечный тупик, вечное повторение одного и того же – диктатура-хаос, заморозок-оттепель. Какой-то умник придумал ещё «Верхнюю Вольгу с ракетами». Казалось бы, очень похоже на правду и подтверждает худшие опасения «Вех», однако, «вольги» не побеждают в мировых войнах и не выходят первыми в космос. В лучшем случае, они пиратствуют, как в Сомали...

Третий, и единственно верный ответ был дан две тысячи лет назад, раз и навсегда. «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр. 3, 19), и «Горе вам, богатые, ибо вы уже получили свое утешение» (Лк. 6, 24) – обе заповеди неукоснительно соблюдаются в религии, государственности и культуре почти всех народов, служащих не «этнографическим материалом» (Н.Я.Данилевский) истории, а действительно делающих её.

Чего боялись Бердяев с Гершензоном? Сказать коротко, они боялись «грядущего хама» (выражение Д.С.Мережковского), т. е. полностью бездуховного, а частично уже и демонизированного человека-животного, «биоробота», способного запачкать собой всё, что есть чистого и высокого в этой жизни. Одному из вдохновителей веховства, замечательному отечественному мыслителю К.Н.Леонтьеву принадлежит формула, значение которой со временем только возрастает: *средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения*. Создав «упростительное» и «смесительное» общество, где всё продается и покупается (т. е. святость и грех, гений и бездарность социально уравниваются посредством всеобщего рыночного обмена), капитализм произвел на свет и соответствующую такому обществу парламентскую государственность, единственная задача которой – поддержание рыночного статус-кво. Либеральная демократия избирает в качестве владельцев умов и правительств не лучших, а себе подобных. Авторы «Вех» пред-

ставили себе, что будет, когда такой, выражаясь современным жаргоном, «электорат» и его лукавые вожди придут к власти. Как раз по этой причине инициатор «Вех» М.О.Гершензон написал знаменитые строки, за которые его проклинали либерал-нигилисты всех времен: «*Каковы мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом – бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной»¹.

Вот тут-то и выходит на поверхность своеобразие русской истории, да и современности, на которые четко указали «Вехи». Недаром царская власть на Руси держалась так долго и прочно: православный народ предпочитал царя власти денег. Власть денег отвергал и советский народ, не очень-то ею восхищен и нынешний народ российский. Цифры недавнего всенародного (50 млн чел.) голосования «имени России» говорят лучше слов: из двенадцати гениев нашей истории народ выбрал четырех царей и двух генсеков, среди которых такие «крутые», как Иван Грозный, Петр Великий и Иосиф Сталин. Кстати, революцию 1905 г., так озаботившую веховцев, не дал довести до конца, опять-таки, простой русский народ, благословленный на это св. Иоанном Кронштадтским. В то же время «прогрессивное общество» рукоплескало террористам, посылало поздравления с победой в войне японскому императору, а думский лидер тогдашних либералов, англоман П.Милюков до конца эмигрантской жизни гордился тем, что своей речью в Думе в ноябре 1916 г. («глупость или измена?») подал воюющей стране «революционный сигнал». Между прочим, до победы над Германией в первой мировой войне тогда оставалось несколько месяцев. И до Москвы и Волги немцы тогда не дошли, война шла в Галиции и Польше.

Личность, народ и государство. Главная ошибка либералов всех времен – что прекрасно показали авторы «Вех» – отделение личности от Бога и государства. Личность ведь не просто самодовлеющая юридическая единица, своего рода Робинзон в окружении дикарей, претендующих на его священные права. Личность в православно-русской цивилизации есть индивидуальное преломление «симфонического» (по выражению Л.П.Карсавина) образа народа. Точно так же народ не сводится к своей этнической,

¹ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. М., 1991. С. 90.

биологической составляющей. *Народ – это нация, обладающая религиозным и культурным самосознанием.* По существу, именно об этом твердили все сколько-нибудь чуткие к своеобразию своего отечества мыслители XIX–XX вв., причем и традиционалисты, и либералы. Именно К.Кавелину – теоретику русского либерализма – принадлежит глубокая формулировка (правда, со ссылкой на славянофила Ю.Самарина): «В идеале русском представляется самодержавная власть, вдохновляемая и направляемая народным мнением <...>. Сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как – *самодержавной республики*»².

Вот в этом всё дело. Византизм, европеизм, советизм в нашей истории выступают в конечном счете формами русской идеи: *живи не так, как хочется, а так, как Бог велит.*

Истоки и смысл русского коммунизма. Я намеренно выделяю название знаменитой книга Н.А.Бердяева – в своем прогнозе и диагнозе того, что произошло с Россией после 1917 г., веховцы тоже оказались, в основном, правы. Один из авторов сборника, С.Л.Франк прямо писал (в 1929 г.!), что «русский дух насквозь религиозен. Он не знает, собственно, других ценностей, кроме религиозных»³. Почему же рухнуло самодержавие? Если ответить односложно – потому что не смогло оградить народ от

² *Кавелин К.Д.* Разговор с социалистом-революционером // *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. М., 1989. С. 436, 439. Близкое по смыслу высказывание (опять-таки со ссылкой на М.Н.Каткова) имеется в статье Ю.Ф.Самарина «По поводу мнения “Русского вестника” о занятиях философию, о народных началах и об отношении их к цивилизации» (День. 1863. 7 сент.). От себя Кавелин (искренний либерал. – *А.К.*) добавляет: «Мне кажется, это вполне верно. Тут выражено органическое единство власти и народа, а так как народ, без сомнения, по самому существу своему самодержавен, то и единая с ним власть, eo ipso, должна быть самодержавной. Когда наша интеллигенция вся сплошная перейдет, втянется в народ и перестанет отделяться от него не только правами и положением, но и тенденциями своими, когда она перестанет жить обособленной корпорацией, как некая опричнина в земле, т. е. когда она вполне сбросит с себя безнравственную и развращающую её рознь с народом, тогда Россия станет тем, чем ей быть должно и по демократическому её складу и по смыслу всей её прошлой истории, выдвигавшей на первый план только царя и народ» (там же). Как видим, ключевые темы «Вех» продумывались в России задолго до 1909 г. В XX в. И.Л.Солоневич назвал это *народной монархией*.

³ *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. Духовные основы общества. М., 1992. С. 483.

власти капитала. По афоризму Бердяева, *Третий Рим стал третьим Интернационалом*. Веховцы проследили тайну превращения социал-модернистской марксистской доктрины (правда, с сильным ветхозаветным элементом) в русскую – православную по истокам – мечту о мировом спасении. Сила (и одновременно соблазн) русского коммунизма состояла в том, что он не бедных предлагал сделать богатыми, а, наоборот, богатых опалить пламенем мирового пожара. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови. Господи, благослови!». Соответственно своей истории и своему духовному строю, Россия испытала, осуществила то, что на Западе в лучшем случае было предметом умозрительных построений. В этом плане можно сказать, что Россия ценой собственной крови спасла человечество от веры в гедонистическую утопию. В русской культуре произошло парадоксальное сращение базовых религиозно-исторических ценностей – прежде всего, идеи царственного, праведного бытия – с пришедшими с Запада претензиями прагматического использования этого бытия, вплоть до его радикальной переделки. Именно в точке подобного сращения русский Христос сблизился с петербургским мифом, образ избранного народа – с пролетариатом-мессией, Карл Маркс – с еврейскими пророками и Фридрихом Ницше... «Вехи» все это обозначили уже в 1909 г.

Скажем конкретнее, Советам пришлось (вопреки фетишу мировой революции – вот где проявился промысел истории!) построить нечто вроде вышеназванной «самодержавной республики», и тем самым вытянуть Россию из болота, в которую её загнали в феврале 1917 г. взбунтовавшиеся «фармацевты» (словечко А.Блока). После падения законного царя Милюков, Керенский и К^о попытались слепить умеренную парламентскую республику из распадающейся Евразии – но их власти хватило едва на девять месяцев. Нравится это кому-либо или нет, именно большевики собрали рухнувшую Россию почти в прежних имперских границах. Подлинным создателем СССР был, конечно, Сталин, построивший за три пятилетки фактически новую сверхдержаву, взявшую в 1945 г. Берлин. Причем у него не было колоний и волшебных источников нефти, все приходилось делать на энтузиазме, страхе и рабском труде. Да, это было страшно, и не дай Бог нам увидеть что-то вроде раскулачивания, ГУЛАГа и воронков по ночам, но если бы этого не произо-

шло, сейчас уже не было бы не только русского народа, но и многих других, примкнувших к нему лет 200 назад племен. И Бердяев не случайно написал свою книгу о русском коммунизме к 20-летию советской власти. Да, большевики спасли страну после либерально-революционного погрома – против которого оказались бессильны призывы мудрых веховцев – ценой жизни миллионов её сыновей и дочерей. Это не теория, это медицинский факт. Стоило ли спасение России такой цены? Тут у каждого свой ответ. Когда-то один из поэтов-«фармацевтов» (некий Джек Алтаузен) написал по поводу памятника гражданину Минину и князю Пожарскому на Красной площади: «Подумаешь, они спасли Россию! А может, лучше было не спасать?». Можно тут вспомнить и о *слезинке ребенка...*

В 1991 г. ориентированные на золото либерал-глобалисты (бывшие коммунисты) под демократическими лозунгами снова пришли к власти в Москве. Это была новейшая (уже вторая за XX в.) либеральная революция, осуществленная большевистскими методами – партноменклатура конвертировала правительственную власть в экономическую. По глупости или корысти, очередные либерал-революционеры полагали, что всё решит невидимая рука рынка – и получили в результате страну в границах XVII в., когда все конфликтовали со всеми и только ленивый не проектировал дальнейшего распада страны на «уральскую республику», «дальневосточную республику» и пр. Академик Сахаров, к примеру, предлагал таких осколков не менее тридцати – тоже либерал был...

Так или иначе, В.В.Путин и его команда предотвратили в начале XXI в. **распад России, сохранив основы российской государственности** (символизируемые царским гербом, советским гимном и демократическим флагом) и покончив с диктатом экономического тоталитаризма. «Семибанкирщине» дали понять, что она не всё может. При всем своем внешнем антидемократизме, путинские действия соответствовали народной воле, и народ поддерживал их – сравните результаты думских и президентских выборов 2003–2008 гг. Я уже не говорю о полном провале либерально-западнических попытках неких партий и лидеров списать всё происшедшее на пресловутый «административный ресурс»...

Что же дальше? Итак, заслуга авторов «Вех» заключалась в том, что они во всеуслышание – к сожалению, поздно – предупредили Россию и мир о грядущей катастрофе под лозунгами равенства

и братства. Конечно, существуют замечательные «Либеральные манифесты» о свободе, ответственности и справедливости как главных ценностях либерализма. Либерализм говорит человеку: «Делай, что хочешь, ты сам себе хозяин! Но при этом ты сам отвечаешь за себя, твой дом – твоя крепость, всё остальное – Бог, государство, родина – суть только части тебя». В наше время этот «свободный собственник» целиком стал рабом рынка и телевидения, которое кормит его «чернухой-порнухой», а улицы его города оказываются во власти многообразных «меньшинств».

Думаю, что авторы «Вех» не очень удивились бы всему этому. В общих чертах они это предвидели. Более того, они предостерегали современников от цивилизационного сдвига в «сторону обезьяны». И у них была для этого точка опоры. История не знает сослагательного наклонения, однако идеал всенародного (соборного) устройства России живет в глубине души нашего народа. Именно он придает отечественной цивилизации тот запас прочности, благодаря которому она воспроизводит свою структуру заново после любого исторического катаклизма, будь то нашествие Наполеона, Гитлера или нынешних доморощенных либерал-революционеров. Патриарх Кирилл во многих своих выступлениях не устает напоминать о древнем идеале симфонии духовной и светской власти. Церковь – это душа государства и культуры; в социальное пространство она входит лишь в той мере, в какой является человеческим институтом. Что касается общества, то, говоря библейским языком, это паства, которую надо опекать и воспитывать. Процесс общественного воспитания идет непрерывно – либо в храме, либо телепередачами вроде «Дом-2»: выбор очевиден. Кстати, «конкордат» между церковью и государством существует во многих европейских странах, в том числе православных – Греции, Грузии.

На уровне государства нам нужна сильная державная власть во главе с общенациональным лидером. Если называть вещи их именами, нам нужен «избираемый царь», ибо законного православного государя, по слову И.А.Ильина, нужно ещё заслужить. Российская государственность (даже в нынешнем урезанном виде) включает в себя на евразийской территории более 100 народов и этносов, представляющих все мировые религии и культурно-исторические типы. Объединить их общим цивилизационным строем способна лишь мощная внепартийная организация, представляющая собой

не только силу, но и духовно-культурный авторитет. В известном смысле это можно назвать «монархо-коммунизмом», объединяющим в себе вертикаль державности и столь дорогую русскому сердцу идею социальной справедливости («от трудов праведных не наживешь палат каменных»).

На уровне экономики необходим строгий госконтроль за ключевыми отраслями производства (прежде всего стратегическими и сырьевыми) при активной стимуляции частного отечественного капитала. Классического капитализма западного типа в России просто быть не может, потому что капитал работает там, где ему выгодно, а в России реальное производство дорого и неэффективно. Неужели нам нужен один спекулятивно-сырьевой рынок? Если говорить о действительных перспективах российской экономики, то это прежде всего экономика знания, изобретений, неожиданных фундаментальных идей. Между прочим, это русские, а не американцы с японцами, изобрели радио (1904) и телевидение (1911). Чтобы русский человек хорошо (и даже гениально) работал, ему нужна идеальная мотивация – или уже «внешний двигатель» в лице царя или генсека. Известно, что самыми успешными хозяйственными предприятиями на Руси были монастыри, Николай Первый лично провел по карте линию железной дороги Петербург – Москва, Транссибирская магистраль была построена за десять лет, а о великих стройках социализма я уже не упоминаю. Да и где вы найдете в русской литературе героя-шустрого предпринимателя – разве что Чичикова со Штольцем? **В связи с этим также необходимо понять, что доллары – это не деньги в экономическом смысле слова, а нарисованные на бумаге политические акции США, навязываемые всему миру силой. Сегодня по швам трещит виртуальная долларовая пирамида – нужно ли нам поддерживать её своими невосполнимыми природными ресурсами?**

Нынешний Запад фактически находится в плену своих же агрессивных по отношению к Божьему миру технологий, это гигантская пиррова победа фаустовского модерна, отвергнувшего христианские ценности под раскаты торжествующего вольтеровского хохота. Недавно «главный приватизатор» России А. Чубайс заявил, что такого кризиса человечество никогда не знало. Забыв добавить, что кризис этот не столько экономический, сколько идейный и концептуальный. Американизированный глобальный

Фауст получит в XXI в. своего Мефистофеля – но уже не вальжного господина, как в величественном сочинении И.В.Гете, а звероподобную биоэлектронную бестию, в которой будет смоделирован весь грех, накопленный за годы модерна и постмодерна «золотым миллиардом». Запад вошел сегодня в «обратный ход» своей духовной эволюции: католичество – протестантство (в союзе с секуляризованным иудаизмом) – либерализм (точнее, либертарианство) – неоязычество – инфернальность. Всё это предвещает в обозримом будущем геокультурную катастрофу (гностическую «культуру смерти», по терминологии А.И.Неклессы), опасную как для самого Запада, так и для большинства народонаселения планеты, которого норовят «демократизировать» насильно, с помощью «цветных» революций и крылатых ракет.

Православно-русская цивилизация реализует в своей истории образ не восточного (фаталистического) и не западного (самодостаточного), а творчески верующего человека. Русский творческий акт – религиозный, государственный, художественный – направлен к абсолютной Личности, а не к самому себе. В силу своей духовной природы России постоянно приходится разрешать парадоксы верующего разума, нравственного художника, народного монарха, тогда как на Западе эти самодовлеющие социально-культурные практики разнесены (диверсифицированы, как принято сейчас выражаться) по разным «углам» общественного и личного бытия. Европейская свобода уже пережила ряд смертей – смерть Бога и смерть цельного человека. Противоречие между восточной общинностью и западным персонализмом – это движущая сила нашей истории. Привлекая к себе лучшее и Азии, и Европы, Россия не перестает быть самой собой. Именно это делает её сегодня страной будущего, когда после кризиса спекулятивного посткапитализма понадобится народ, способный построить более одухотворенную и справедливую цивилизацию.

России нужна верховная власть не потому, что она «тысячелетняя раба» (о «проклятом царизме» при Советах говорили так же часто, как сейчас о «проклятом коммунизме»), а потому, что в глубине души она хочет служить чему-то более высокому, чем польза, комфорт, плюрализм и т. п. Рай на земле – это выдумка идеологов новоевропейского прогресса, начиная с Реформации (возврат от христианства к иудейству) и Просвещения (философия либераль-

ного гедонизма). Запад поверил в эти сказки, по существу перестав быть христианской частью света (страна «happy end»). Россия, со своей стороны, до сих пор живет мыслью, что власть и культура в государстве должны исходить не от грешной «одинокой толпы», а от Бога. Тело России действительно болеет, но дух ещё жив. Как заметил в свое время В.С.Соловьев, идея нации заключается не в том, что она сама думает о себе во времени, а в том, что Бог думает о ней в вечности⁴. Вся история России – включая катастрофический XX век – свидетельствует о Божьем замысле святой Руси, а не о России язычески-самодовольной. Тому, кто не хочет или не может этого понять, придется ещё много думать о России. Авторы «Вех» одними из первых обдумали её.

В заключение сформулируем мысль, которая многим покажется излишне жесткой и которая, однако, представляется нам единственно верной в свете русского опыта XX в: *Россия может существовать и развиваться в истории либо как христианская монархия (империя), либо как народная диктатура («самодержавная республика»)*. Либерализм – социальный, культурный, политический – обрекает её на гибель⁵.

---

⁴ Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 220.

⁵ Это, разумеется, не исключает элементов либерализма там, где они действительно необходимы (например, в области частной жизни).

Андрей Столяров

До света «Вехи» как пророчество

Против течения. Взрыв эмоций вокруг сборника «Вехи», опубликованного в 1909 г., был обусловлен тем, что авторы сборника, впоследствии ставшие классиками русской философской и политической мысли, подвергли критике две священных для тогдашнего российского общества темы – *социализм и интеллигенцию*, что было тогда большой интеллектуальной смелостью. В начале двадцатого века капитализм как форма общественного устройства себя окончательно дискредитировал. Передовому сознанию, как в Европе, так и в России, стало очевидно, что он порождает беспощадную эксплуатацию большинства меньшинством, закрепляет неравенство, порождающее острую классовую борьбу, власть денег, конкурентное, хищническое отношение к миру и человеку.

Спасением для человечества представлялось социалистическое учение, которое, как казалось тогда, основывалось на традициях европейского просвещения и предлагало принципиально иную модель социального бытия: бесклассовое «мирное» общество, исключающее концентрацию власти и собственности в немногих руках, где все люди равны, где доминирует справедливость, где благо всех есть благо каждого. Это была чрезвычайно привлекательная перспектива. Призрак «общества справедливости», действительно, бродил по Европе, и его воцарение казалось лишь делом времени.

В противовес этому авторы «Вех» акцентировали внимание на негативных чертах зарождающегося учения. Отмечали (в российской версии социализма) его догматизм, упрощающий жизнь до схемы, тенденцию превращения в некий суррогат религии, «партийную принадлежность», исключительную творческую свободу, сведение человека к «классу», т. е. его обезличивание. Авторы «Вех» видели в социализме не «светлое будущее», а доктрину тирании и порабощения.

Такое отношение к социализму, по мнению С. Франка, исповедовалось *огромным большинством русской интеллигенции*, и не могло не вызвать резких протестов. Но главных виновников авторы «Вех» увидели в лице интеллигенции, которая имела в то время чуть ли не божественный статус. Она представлялась как лучшая, самая прогрессивная и передовая часть российского общества, самая образованная, нравственная и благородная, которая ведет самоотверженную борьбу за интересы народа и будущее России, жертвуя своим материальным благополучием, личным счастьем, самой жизнью. Никому и в голову не приходило усомниться в этом ее высоком предназначении.

Портрет интеллигенции авторов «Вех» был диаметрально противоположным. Российская интеллигенция предстала на страницах сборника в качестве безумных революционных радикалов, фанатиков, «отщепенцев», стремящихся исключительно к разрушению, существующего в качестве замкнутого догматического кружка, проповедующего безответственный максимализм. В рамках которого *героическое «все позволено» незаметно подменяется беспринципностью* (С. Булгаков), что, в свою очередь, порождает беспринципность средств и методов революционной борьбы.

Авторы «Вех» настаивали на *неисторичности* мышления российской интеллигенции, ее оторванности от жизни, которую интеллигенция не знает, ее этнической беспочвенности, образующей гигантский разрыв между нею и народом. Как писал Михаил Гершензон: «Народ нас не понимает и ненавидит, мы для него человекоподобные чудовища, люди без Бога в душе». Парадоксальность ситуации, по его мнению, заключалась в том, что от народной мести интеллигенцию спасает лишь государство: народ, ради которого интеллигенция жертвует всем, «ненавидит ее, а власть, против которой она боролась, оказывается ее защитой».

В свете последовавших затем событий – Октябрьской революции, гражданской войны, сталинских лагерей и т. д. – эту критику обычно рассматривают как своего рода философское ясновидение, как историческое прозрение, которое, к сожалению, не было принято во внимание. Мол, веховцы – это пророки, не услышанные в своем отечестве. Но тот же вопрос можно поставить иначе: насколько реалистичным и вещим было само пророчество?

Свобода, равенство, братство. Отметим сразу, что веховская критика социализма буквально целиком может быть отнесена и к современному российскому либерализму. Не понадобится ничего добавлять. Нынешний российский либерализм, если сдуть с него пену декоративных «прав» и «свобод», фактически сводится к механистической концепции «пользы», к простым реакциям, к примитивному потребительскому «экономизму», полагающему, что человек мотивирован сугубо материальными интересами – в любой ситуации он принимает рациональное, т. е. выгодное для себя решение. Человек здесь – не личность. Это скорее инертный социальный материал, точка приложения сил.

По сути, современный либерализм основывается на том же вульгарном материализме, что и ранняя социалистическая доктрина, на том же линейном детерминизме, который считает, что мир одномерен: причина однозначно влечет за собой следствие. Отсюда и практика либерализма в России: давайте примем такие-то законы, скопировав их у западных стран, утвердим такие-то социальные институты, взятые там же, свяжем их коммуникациями, которые уже проверены в Европе и США, и у нас расцветут свобода и демократия.

Метод чрезвычайно простой. А каков результат? Законы приняли, институты, соответственно, утвердили, все точно скопировали, – но, увы, ничего не расцветает. Напротив, множество граждан России с тоской, и чем дальше – тем больше, вспоминает советский социализм.

С аналогичным явлением столкнулись в свое время англичане, когда покидали колонии Британской империи. Они оставляли местному населению налаженный государственный механизм: министерства, ведомства, департаменты, чиновничью иерархию, четкий документооборот. Они даже готовили национальных специалистов, владеющих соответствующими навыками. Однако, как

только англичане покидали страну, вся эта изумительная механика переставала работать. Местная «философия жизни», складывавшаяся веками, отвергала чуждую ей европейскую формалистику.

И тогда и сейчас не принимается в расчет элементарная вещь: помимо экономики быта, которая универсальна, едина для всех, существует еще и метафизика бытия, этническое самосознание, у каждого народа – свое. Разница метафизик – это и есть разница национальных характеров. Причем при столкновении метафизики с экономикой, метафизика, как правило, побеждает. Показателен в этом отношении Советский Союз, где, несмотря на вопиющую не-суразность плановой государственной экономики, которая просто бросалась в глаза, большинство граждан, тем не менее, верило, что живет в самой передовой, самой прогрессивной стране, являющей собой будущее человечества.

Метафизика почти всегда сильнее реальности. И потому авторы «Вех» были абсолютно правы, требуя вслед за славянофилами, которые им были идейно близки, учитывать особенности российского национального самосознания. В частности – традицию православия, почти тысячу лет формировавшую бытийную генетику россиян.

Другое дело, что, отвергая социализм, «Вехи» не предлагали внятной социальной альтернативы. У них не было образа будущего, не было перспективы, которая могла бы стать привлекательной для миллионов людей. Призыв к религиозной рефлексии, к нравственному совершенствованию на основе христианских доктрин выглядел архаическим в мире, жаждущем перемен. Это было обращение не к будущему, а к прошлому, как бы бесплодной попыткой продлить старческую немощь империи.

Россию начала XX века вряд ли можно было назвать православной страной. По данным петербургского историка Б.Н.Миронова, пост, в статусе воздержания, соблюдало не более четверти россиян. В городах еще меньше – один процент¹. А когда после Февральской революции было отменено обязательное причащение в армии, то количество причащающихся сразу упало до 10 %². Вот это и было истинным количеством верующих в «христианской державе».

¹ *Миронов Б.Н.* Народ–богоносец или народ–атеист? // Родина. 2001. № 3. С. 52–58.

² *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 34.

Русская православная церковь, тесно связанная с государством, была в то время дискредитирована и в глазах народа, и в глазах «прогрессивных элит» ничуть не меньше, чем институт монархии.

Пророчество ушло в пустоту. Да и само отвержение социализма было явно поспешным. Правильно предугадывая трагедию, надвигающуюся на Россию, авторы «Вех» не учитывали того, что всякая большая мировоззренческая идея должна созреть. Она должна пройти через свой период «подростковой жестокости», через свою нетерпимость, через свои религиозные войны, через свои «походы за веру», через свою инквизицию, которая последующим поколениям будет представляться абсолютным и иррациональным злом. Христианству, чтобы обрести гуманную форму, потребовалось около двух тысяч лет. Социализм же в эпоху «Вех» находился лишь в самом начале исторического пути. Он просто-напросто еще не успел повзреть.

К тому же, от внимания авторов «Вех» каким-то образом ускользнуло то обстоятельство, что именно социалистическая идея, выражающая собой мечту человечества о «рае земном», если уж обращаться к национальной почве, была наиболее близка традиционному сознанию россиян, тяготеющему не столько к механике формальной законности, созданной Западом, сколько к конкретной человеческой справедливости, рождаемой «правильным бытием». Не юридическая, а человеческая правота – вот чем внутренние, архетипические приоритеты России отличались от внешних, цивилизационных приоритетов Запада.

И носителем этой человеческой правоты, как представлялось тогда, являлся именно социализм.

Историческая неизбежность его была выражена еще в лозунгах Французской революции 1789 г.: «Свобода. Равенство. Братство». Это был очевидный для всех вектор социального продвижения. И тут была своя эволюция. **Первое поколение революций утверждало идею и ценность свободы:** человек не мог быть вещью, говорящим орудием, чьей-то собственностью, рабом или крепостным. **Второе поколение утверждало идею и ценность гражданского равенства:** все люди равны независимо от цвета кожи, национальности, вероисповедания и т. д. **Третье поколение революций, которое еще себя не изжило, утверждает идею и ценность братства, т. е. практического гуманизма, идею справедливых социальных и человеческих отношений.**

Костры инквизиции затмевали небо, но не заслоняли бога. Христианство продолжало существовать, несмотря на безумства его фанатичных ревнителей. Точно так же ни террор сталинского периода, ни воздвигнутые затем нагромождения поздних советских времен не могут заслонить сияющую на горизонте идею справедливого переустройства мира.

Справедливость – мое ремесло. Столь же чрезмерной – с дистанции минувших ста лет – выглядит и критика интеллигенции, предпринятая авторами «Вех». Относилась она, разумеется, не ко всей российской интеллигенции, подавляющее большинство которой составляло земство, чрезвычайно много сделавшее в области народного просвещения, а только к ее маргинальной части, к революционным фанатикам, превратившим марксизм в подобие новой религии. Не случайно Н.А.Бердяев видел в ней *кружковую интеллигенцию*, искусственно выделенную из общенациональной жизни. Этот своеобразный мир жил своей замкнутой жизнью, под двойным давлением – казенщины внешней, реакционной власти, и казенщины внутренней – инертности мысли и консервативности чувств, не без основания названных «интеллигентщиной», в отличие от интеллигенции в широком, общенациональном, общеисторическом смысле этого слова».

Отождествление очень узкой, специфической революционной среды со всей массой российской интеллигенции, на наш взгляд, один из крупнейших просчетов авторов «Вех». Тем самым они не только оттолкнули возможных союзников, которые мировоззренчески им были близки, но и заложили традицию скептического отношения к интеллигенции вообще, традицию, продержавшуюся весь советский период, когда интеллигенцию пренебрежительно квалифицировали как «прослойку», традицию, сохранившуюся до наших дней. Не случайно и сейчас интеллигенция как самостоятельный социальный субъект тоже во внимание не берется.

Между тем интеллигенции – это тот самый феномен, посредством которого и разводится мировоззренческая реальность России с мировоззренческой реальностью Запада, где на авансцене преобладают и властвуют интеллектуалы. Внешне эти страты очень близки. Их украшает образованность и креативность, т. е. способность к творчеству. Не удивительно, что их часто путают. Однако, по мнению петербургского культуролога А.В.Соколова,

у интеллигенции наличествует еще одно важное качество – этическое самоопределение, этос³, причем этос здесь доминирует и определяет собой все остальное.

Социальное предназначение интеллектуалов – это выработка технологических принципов бытия: экономики, политики, социальности. Социальное предназначение интеллигенции – это выработка моральных принципов бытия, прежде всего, тех нравственных ограничений, которые на рационализированное бытие необходимо накладывать.

Это чрезвычайно важная цивилизационная функция. В истории не раз возникали моменты, когда развитие технологий, совершенствование, например, оружия, создавало угрозу самому существованию человечества. И только введение моральных запретов на массовое убийство, впрочем, убийство и насилие вообще, позволяло человечеству отодвигаться от опасной черты самоуничтожения.

Можно провести следующую аналогию. Интеллектуалы строят дорогу в будущее, расширяя тем самым границы человеческого бытия. Своей деятельностью они осуществляют непрерывный социальный эксперимент. Интеллигенция же, объединяя будущее с прошлым и настоящим, создает правила движения по этой дороге, ставит знаки предупреждения: ограничение скорости, пешеходная зона, опасный поворот, тупик и т. д. и т. п. Причем интеллигенция не только вырабатывает приоритетные моральные нормы, но и сама она, как социокультурная общность, является их носителем. Это тоже чрезвычайно важная бытийная функция. Принципы нравственности являются понятиями метафизическими: их, как правило, невозможно ни опровергнуть, ни доказать, ни вывести сколько-нибудь убедительно из законов природы, ни обосновать, так чтоб было понятно всем, через социальную логику. Чтобы они утвердились в реальности, необходима их непрерывная общественная демонстрация.

В обществе должен наличествовать класс людей, нравственная репутация которых не вызывает сомнений. Помню, как во времена перестройки, когда образовывались и распадались многие идейные платформы, писатель Борис Стругацкий ответил оратору, пытавшемуся агитировать за одну из них: «Не надо мне ничего объяснять. Не надо мне деклараций, программ, вы мне просто скажите – где Окуджава, здесь? Ну, значит, и я тоже здесь».

³ Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009. С. 51–52.

Исторически так сложилось, что на Западе, где церковь по отношению к государству была самостоятельной силой, индикатором нравственности служили ее представители. Священник был образцом, эталоном нравственных норм, чему способствовал и его высокий социальный статус: католическая церковь рекрутировала в свои ряды в основном представителей высших сословий, людей образованных, состоятельных, уже в силу этого возвышающихся над паствой. Моральный авторитет католического священства был достаточно высоким.

В России, напротив, церковь была в значительной мере оговорена и потому разделяла ответственность за все ошибки, нелепости, а иногда и преступления власти. Особых нравственных требований она предъявлять не могла, чтобы не вступать в противоречие с интересами государства. К тому же православная церковь рекрутировала своих служителей в основном из низших сословий – ни образование, ни доходы, ни социальное положение их среди паствы не выделяли. Авторитет православных священников был весьма невысок и потому носителем нравственных качеств в России стала интеллигенция.

Выходит, именно интеллигенция, вводя и отстаивая нравственные правила бытия, анализирует, насколько данное общество им соответствует, выдает ему негласный сертификат на существование, либо открыто заявляет, что так жить нельзя. Дальнейшая судьба общества оказывается под вопросом. К сожалению, сейчас это предназначение интеллигенции исполнять некому.

Какими мы будем? В переломные моменты истории того или иного общества, когда один мир уходит, а другой, совершенно иной, проступает ему на смену, неизбежно возникает вопрос о самоопределении нации. Кем мы являемся? Что мы собой представляем? Чем мы отличаемся от других? Каково наше место в мире?

В России первую такую попытку предприняли западники и славянофилы, впрочем, не столько решив, сколько обозначив проблему. Авторы «Вех» продвинулись дальше других, четко выделив то, чего не приемлет историческое сознание россиян: схоластический европейский рационализм, сведение многообразия жизни к формальным социоэкономическим схемам. Возможно, впервые в истории был поставлен вопрос о прикладном значении метафизики: духовное измерение важнее экономического, «внутренняя

жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия», и впервые определена интеллигенция как та социальная общность, которая согласовывает духовное и материальное.

Современный мир пребывает в состоянии цивилизационного перехода. Старая реальность распадается на глазах, а новая, постиндустриальная, возникает в тех формах, которым пока еще нет названия. Кто определит приемлемые границы новизны? Кто гуманизирует спонтанное извержение инноваций? Кто определит, что значит быть русским в нынешнем мире и кто объяснит, зачем и кому эта «русскость» нужна?

Заметим, что глобальная экономика наций не видит. Ей требуется только сырье, финансы, рабочая сила и квалифицированный менеджмент. А кто трудится на предприятии, русский или китаец, кто руководит фирмой, синтоист, мусульманин, христианин, значения не имеет. Лишь бы производство не останавливалось. Лишь бы исполнялся набор стандартных технологических операций.

Более того, глобальной экономике не требуется и сама Россия. Гораздо эффективнее, с ее точки зрения, был бы конгломерат крупных экономических латифундий, специализированных корпораций, напрямую включенных в мировое экономическое пространство. Причем внутри корпорации вполне может поддерживаться некая декоративная русскость. Как японские служащие поют хором гимн фирме, с которой они заключили долгосрочный контракт, так русские служащие или рабочие могут, если потребуется, иметь национальный дресс-код: ходить в лаптях, с бородами, подпоясанные веревкой, есть в столовой щи, кашу, пить сбитень (сваренный малайцами из банановой кожуры), участвовать в коллективных молениях по православным обрядам.

Хопёр инвест!.. Воистину инвест!.. В глобальном мире крайности либерализма и патриотизма смыкаются. Кто скажет, что это плохо? Зарплата приличная, социальное страхование на высоте, все национальные особенности тщательно соблюдены. Чего еще надо? И сама Россия присутствует в глобальном пространстве как привычный экономический бренд: «Русское золото», «Русская нефть», «Русские самовары»...

В начале XX века перед Россией, впрочем, и перед всем миром, забрезжило будущее. Это будущее вылилось в мировую войну, Октябрьскую революцию и семь с лишним десятилетий го-

сподства в России «казарменного социализма». Урок весьма показательный. Сейчас перед нами опять брезжит будущее. Что оно с собой принесет – какие войны, какие глобальные потрясения?

Гегель считал, что история ничему не учит. Человечество вновь и вновь будет совершать те же ошибки, которые оно уже совершало в прошлом. Но, может быть, этот порочный круг удастся, наконец, разорвать? Может быть, будущее впервые предстанет не в облике катастрофы?

Опыт сборника «Вехи», казалось бы, не оставляет надежды. И вместе с тем ни один опыт не проходит бесследно...

Утерянные смыслы

Поистине, историк не сделал бы ошибки, если стал изучать жизнь русского общества по двум отдельным линиям – быта и мысли, ибо между ними не было почти ничего общего.

Вехи. 1909 г.

Отмечая столетие сборника «Вехи», часто пытаются проецировать размышления его авторов на сегодняшний день, или наоборот – сопоставить текущую действительность с теми тревогами, какие снедали веховцев. Задача в высшей степени насущная, полезная. Однако за конкретными параллелями порой теряется особый исторический смысл «Вех» в целом, приобретающий ныне важность исключительную. Этот смысл заключается в том влиянии, которое оказали на государственные умы и общественное мнение предчувствия представителей русской интеллигенции. И в данном случае неважно, что восприятие «Вех» было неоднозначным, что в обществе выявилось немало доктринальных различий по поводу веховских суждений, – важно огромное внимание, проявленное к «Вехам», внимание, которое и сейчас, столетие спустя, заставляет возвращаться к истории знаменитого сборника, по своему значению игравшего роль своеобразного манифеста.

Правда, размышляя о «Вехах», к сожалению, забывают о другом, тоже манифестном сборнике, не только по названию, но и по замыслу нерасторжимо связанном с «Вехами», – об устряловской «Смене вех». Сменовеховцы, писавшие уже в эмиграции, в совершенно иных исторических условиях, по понятным причинам не получили и сотой доли того внимания, какое было проявлено к «Вехам». Однако суть и смысл этого историко-литературного документа, также написанного представителями русской интеллигенции, были не менее значительными. Устрялов и его сподвиж-

ники утверждали крайне важную, принципиальную мысль: работать на возрождение России надо всегда и везде, сообразуясь с политическими реалиями, царящими в Отечестве; большевики – лишь форма государственного властвования, временно выдвинутая русской нацией; особые заслуги числятся за той частью интеллигенции, которая, не приняв большевиков, осталась в России из жертвенных побуждений, чтобы сохранить преемственность русской культуры. Кстати, нынешнее невнимание к «Смене вех» по-своему символично и отчасти служит ответом на «проклятые» вопросы текущего дня: почему сегодня ни общество, ни власть не обращают внимания на процессы, идущие в среде интеллигенции, прежде всего, творческой; почему мнение мыслящей части интеллигенции (а не практикующей в шоу-бизнесе и других, на мой взгляд, более достойных видах искусства) сегодня попросту игнорируется; почему оно полностью похоронено под монбланами злободневных политехнологических «стратегем», не учитывающих даже здравый девиз Римского клуба: *мыслить глобально, действовать локально*.

Действительно, что ныне происходит в среде интеллигенции? Её, так сказать, низовая, самая массовая и классически российская часть – учительство, врачи, библиотечно-музейные трудяги – бьётся в мучительном добывании средств к существованию и с горькой обидой наблюдает за тем, как власть в своём социальном реестре полностью заменила её новым средним классом, исчисляемым исключительно по сумме годового заработка, иначе говоря, брокерами, менеджерами, риелторами, охранниками и прочими неплохо зарабатывающими, но далёкими от духовной жизни представителями рыночных профессий. При этом особое удивление вызывает тот факт, что ни о каких теоретических разработках понятия «средний класс» даже не слышно – наше «всё» – это «Где деньги, Зин?».

Если говорить об интеллигенции творческой, то она также брошена на произвол рынка и погрязла в нескончаемых скандалах, в основе которых лежит свирепая борьба за собственность как главный источник благополучия. Бесконечные дразги сотрясают кинематографистов, писателей, художников, театральных деятелей, и никому до этого дела нет, власть словно преднамеренно фиксирует свою непричастность к процессам, идущим в творческой среде. Хотя порой и подливает керосина в яркие костры конфликтов, от-

чётливо демонстрируя, в частности, через наградную политику, разнородность Кремля от тех или иных групп интеллигенции. Что же касается научной среды, то повышенные (и слава богу!) заботы о «физиках» (включая экономистов и международных) с лихвой компенсируются абсолютным небрежением к «лирикам» – классическим гуманитариям, в том числе к философам. ЮНЕСКО в нынешнем году провело в Москве Всемирный день философии – но за последние двадцать лет философов ни разу не приглашали в Кремль. Ни разу. Они не нужны власти; похоже, их попросту побаиваются, поскольку не готовы к глубокому обмену мнениями о путях развития России.

Хотя русская (читай: российская) философия сегодня на подъеме, успешно осваивая новые области философского знания, в том числе такую остро насущную для наших дней «дисциплину», как философия диалога, приятно удивляет разнообразием философских позиций. Более того, речь сейчас вообще идет как бы о триумфальном возврате «Серебряного века» русской религиозной философии эпохи Бердяева, – разумеется, на новой основе. Именно по этой причине, благодаря возросшему мировому авторитету русской философии, ЮНЕСКО и приняло решение провести в России нынешний Всемирный день философии. Но, Боже мой, сколько же трудностей пришлось преодолеть его российским организаторам! Философское «пиршество мысли» – это вам не Евровидение! Властям успехи русской философии неинтересны, ее общественное значение принижено, потому ей уделили минимум внимания, замкнув праздник открытия Всемирного Дня философии в стенах старого Дома ученых – уютного, однако вовсе не престижного. Подчеркнув тем самым, какое колоссальное различие в глазах Кремля существует между философским осмыслением русской действительности и выводами политтехнологических «тусовок» типа Ярославской конференции, которую приравнивали чуть ли не к «политологическому Давосу».

Кстати, видимо, по той же причине власть избегает серьезно разговора с литераторами, ограничившись разовым общением с молодыми писателями и сводя дело только к их профессиональным нуждам. Когда В.В.Путин уже в ранге премьер-министра все же встретился с писателями, разговор свелся к частностям «конкурентоспособности» и конкретике книжного рынка, но полно-

стью обошел духовную сферу. Чему способствовали и, мягко говоря, своеобразный подбор участников высокого собеседования, у большинства из которых преобладал личный интерес, и истинно премьерский, т. е. экономико-практический подход Путина. До обсуждения исторических судеб России или хотя бы до создания дискуссионного механизма, позволяющего вывести эти вопросы на острие общественного внимания, дело снова не дошло. Состоялось «мероприятие» – и только.

P.S. И хотя впоследствии одна из базисных статей президента Д.А.Медведева получила название «Россия, вперед!», она носила сугубо прагматический характер и была обращена прежде всего в управленческой элите, ставила перед страной задачи экономикомодернизационного плана, практически не уделив внимания духовному возрождению народного самосознания, о чем мечтал Гоголь. Снова и снова «презренная» проза жизни подавляет в умонастроениях нашей высшей власти и политической элиты в целом понимание первостепенной важности и философского осмысления исторических, цивилизационных путей развития России, духовных проблем в целом.

Разумеется, в упадке своего авторитета виновата сама творческая интеллигенция. Позорное письмо 42-х её представителей, требовавших в 1993 г. от власти «Убить гадину», т. е. расправиться с инакомыслящими коллегами, печально знаменитое заседание в Бетховенском зале Большого театра с размахиванием канделябрами и другие аналогичные акции, а также имущественные скандалы серьёзно подорвали общественный престиж литераторов, музыкантов, кинематографистов. Казалось бы, именно поэтому власть должна прийти им на помощь – поскорее принять Закон о творческих союзах. Но чрезмерно затянувшаяся история подготовки этого закона наводит на грустные мысли о намеренном нежелании власти упорядочить статус художественной интеллигенции. Между тем так называемая (в советские времена) групповщина сегодня могла бы стать нормальной и благотворной формой разномыслия. Извините за такой пример, но именно это было в XIX в., когда славянофилы и западники до хрипоты спорили о будущем России, хотя, по словам Герцена, «головы их смотрели в разные стороны, но сердце было одно». И именно то время стало периодом мирового расцвета отечественной словесности.

Почему же сегодня власть и общество так невнимательны к голосу интеллигенции? Почему в новой демократической России не усвоен урок «Вех», ударивших в набат, пытавшихся уберечь от великих потрясений? Почему власть не проявляет никакого интереса к теории современного государства, не только не посылая соответствующего запроса общественной мысли, а наоборот, демонстративно игнорируя поиски философов и литераторов, пытающихся найти ответы на большие вопросы? В истории остались «Вехи» и «Смена вех», но канули в архивах рассуждения тех, кого сегодня на новый лад именуют политтехнологами. И почему в «стратегической» бригаде, которую власть привлекла к обсуждению российских проблем, нет ни философов, ни крупных литераторов? Неужели власть не чувствует различий между обслуживанием её насущных, текущих нужд – тоже дело очень важное! – и глубоким анализом исторических судеб России? Неужели опасаются чего-то вроде новой 500-дневной маниловщины, как было при первом рыночном азарте? Перечень таких «почему» можно продолжить, причём с очень красочными примерами. Но, отмечая столетие сборника «Вехи», полезнее не углубляться в злободневную конкретику, а поискать общий знаменатель всех этих «почему», поразмыслить над причиной, которая мешает власти использовать колоссальный потенциал российской общественной мысли для успешного развития страны, для предотвращения серьёзнейших ошибок, каких немало содеяно за последние двадцать лет.

Причина эта, в общем-то, известна и психологически понятна. После слома коммунистической системы новые идейные радикалы предали анафеме понятие «идеология», и оно, по сути, попало под конституционное табу. Но в ранние постсоветские времена речь шла о запрете на государственном уровне политических идеологий, что и отражено в Конституции. (Хотя по старой привычке научная социологическая публика называет нынешнюю идеологию российской власти «умеренно либеральной», «либерализмом с человеческим лицом», что, кстати, соответствует истине, а заодно противоречит Конституции и порождает именно то разнородное отношение Кремля к отдельным группам интеллигенции, о котором шла речь выше.) Получилось так, что вместе с водой выплеснули ребёнка: справедливо отказавшись от общей государственной идеологии, порушили и систему духовных координат,

посчитали, что стране, народу, обществу вообще не нужна жизнь вне материального расчёта, не нужны большие вдохновляющие идеи типа «американской мечты», которую своим пришествием в Белый дом реанимировал тот же Барак Обама. Между тем в наших философских и литературных кругах, где немало высоких умов крупного калибра, размышляют и над Большой идеей национального масштаба. Власть же, сосредоточившись на текучке, абсолютно равнодушна к таким поискам, к теории государства вообще. В результате мы видим невыверенные провозглашения о том, что справедливое общество – это общество, основанное на строгом соблюдении законов, хотя этот постулат противоречит и традиционному российскому мировосприятию, ставящему справедливость, правду выше закона, и практике жизни, о чём свидетельствуют массовые волнения после принятия закона о монетизации льгот.

Плачевным итогом такого рода теоретической, по выражению Андрея Белого, «невятицы» стало затмение в мозгах, всеобщее непонимание того, какое общество мы строим, к каким целям, кроме искоренения бедности к 2020 г., стремимся (дряблый аналог хрущёвского лозунга о построении коммунизма к 1980 г.!) и каким видится цивилизационное будущее России. Получается, как у Зощенко: живём в великое время, а больше всего озабочены канализацией. Непрояснённая национальная идеология оборачивается не только поднадоевшим спором о том, что хуже – пустые прилавки или пустые кошельки. Духовный вакуум особенно заметен – до рези в глазах! – в сфере культуры, где всё сильнее расходятся «ножницы» между духоподъёмными заявлениями лидеров государства и далёкими от нравственности приоритетами той телевизионно-бульварной тусовки, которая нагло лезет в глаза и в уши, которую назойливо продвигают в центр общественного внимания, которая по-вольтерьянски высмеивает всё святое, учиняет бесконечную расправу над нашим прошлым. Впрочем, о массовом неприятии развращающей молодёжь рейтингово-прибыльной политики, получившей обобщённое название низкопошибной «малаховщины», сказано и написано немало – увы, впустую! – прибавить тут нечего. Недавно президент Д.Медведев подписал очень важный Указ о равном представительстве в государственных СМИ всех думских политических партий. К чему неоднократно призывал ещё президент В.Путин. Но наши СМИ, особенно ТВ, не

склонны прислушиваться к здоровым кремлёвским советам, и потому потребовался указ. Сама необходимость такого указа, помимо позитивного, истинно демократического ядра, несёт в себе важную мысль о предвзятости российских государственных СМИ, которые в сфере культуры ещё более тенденциозны, чем в политике. На что власть вовсе не обращает внимания, ограничиваясь лишь материальными заботами относительно культуры – очень важными, необходимыми, однако недостаточными для духовного ренессанса, что и нашло своё отражение в череде скандалов, раздирающих творческую интеллигенцию. Власть никак не может уяснить очевидную истину: большое переустройство русской жизни началось именно с раскола в среде творческой интеллигенции; и пока этот раскол не будет преодолен – на демократической основе разномыслия и равноправного диалога, – до тех пор не закончатся российские потрясения. Именно примирение творческой интеллигенции через широкий невозбранный диалог о судьбах России послужит сигналом к консолидации общества, страны в целом.

И здесь приходится снова задавать вопрос «почему?» – пожалуй, самый важный. Почему власть игнорирует духовное состояние (вернее, противостояние) творческой интеллигенции, зачастую своими кадрово-наградными импульсами усиливая её раскол?

Ответ на этот коренной вопрос, мне кажется, кроется в общей недооценке особого, если не решающего значения духовной сферы, её влияния на процессы, идущие в стране. Создаётся впечатление, что лидеры государства полностью поглощены экономическими, социально-политическими и внешнеполитическими вопросами развития России. Полагая, что это главная магистральная дорога. А сферу культуры, общественной мысли представляют как бы тротуаром, который, мол, тоже важен, ведь по нему ведь ходят люди. Но нам мешают и тормозят наше развитие не только пробки на дорогах, не менее существен фактор раскола творческой интеллигенции и подчинение сферы культуры законам рынка, которые принижают достоинство *высокого самого по себе*. Внимание к культуре и искусству незачем сводить к вручению наград и материальному обеспечению отрасли.

И тогда хочется напомнить о давних, со времён Александра I традициях тесных отношений российских правителей с деятелями культуры, прежде всего литераторами. Хотя эти отношения бывали

разными – не только с положительным знаком, но и с отрицательным, – традиция эта отчётливо продолжалась и в сталинские, и в хрущёвские, и в брежневские времена: ей уже двести лет. И это означает, что в России верховная власть при всех режимах считала необходимым и особо важным чутко – и лично! – держать руку на пульсе творческой интеллигенции, не передоверяя полностью это архисложное и архитонкое дело нижестоящим уровням власти, где немало людей, считающих, будто высокая культура – это музыка Баха, звучащая из их мобильного. Увы, давняя традиция прервалась в 90-е гг. XX столетия, когда верховная власть перестала вникать в суть «интеллигентских» процессов, заменив существенный подход к творческой среде принципом формального общения с популярными «звёздами». И никто не думает о том, что если на тротуаре вспыхнет серьёзная потасовка, – а именно к этому близится дело в среде творческой интеллигенции, ибо котёл с краёв закипает, – то мало не покажется, драка парализует и движение на магистрали, на главной дороге. Не говорю уже о том, как сильно намеренные вредительские кликушеско-панические настроения, выплёскивающиеся в СМИ, затрудняют преодоление экономического кризиса. А ведь это тоже следствие невнимания к творческой среде, ложного понимания «свободы без берегов», в данном случае противоречащей национальным интересам. Грех тут не вспомнить дедушку Крылова: «Как ни приманчива свобода, но для народа не меньше гибельна она, когда разумная ей мера не дана».

Исторический опыт сборника «Вехи» подсказывает, что может произойти, когда власть не очень внимательна и не прислушивается к предостережениям, предчувствиям русской интеллигенции, обдумывающей мироустроительные вопросы. Последствия такого невнимания хорошо известны. Нынешней власти явно недосуг выслушать и осмыслить размышления интеллектуалов-профессионалов о грядущих судьбах России. Между тем такой диалог давно назрел, и он стал бы (если состоится!) большим общественным событием, если бы предложил верные научные и выверенные традициями, всей толщей русской истории и практикой российской жизни пути цивилизационного движения и развития России в XXI в. Чтобы она могла на равных со всеми войти в мир и остаться при этом Россией.

Алла Глинчикова

Возвращение опасного синдрома

Перед моим отъездом в Бразилию на Всемирный социальный форум мне почти нечего было сказать о России. По крайней мере, так казалось. Казалось, что все уже сказано тысячу раз. Особенно грустное впечатление оставили перечитанные заново «Вехи». Грустное – потому что все повторяется. Будто мы заходим на новый круг испытаний, как будто не было этих ста лет и непонятно, к чему были все эти бесконечные жертвы XX в. со стороны России. Вообще, когда оглядываешься на нашу историю, особенно последнего века, но и не только, то главное чувство, которое охватывает, – это чувство жалости и боли. Сколько героизма и сколько горя! И все во имя чего? Во имя этих безвкусных, так и не достроенных особняков в Подмоскovie или каких-то нелепых пооек в Куршавеле? Из достижений в сухом остатке – отключение газа Украине в новогоднюю ночь и какие-то странные социальные проекты. Рубль падает. И чем больше разговоров про то, что пик падения достигнут, тем отчетливее понимание, что нет, главное – впереди.

Неужели опять революция, военный коммунизм, расстрелы с тройками? Вот только «строек коммунизма» не предвидится. И тут ты понимаешь, что нет, история не повторяется. Во многом (к хорошему или к плохому!) двадцатый век уже не вернется в Россию никогда. Так что же нас ждет? И что от нас зависит сегодня?

Живые и мертвые

Латинская Америка находится на новом важном витке. Больше всего поражают люди. Дело здесь не в капитализме и не в частной собственности. Дело в людях. Они – другие. Какие? *Живые*. Это интересный вопрос – что такое «живое общество», «живая» общественная среда? И что такое «мертвое общество»? И, вообще, как долго может продержаться государство в условиях «мертвого общества»? Живое общество всегда к чему-то стремится, на что-то надеется. Это общество, у которого есть свои общественные иллюзии. Оно активно. Там формируются ассоциации. Люди объединяются на разных уровнях для совместного решения своих проблем. **В нем много разных уровней, подуровней. И это совсем не обязательно общество высокообразованное, европейского типа. И латиноамериканское, и китайское общества – живые.** Живое общество как-то всерьез относится к политике. Оно может поддерживать или критиковать свою власть, и все это всерьез, чтобы что-то изменить. Чтобы понять, что такое «мертвое общество», – надо побывать в России. А лучше – пожить.

Первая и отличительная черта «мертвого общества» – это стерильность его общественной среды. Эта стерильность – наше величайшее достижение. Это именно то, с чем мы вышли из эпохи «социализма» и что отличает нас, сегодняшних, от нынешних латиноамериканцев, китайцев и нас вчерашних (дореволюционных). За 70 лет мы вычистили свою общественную среду до последней травинки. По трое не собираться (только если на кухне, за бутылкой). Друг на друга доносить в обязательном порядке – это нужно Родине! То, что думаешь, говорить не надо – вредно для Отечества. Вообще, чем меньше думаешь – тем лучше для всех и для тебя в первую очередь.

Продукт, который ты производишь, будь то котлета, песня, книга, должен быть невкусным, малосъедобным и пробуждать поменьше общественного отклика. За производство такого продукта обеспечен карьерный рост и сносный пансион. Поэтому не дай Бог создать что-нибудь интересное, радостное или горькое, пробуждающее эмоции людей, их захватывающее. За нарушение «пресного режима» – неотвратимое наказание. Когда общество было еще живо, наказание исходило извне, сейчас – справляемся сами. *Самостерилизация* начинается с детства. В компании глупо петь,

веселиться, что-нибудь придумывать. Надо сидеть отрешенно, лучше с отсутствующим видом. Для «веселья» существует приспособление – «телевизор». Там для общения присутствуют специальные люди (строго одни и те же). Узнаваемость успокаивает. Включаешь телевизор и знаешь – вот этот, с подбритыми височками и странным загаром, будет «невыразимо искренним и непосредственным». А этот, что в шапочке, в помещении будет веселиться не без затаенного ума. А этот – просто *свой парень*, каким бы мог быть и ты, если бы тебе разрешили быть в телевизоре. Вообще-то он неплохой, но какой-то «искусственно живой».

У «мертвого общества» в цене «острые ощущения». Сексу отводится важное место. Проблема мертвого общества в том, что его ничто не возбуждает. Но оно приучено к тому, что с этим можно и нужно жить. Даже если жить особенно негде. Каких-то странных и запредельных денег стоит один квадратный метр жилья, а ведь многие члены «мертвого общества», пожалуй, большинство, достигают метра шестидесяти, а иногда и метра девяноста... Вопрос о том, в какой мере это общество необходимо прежде всего тебе самому себе, постоянно в повестке дня. Вопрос о том, нужно ли людям жить, да еще в таком количестве, в каком они случайно родились, и жить до такого возраста, до которого они случайно дожили, является главным социальным вопросом «мертвого общества». Принято считать, что с экономической точки зрения столько людей здесь не нужно вообще. С другой стороны, умирать тоже накладно. Правда, здесь мнения разнятся. Одни полагают, что рождаемость надо наращивать. Другие не видят в этом большой пользы для экономики.

Нельзя сказать, чтобы «мертвое общество» было совсем уж закрытым. Конечно, были времена, когда покинуть его можно было только ценой национального предательства. Но сейчас это состояние изменилось. У вас может быть бизнес в глобальном масштабе. Вы вывозите свои (бывшие общественные) «мертвые деньги» и вкладываете их «там» в какое-нибудь живое дело. Все зависит от юношеских увлечений. Кто-то любит спекулировать, кто-то увлекается футболом, у кого-то хорошо получаются выстрелы в затылок, а кто-то случайно оказался у нефтяной или газовой трубы. Как случилось – не важно. Важно, что случайно, впопыхах, ни за что ни про что, без особой радости и ясных перспектив – это случилось и получилось.

«Мертвое общество» не имеет иллюзий. Хорошо это или плохо? И что значит – иметь иллюзии? Вот, например, есть представление о том, что существуют добро и зло. Были времена, когда отличать добро от зла было важно для того, чтобы уважать себя и других людей. На этой почве возникла масса заблуждений. В «мертвом обществе» это не важно. В «мертвом обществе» вам быстро объяснят, что «благими намерениями вымощена дорога в ад», что равенство – это убожество и нищета, а вот неравенство – это свобода. Что люди неравны от природы, и потому полезно сытно кушать, когда другие голодают, и надо стремиться к тому, чтобы закреплять и наращивать это неравенство. Есть аргументы в пользу того, что равенство экономически неэффективно, поскольку подавляет личную инициативу. Поэтому, если ты имеешь политическую возможность обобрать как можно больше своих сограждан с помощью, например, искусственного ослабления национальной валюты, то ты молодец. Преимущества «мертвого общества» состоят в том, что ворующие на мелком уровне не имеют никаких моральных оснований, во-первых, доверять друг другу, во-вторых – предъявлять претензии к тем, кто ворует по-крупному. Правда, ворующих по-мелкому можно ловить. А вот крупных не стоит, с этими хлопот не оберешься. Да и что такое справедливость? Чтобы объяснить ненужность этого понятия, понадобится экономический диплом Гарварда. Вам объяснят, что «справедливость» – это если «все взять и поделить». И это, разумеется, очень плохо. Поскольку с экономической точки зрения гораздо выгоднее просто «все взять» и куда-нибудь сбежать, пока не спохватились. Внизу можно взять очень мало, зато вверху очень много. Но ведь на то оно и неравенство.

С доверием тоже возникают проблемы. Но и тут нет ничего нового. Мы давно привыкли не доверять друг другу. Раньше, когда мы еще жили большим дружным лагерем, каждый мог запросто быть «стукачем». Теперь каждый может тебя предать. А как иначе? Каждый за себя. Конечно, войной это пока назвать нельзя, но вялотекущая «возня всех против всех» идет успешно. Многое тут, конечно, зависит от темперамента. Скажем, в метро тебе запросто отдавит ногу более сильная и крепкая особь. А там где теплее, могут и подстрелить. Одно утешает, что все это делается как-то без энтузиазма, вяло и все больше за деньги, без высоких идей и общенационального порыва.

Хотя такие попытки предпринимаются, и некоторая идеологическая работа ведется. Когда у людей возникает голод по справедливости, состраданию, совести – они могут получить все это в тщательно протертом и рафинированном виде. Во-первых, можно сходить в церковь. Кстати, почему бандиты так любят носить большие золотые кресты на своих могучих грудях? Каждый спасается, как может. Патриотизм тоже разрешен, но в таком виде, чтобы не трогать воров. Все-таки, они свои, национальные. Есть у нас еще гордость своей историей. Конечно, была и литература. Но литература русская как-то уж слишком связана с совестью. Все эти «не убий», «не укради», «возлюби» – так наивно! **А вот в истории можно найти много достойного похвалы.** За жизнь свою нынешнюю нам друг друга уважать не приходится, но ведь была же Великая Отечественная война! Или, скажем, Невская битва. Что касается Куликовской, то тут уже есть разночтения. Возникают некоторые трудности и со славной «эпохой культа личности». Ясности по-прежнему нет. С одной стороны, заманчиво – такой народный порыв и единение – любого сажай без суда и следствия, и все поймут и простят. Но, с другой стороны – придется признавать принцип «равенства», и опять эти дурацкие игры со справедливостью. Да и деньги крутить стало труднее, не говоря уже о Куршавеле и любимых футбольных увлечениях. Вот если бы «нос Иосифа Виссарионыча» да к лицу «Егора Тимурьча»... Но варианты есть, хотя пока не очень получается.

У Высоцкого есть отличная песня про человека, который лежит в гробу «среди квартиры». Он не умер, а как-то странно спит. Странно, потому что в гроб его «вогнали кое-как», и он все видит и слышит. Видит и почетный караул, выстроившийся у изголовья и «всплакнувший для приличия», видит и «взглядов серию на сонную свою артерию». Слышит речи, произносимые «за долголетие» и «полнокровие». Он лежит и с изумлением задает себе вопрос: «А что это я тут собственно, лежу, как дурак? Почему бы мне не пошевелиться? Ведь я же знаю, что на самом деле я живой!» **И правда – почему? Вот, вот он главный вопрос! Этот «полупокойник»,** лежащий кое-как на столе истории, не просто метафора. Это мы с вами, дорогие соотечественники. Мы все, и более успешные, и менее, живые и убитые, богатые и бедные, воры и обворованные. Такими мы вышли из нашей революции, из **70 лет нашего так называемого «социализма»,** который продолжается, только теперь –

в виде так называемого «капитализма». И никто кроме нас самих не поможет нам разобраться в этой «истории болезни». Потому что опыт наш уникален. Это наша историческая миссия, наш долг перед предшествующими и последующими поколениями – понять, как мы попали в этот «социальный гроб» и выбраться из него.

К вопросу «о власти»

«Вопрос о власти» всегда рассматривался в России как окончательное, по-настоящему действенное и единственно эффективное лекарство от всех проблем. Все остальное (например, просвещение, защита прав) рассматривались как подготовка, этап и средство на пути вождельного «взятия» власти. Мол, что там рассуждать и «переливать из пустого в порожнее», надо проявить бесстрашие и... взять власть. Или, по крайней мере, ее поколебать, покачать, потрясти, попугать. А если она «гнилая», то «ткнуть» и она сама «развалится»... С другой стороны, и власть привыкла держаться до последнего и пугаться всякого шороха, ведь на вилы, как известно, никого не тянет. Как-то даже неприлично не хотеть взять власть, если ты нормальный человек. А если пробрался во власть, взял ее сердешную-вождельную, то тут уж держись до последнего патрона и никого не подпускай на пушечный выстрел! Иллюзия эта разделяется повсеместно, я бы сказала, повсеместно и всесловно. Так думают и тетки в метро, и маститые политологи. Почему плохо живем? А у элиты проблемы с нравственностью. Вместо того, чтобы денно и ночью пектись о нас любимых, она заботится исключительно о себе! Поэтому... надо срочно заменить ее другой элитой, и та уж точно будет о нас с вами гораздо лучше заботиться. Почему? – вправе спросить изумленный гражданин. Почему эта новая будет заботиться лучше? С какой стати?

Ответы могут быть разными. Одни скажут, потому что она происходит из рабочих и крестьян, и трудовой интеллигенции, т. е. *...из нас с вами*, да и программа у нее будет особая – народная, а не антинародная. Ну и что, скажете вы. Про «программу» – это уже было. Была у нас «Программа КПСС», кстати, не одна. Мало ли подлости среди «нас с вами»? Вы соседу своему доверяете? Так чем же он во власти будет лучше тех, что там уже сидят?

Другие скажут, вот в этом-то все и дело, пустили всякую рвань от станка и сохи во власть – а у них ни благородства, ни манер, ни высокого чувства долга. «Шариковы», одним словом! Власть должна быть потомственная, благородная, и лучше, чтобы от Бога... Да, но и такую мы уже тоже имели. За триста лет господства эта власть «от Бога» довела страну до такого озверения и одичания, что только клочки понесли по закоулочкам после Великой Октябрьской революции.

Есть еще идея, что должна прийти какая-то новая элита, которая обучалась где-то не в России, она высоко ценит экономические знания и будет соблюдать законы. Эта элита вообще жертвенная, поскольку понимает, что кроме нее законы больше никто соблюдать не будет. Поэтому у нее большие проблемы с отсталым «электоратом», который как-то подозрительно относится сразу к двум вещам – к идее «жертвенности» элиты и к тому, что она будет соблюдать законы. (Отметим в скобках, при всем моем личном уважении к сторонникам этого направления, что «электорат» в России стреляный, и в прямом, и в переносном смысле, и недоверчивость его дорогого стоит.)

Вот поэтому-то, уважаемый читатель, сразу скажу – *власть у нас с вами для организации нашей лучшей жизни брать пока некому*. Если и научила меня чему-нибудь Великая Октябрьская революция, то это тому, чтобы интересоваться теми, кто не у власти. Вот они меня интересуют. То есть мне интересны мы с вами, и то, что нам предстоит вами сделать, чтобы выбраться из того плачевного состояния, в котором мы находимся.

«За флажки!»

Первое, с чего бы я начала, это с преодоления страха. Это трудная вещь в нашей стране. Я знаю. Но без этого никак. Может быть, для начала надо понять, чего надо бояться, а чего не надо. Страх вообще полезная штука, когда он направлен на правильные вещи. И вредная, когда на неправильные. Мне кажется, надо бояться совершить зло. Причинить боль и страдания другому человеку или другим людям. Надо бояться лишать человека жизни. Предать друзей и, тем более, себя. Надо бояться лгать. Бояться потерять ува-

жение других людей. Надо бояться черствости и безразличия, когда ты видишь страдания других людей и не помогаешь им, не стремишься им помочь. Надо бояться чувства стыда и неблагодарности по отношению к тем людям, которые отдали свою жизнь или просто что-то сделали для того, чтобы ты жил. Мне кажется, надо бояться унижить другого человека, а тем более, растоптать его человеческое достоинство. И не только в крупном, но и в мелочах. Надо бояться предавать веру в тебя других людей. Бояться не оправдать их надежду на то, что ты хороший человек. Надо бояться снисходительности к себе, когда легко прощаешь себе то, что не прощаешь другим.

А вот чего не надо бояться – так это, прежде всего, *быть самим собой*. Потому что если бы это было действительно просто, то как бы легко и радостно мы все жили! В этом-то вся и штука, что это трудно вообще, а для нас с вами особенно. Быть самим собой – это обо всем думать самостоятельно, иметь свое собственное мнение. А для этого нужно много знать, много читать, много общаться с людьми, интересоваться их мнением, Соглашаться или не соглашаться. Учиться слушать, принимать или, наоборот, объяснять свое. Но ведь это невозможно, если ты не уважаешь их, а они не уважают тебя. Поэтому, чтобы расти и становиться собой в общении с людьми, нужно быть открытым для них и доброжелательным. Хорошо, когда ты попадаешь в общество, где это норма. А если нет, если это такое общество, как наше, прошедшее через годы расстрелов, доносов и общей подозрительности и столетия преследований людей просто за то, что они думают? Легко быть открытым и доброжелательным, когда в 95 % случаев ты встретишь понимание, а не подлость.

Легко уважать людей и себя, когда есть за что уважать. А когда не за что? Когда надо быть дураком, чтобы уважать людей и себя? Ведь совсем не обязательно обокрасть полстраны, или убивать людей, чтобы потерять уважение к себе. Можно просто пойти на мелкую сделку с совестью... И сказать себе, что это жизнь. Если совсем нестерпимой становится такая жизнь, можно предложить поменять местами добро и зло. И сказать: убивать и воровать хорошо, если это кормит меня и моих детей. Добро – это когда ты убил и обокрал, зло – когда тебя. Добро – когда ты предал, зло, когда предали тебя... Можно даже «понимать» друг друга на основании этих установок. Прощать друг другу, что каждый вор или предатель, не важно, другого или себя, по мелочи или по-крупному.

Так вот, мне кажется, не надо бояться жить иначе. Не надо бояться сказать: нет, я другой, я не хочу вас «понимать». Я не принимаю вашу «постсовременную» мудрость, которой на самом деле тысячи и тысячи лет. Не надо бояться уважать людей «ни за что», просто за то, что они люди. Надо начать уважать людей, ценить их, беречь их в каждый момент своей жизни, как бы «сложна» она ни была. И, глядишь, появится, за что их уважать! А помножьте это на 140 миллионов или сколько там нас еще есть? Здесь ведь вот какая штука, мир так хитро устроен, что мы на первый взгляд все «отдельные», каждый сам за себя, один красавец, другой урод, один талантлив, другой «так себе», один олигарх, другой бомж, один давит, другого давят. Но на самом деле, когда ты не уважаешь других, унижаешь других, ты унижаешь что-то человеческое вообще, то самое, что существует и в тебе. Там, где люди не уважают и не ценят друг друга, они не ценят и себя. А умножьте-ка на 140 миллионов человека, который не уважает себя... Получится ад для всех.

Вы спросите, а разве не бросились мы все «уважать» и «ценить» себя по окончании «социализма»? Разве не провозгласили мы лозунг: хватит уравниловки – каждый бери от жизни все, что может! Долой серость будней военного коммунизма и реального социализма! Да здравствуют острые ощущения и право более сильного, смелого и талантливого подавлять и игнорировать более слабого, трусливого и бездарного! Ну и что? Я обращаюсь сейчас не к тем, кто там «внизу», не к этим «подавленным», «слабым» и «неталантливым». С ними все ясно, им снова грустно, может, даже хуже, чем при социализме. Я обращаюсь к «удачливым» и «сильным» – как вам здесь, ребята, весело? Что же вы все норовите тогда сбежать куда-нибудь от себя? Что же вы так стесняетесь места, где вы родились? А все потому, что нельзя «ценить себя», презирая и подавляя других. Так устроен мир, что мы все люди. И значит то, плохое, что происходит с каждым из нас, отдается болью и стыдом во всех. Или гордостью и самоуважением, если кто-то из нас людей совершает что-то хорошее. Да, течение сейчас, может, и мутное, но не надо бояться идти против течения. Вы скажете, этого мало? Умножьте-ка это на 140 миллионов!..

Синдром презрения

Важным моментом, который нам необходимо преодолеть, является *синдром презрения*. Характерной чертой нашего времени является полное презрение человека к себе. В чем оно выражается? На первый взгляд, оно выражается в прямо противоположном – в том, что человек презирает *других*. Когда все презирают друг друга. Полагают, что это происходит от желания быть лучше. Логика здесь очень проста: если я презираю других, значит, я лучше этих других. Они ниже меня, а я выше их.

Это очень простой, самый простой способ чувствовать себя «лучше других» – просто их – презирать. Способ прост потому, что не требует усилий серьезной работы над собой и сразу приносит «временное» облегчение при мысли о том, что к злу причастны другие. А ты их презираешь, и потому не причастен. Люди, презирающие «других», собираются вместе и формируют «сообщество презирающих» в зависимости от того, кого и за что они презирают. Основания для презрения могут быть разные: другой этнос («они черные»), другой социальный слой (бедные «неудачники» или богатые «воры»), другие политические убеждения: «сталинисты» или «либералы», наживающиеся на страданиях людей, безразличные к обществу рвачи и эгоисты.

Формы проявления презрения людей друг к другу тоже разнообразны. Люди постоянно проявляют враждебность и насилие друг к другу. В разговорах они не слушают друг друга и не интересуются чужим мнением. По телевидению постоянно показывают друг другу передачи, в которых унижается человеческое достоинство. Людей на экране бьют, убивают, унижают. Особое значение в этом презрении и насилии имеет речь. Речь презирающих друг друга людей груба. В быту, по телевизору, по радио люди ни на секунду не прекращают унижать друг друга. Чем грязнее эта речь – тем больше она воспринимается как свободная, раскованная, смелая. Вообще все достоинства человека, все то, что ассоциируется с человеческими достоинствами, должно принять форму унижения.

Свобода в этой системе понимается как снятие внутренних барьеров к унижению других и унижению перед другими. Путь этот – «презрение к другим» – является тупиковым, вовсе не ведет к росту самоуважения презирающего, а напротив, все больше

погружает его в пучину зла и отвращения, прежде всего, к самому себе. И, в свою очередь, чем больше человек презирает себя, тем свирепее и беспощаднее он становится в своем «презрении к другим». Если подобное мироощущение охватывает не единицы, а становится идеологией, пронизывающей все общество, последнее с необходимостью входит в «социальный штопор». Поэтому-то история не знает ни одного социума, которому удалось бы реально подняться и возвыситься за счет идеологии «презрения к другим». Наоборот, именно тогда, когда общество по целому ряду причин начинает входить в «штопор», в нем с неизбежностью начинает распространяться идеология «презрения к другим».

При этом возникают два вопроса: почему «презрение к другим» не поднимает, а, наоборот, опускает самооценку самого «презирающего»? как выбраться из цепной реакции общественного презрения к самому себе?

«Я» и «другой»

Как часто доводится слышать в теле – радиозфире, читать в газетах и журналах, да и в прямом непосредственном общении о несовершенстве «других людей», среди которых приходится жить. На этот счет существует даже особая теория, согласно которой все люди в целом вовсе не могут быть отнесены к одной какой-то моральной общности, несмотря на то, что относятся к виду *Homo sapiens*. Согласно этой теории в рамках общего вида можно и даже нужно выделять тех, кто принадлежит к людям, таким как ты, и тех, кто находится «за чертой». Иначе ты со всеми своими несомненными преимуществами либо станешь «таким как все», т. е. разделишь с остальными людьми ответственность за существующее зло, либо останешься совсем один, что, по существу, одно и то же.

На самом деле степень презрения к людям прямо пропорционально степени собственной ущербности. Неважно, идет ли речь об ущербности одного человека, группы людей, нации. Презрение к другим – это всегда проекция презрения к себе. Дефицит внутренней уверенности в своей ценности всегда проявляется в дефиците благородства и душевной щедрости в отношении других. Это становится очевидно, если продолжить знаменитый категориче-

ский императив, связывающий тебя и других. Если ты должен относиться к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе, то по тому, как ты относишься к другим, можно заключить о том, как ты относишься к самому себе...

Каждый раз, когда я вижу или слышу человека, рассуждающего о презренной, недостойной его толпе и «белой кости», я понимаю, у этого человека большие проблемы с чувством собственного достоинства. А если имею дело с обществом, где подобные настроения являются преобладающими, начинаю понимать, что это общество находится накануне серьезного кризиса. Поскольку ни в человеке, ни в обществе самооценка не падает случайно. И если время, в которое мы живем, сегодня чем-то похоже на время написания «Вех», то именно этим – нарастающим в обществе презрением людей друг к другу и, следовательно, к самим себе. Не хочется быть дурным пророком, но за таким временем часто следуют революции.

Ловушка революции

То, что революция – большое несчастье для господствующего класса, – несомненно. Она и делается для того, чтобы положить конец его господству, что не может не принести «огорчения» его представителям. Однако истинная «ловушка» революции состоит в том, что она создает много проблем и неприятностей и для угнетенного класса, для автора и инициатора, так сказать, революционного процесса.

Революция всегда начинается как справедливое возмездие одной части общества в отношении другой и завершается как трагедия всех его частей, всего общества в целом, как социальное возмездие для всех. Нечего и говорить о том, что в любом случае за революцию в конечном итоге расплачивается народ. Богатых мало, они мобильны и им всегда есть куда бежать. А вот народ связан со своей страной, со своей землей, в отличие от элит, народы в массе своей никуда не бегают, потому именно народам и выпадает «расхлебывать» последствия войн и революций.

Тогда почему же возникают революции? Почему люди, народы поднимаются на революцию? Сразу хотелось бы отмести возражения типа «народы никуда не поднимаются», революции делаются группой заговорщиков. Или – еще того лучше! – «революции есть

продукт случайности», какие-то странные подвижки в элитах вдруг задним числом получают название революций. А народ просто бессмысленно мечется. Отмести эти доводы хочется просто потому, что как бы хаотично эти процессы ни выглядели в конкретные моменты своего реального осуществления, уже самым фактом согласия или несогласия следовать законам вновь возникающего status quo народ утверждает либо отвергает акт революции. Косвенным подтверждением того, что именно народ и есть действительный субъект любой революции, является, помимо всего прочего, то, что именно народ несет ответственность как за ее достижения, так и за ее поражения и несчастья. Если революция расценивается как великое событие – в народе видят величие. Если же революция воспринимается как событие кровавое, жестокое – опять же именно народу присваиваются все эти недостатки, породившие революцию.

Так почему же происходят революции и как сделать, чтобы их избежать или, если это никак невозможно, придать им гуманный, «человекообразный» характер? Посещая не так давно знаменитую Оптинскую пустынь я, что называется, лицом к лицу столкнулась с иконой канонизированной ныне царской семьи последнего убиенного революцией царя Николая II. Что это такое? Это знак всем нам – меняйте ориентиры. Подстраивайтесь под «новых святых»? Раньше везде висели портреты Ленина и Брежнева, а еще раньше – Ленина и Сталина. Сейчас пришло время менять портреты с портретов эпохи социализма на портреты эпохи царизма?

Возникает вопрос: чей это посыл? Чья это инициатива? «Святых» просто так, ни с того ни с сего, не меняют, тем более в России. Значит, кому-то нужно реабилитировать царизм, кому-то нужно внушить людям, что революция была ошибкой и преступлением, а царский режим был от «Бога» и исполнен святости. И, может быть, поэтому следует его вернуть в той или иной форме, поправить «историческую ошибку», совершенную «преступным» и «диким» русским народом в ходе революции? Значит, революция была делом постыдным, безнравственным и несправедливым. А все те, кто боролся за сохранение царизма, включая самого царя, как его воплощение – это святые?

Для подтверждения этого ссылаются на «Собачье сердце» М.А.Булгакова и «Окаянные дни» И.А.Бунина, ссылаются даже на XX съезд КПСС, на труды А.И.Солженицына, на свидетельства

тысяч невинно осужденных, на миллионы расстрелянных. Якобы все эти расстрелянные и осужденные свидетельствуют против революции и в пользу царизма. На одном из собраний известного в прошлом диссидентского журнала мне даже довелось услышать, что сталинизм и все его ужасы есть расплата за убиение царя и покушение на вековые устои русского царизма.

Вынос одних святых и «занос» других сопровождается переосмыслением всей русской истории и теоретическими зачистками в области русской социальной и политической мысли. Раз царь и царизм теперь «добро», то все, кто противостоял и боролся с этим режимом, – зло! Так в сферу зла с необходимостью попадают Чернышевский и Добролюбов, Писарев и Михайловский, народники (включая тех, кто уходил в деревни просвещать и лечить народ), Чаадаев и декабристы. В сферу добра при этом выводятся такие «осмотрительные» и «глубокие мыслители», как Победоносцев, новообращенный монархист Тихомиров, Леонтьев и прочие охранители и «обоснователи» разумности русского самодержавия, «объяснители» неизбежности и благотворности крепостничества. Выясняется вдруг, что была своя правда и у генерала Трепова, отдавшего приказание высечь студента, находящегося под арестом. Надо думать, что и у Бенкендорфа были основания присматривать за Александром Пушкиным и читать письма поэта к жене. Все-таки ода «Вольность» и все такое прочее... А Александр II, как нам внушают теперь, был убит народовольцами-террористами за ...освобождение крепостных крестьян! Правда, здесь получается неувязка. Если Бенкендорф со всеми Николаями – люди святые и славные, то за освобождение крестьян они сами должны были наказать своего сородича. А вовсе не народовольцы, которые были кем угодно, но уж точно не сторонниками крепостничества.

С крепостным правом в России точно много загвоздок. Можно сказать, что самая трудная задача для «смены святых» именно в этом досадном нюансе, на котором держалось все русское самодержавие эпохи Романовых. Наши новоявленные святые, развешанные сегодня обильно по монастырям и церквям, были крепостниками, защитниками и потомками крепостников. По-видимому, сегодня мы дожили до того момента, когда факт многовекового крепостного рабства народов России, угнетаемых горсткой военно-служилой бюрократии, нуждается в оправдании в народном со-

знании. Не знаю, что выигрывает христианство от протаскивания царей-крепостников в сонм святых, но то, что согласие на это со стороны общества есть согласие на свое бесправное положение в государстве, несомненно.

Так кто же виноват?

Скоро исполнится 175 лет с того момента, когда А.С.Пушкин опубликовал свое блистательное произведение «История Пугачевского бунта». К написанию этой работы Пушкин отнесся с необыкновенной тщательностью. Кропотливая работа в архивах (доступа к которым он добивался с таким трудом у самого царя), поездки по местам событий, сбор информации по крупицам у очевидцев. Очень переживал поэт, что не застал и не смог поговорить с вдовой Пугачева, долгие годы жившей уже во времена Пушкина. Само же произведение это, с моей точки зрения, есть лучшее, что было написано по русской истории. Лучшее не только по выверенности и тщательности отбора и обработки исторического материала, но и по тонкости понимания русской истории, по глубине осознания её драматизма, нюансировке акцентов. В конце книги Пушкин очень тщательно выписал имена и фамилии тех дворян, которые были повешены участниками пугачевского восстания, с указанием возраста и пола всех – женщин, детей, стариков, всех тех представителей дворянского сословия, которые оказались на пути пугачевского бунта. И что вы думаете? Книга не имела успеха! Она не была распродана! Эти люди не только не хотели знать, какое возмездие ждет их потомков за то положение, на которое они обрекли свой народ и свою страну, пользуясь плодами крепостного рабства. Они даже и мысли не допускали, что жизнь, которой они живут, пользуясь другими людьми как рабами, есть зло, что она не имеет ничего общего не только с христианством, но вообще с каким бы то ни было представлением о нравственности и цивилизованности.

Главными варварами в романовской самодержавной России были русские дворяне, условия существования которых были не только причиной загнивания и одичания народа, но и причиной их собственного ничтожного полурабского политического существования в России вплоть до самой революции.

Зло, добро и революция

Революция есть зло возмездия, порожденное злом несправедливости. И это зло возмездия порождает новую несправедливость, которая уже в свою очередь вызывает новую революцию с ее неизбежным злом. Неужели нет выхода из этого круговорота?

Наш исторический опыт свидетельствует, что все попытки «удержать» ситуацию несправедливости и социального раскола в обществе как можно дольше и любой ценой всегда завершаются революцией. Поэтому курс на поддержание и наращивание экономического политического социального и культурного раскола в обществе может обернуться катастрофой, и никакая самая изощренная идеология, никакой политический пиар ничего не смогут поделать, если эта трещина снова примет необратимые формы, как это уже случилось в романовскую эпоху.

Только политика, направленная на последовательное и неуклонное выравнивание социокультурного и экономического пространства, может вывести нас за пределы «проклятия революции». Причем выравнивание это предполагает не только особую политическую и экономическую стратегию, но и ценностную переориентацию. Либеральные ценности личностной, индивидуальной неприкосновенности и суверенности должны быть очень существенно дополнены ценностями сострадания, сочувствия, сопричастности, взаимозависимости и взаимответственности – т. е. всем тем, что называется ценностями общей идентичности. Когда состояние *другого* или *других* оценивается как важнейший фактор твоего *собственного* состояния.

Зло и добро в реальной жизни очень тесно, возмутительно тесно переплетены. Восстание против несправедливости, против унижения, против разрушительной для общества эксплуатации и раскола было «добром» революции. И все те, кто поднялся на это восстание во имя этих целей, совершали добро. Но не следует забывать, что стремление вырваться из этой несправедливой, по существу колониальной, системы осуществляли люди, которые на протяжении нескольких поколений находились в ситуации попрунного человеческого достоинства, причем попрунного той самой элитой, которая в революции предъявила народу претензии в недостаточной моральности! Даже трудно сказать, кого больше

уродовало расколотое общество – элиту или народ и где, собственно, проходит граница между «господами» и «рабами», варварами и цивилизованными людьми в этой «сращенной» империи.

Вот почему настоящая задача революции будет решена тогда, когда мы сможем преодолеть варварство социального, политического, экономического и культурного раскола, выражающееся, кроме всего прочего, в презрении друг к другу и презрении к себе и саморазрушении.

Александр Севастьянов

Средний класс вместо интеллигенции?

Разинтеллекенчивание России. Меня поразил прямо и точно поставленный вопрос в статье Дмитрия Каралиса (Литературная газета. 2009. № 8) под названием «Кому пора менять профессию?»: почему *первой скрипкой в нашем обществе стали крупные банкиры, а не инженеры, ученые, рабочие, учителя, крестьянство – те, кто на самом деле составляет соль земли русской?* И не получится ли так, что *кончится кризис, а вокруг – одни охранники, грузчики, дворники и постаревшие телевизионные юмористы?* Фиксируя интенсивно протекающий процесс исхода специалистов интеллигентских профессий – инженеров, ученых, офицеров, педагогов, получивших высшее образование в лучших вузах страны, автор статьи посмотрел на вскрытую им проблему с точки зрения экономиста и моралиста. Проблема эта есть, но ответ на поставленный вопрос лежит совсем в другой области: *политической.*

В происходящих процессах нет ничего случайного и необъяснимого, все имеет свои причины и объяснение. Дело в том, что оставшееся новому режиму в наследство постсоветское общество строилось властью, исходя из государственной потребности в специалистах той или иной квалификации, с прицелом на социалистическую перспективу. Справедливо полагая, что соль земли есть человек гармонический развитый, имеющий высокий интеллект и творческую мотивацию своей деятельности, коммунисты еще с ленинских времен самым активным образом принялись ковать кадры социалистической интеллигенции. Включая с этой целью разноо-

бразные механизмы – от института выдвиженчества и рабфаков до создания элитных в лучшем смысле слова вузов. Одним из важных этапов на этом пути было введение обязательного десятиклассного образования (на мой взгляд, крайне разрушительного для советского общества, но речь сейчас не о том).

Итогом целенаправленной государственной социальной политики был достигнутый высочайший процент интеллигенции – *специально образованных людей умственного труда* – в РСФСР: аж 30 % занятого населения. Больше, чем у нас, из всех стран мира интеллигенции было только в ФРГ (35 %) и США (40 %). Составляя накануне Октябрьской революции всего-навсего 2,7 % среди трудоустроенных лиц, интеллигенция выросла за годы советской власти более чем в 10 раз и, дисперсная поначалу, сложилась в мощный класс, класс-гегемон конца XX в., определяющий судьбы страны, имеющий свои классовые, интеллигентские права и интересы, сознание и психологию. Принадлежность к этому классу при социализме определялась его общественной ролью, функцией субъекта духовного производства и статусом. Безусловно, по своим политическим пристрастиям интеллигенция в своем большинстве изначально и непреложно придерживалась принципов буржуазной демократии, которым она скрыто, и порой и открыто симпатизировала. О чем прозорливо предупреждал еще Ленин, считавший всю русскую интеллигенцию насквозь буржуазной и неперевоспитуемой. Это, кстати, красноречиво подтвердили и опросы выборов 1996 г., когда две трети голосов интеллигенция отдала Ельцину и Явлинскому и только одну треть – Зюганову.

Занимаясь как культуролог с 1973 г. историей и теорией интеллигенции, я еще в 1980-е напророчил грядущую интеллигентскую революцию, каковой и была буржуазно-демократическая революция 1991–1993 гг. Выращенная коммунистами для коммунистического строительства интеллигенция похоронила, в силу ряда имманентных причин, весь коммунистический проект со всеми его потрохами. С этим сегодня согласны многие политологи. Ведь буржуазии в прямом смысле слова, кроме подпольной, в СССР не было, и никакого революционного «третьего сословия», как в Европе, наша страна тоже не знала. Его аналогом (условным) можно считать интеллигенцию, которая, однако, была подвижна не только и даже не столько социально-экономическими, карьерно-

имущественными, сколько социально-политическими, идеальными мотивами, ожидая и требуя всей полноты демократических свобод. Ибо названные свободы есть главное условие полноценного существования интеллигенции.

Одна из закономерностей мировой истории состоит в том, что вслед за буржуазно-демократической революцией, как правило, следует «вторая волна» – революция национальная. Аналогичная – по своим движущим силам – «первой волне». Так было когда-то во Франции, в Германии... В нашей же стране этой движущей силой призвана была стать русская интеллигенция, продвигающая задачи построения национального государства. В этом плане понятно, почему интеллигенция была столь необходима Ельцину на стадии исполнения им роли главного тарана по сокрушению прежнего, советского режима. Вспомните, как он заигрывал с интеллигенцией, с улыбкой спуская ей даже самую грубую критику. Вот для его преемников (своего рода Директории), пытающихся новый режим стабилизировать, интеллигенция стала обременительной обузой, скорее опасной, чем необходимой. Поскольку новая, национальная революция «второй волны», неизбежность которой ощущается в атмосфере, этим преемникам, ну, никак не нужна. Они охотно приняли буржуазную составляющую революции (или контрреволюции) и занялись ее насаждением во всем жизнеустройстве. Демократическую составляющую при этом взяли под подозрение и, насколько могли, ограничили. Придя в противоречие с интеллигенцией, стали её уточнять и обогащать («суверенная демократия»).

В этом ракурсе и контексте следует рассматривать и оценивать все попытки власти «переквалифицировать» доставшуюся ей в наследство от СССР вольнолюбивую русскую интеллигенцию в некий «средний класс», о коем еще двадцать лет назад у нас и слыхом не слыхивали. Ведь в те времена это понятие существовало лишь в парадигме «буржуазной социологии» и практически не использовалось в лексиконе советских ученых. И в то же время произошли огромные сдвиги и изменения. Интеллигенция веховских времен составляла лишь 2,7 % занятого населения, а в конце 1980-х гг. – около 30 %. Попутно заметим, что эта социодинамика и создала условия для окончательного разрыва России с феодальным прошлым и перехода к свободному рынку. И, как мы увидим, в корне изменилась сама интеллигенция и её роль в общественном жизнеустройстве.

В силу сказанного выше общественное строительство сегодня имеет совсем иные задачи и мотивы, нежели в 1920–1980-е гг. Оценивая общество в категориях преуспевания и классифицируя людей по уровню заработка, как предписывает современная политология, произошла – ни много ни мало – смена социологической парадигмы, с переходом на западный «новояз», с его специфической терминологией. Проще говоря, нас призывают мыслить в категориях чистогана, навязывают понятия, отражающие не общественную функцию человека, не его роль и значение в мире, а лишь его недостаток. И сам недостаток уже претендует на роль критерия оценки человеческой личности, ее успеха и значения. Еще конкретнее – на глазах происходит попытка растворить интеллигенцию в некоем морально и политически индифферентном среднем классе, который, собственно, никаким классом вообще-то не является, а представляет собой всего лишь общественную страту с имущественным цензом. Ведь в средний класс социологи зачисляю представителей различных групп вне зависимости от характера труда: умственного или физического, наемного или свободного, творческого или рутинного (даже: конвейерного), управленческого или исполнительского¹. Профессор, писатель или художник может оказаться в среднем классе на равных основаниях с высококвалифицированным рабочим или мелким предпринимателем, в перверсивном общественном сознании он не сегодня-завтра встанет на одну доску с «офисным планктоном», мелким лавочником или охранником.

Что общего у них между собой? О каком классовом сознании тут может идти речь?!

Это хитро задуманное низведение интеллигента с традиционного в России пьедестала имеет целью модифицировать самосознание целого класса. Еще вчера мы могли гордо говорить о себе: *мы – русские интеллигенты*. Завтра, однако, нам придется, как видно, забыть о своем экзистенциальном предназначении и скром-

¹ «Википедия» дает такое определение: «Средний класс – совокупность социальных слоев населения, занимающих в стратификационной системе общества промежуточное положение между низшим классом (бедными) и высшим классом (богатыми). В развитых странах средний класс составляет наиболее многочисленную группу населения. Функциями среднего класса традиционно считаются стабилизация общества и воспроизводство квалифицированной рабочей силы».

но (если не униженно) представляться как *средний класс*. Подобно тому, как в старом актерском анекдоте работник кулис, срочно призванный на замену заболевшему артисту, исполнявшему роль Димитрия – Самозванца, вместо слов «Царевич я! Довольно! Стыдно мне пред гордою полячкой унижаться!» смог пролепетать только: «Царевич я... Довольно стыдно мне...».

Могут возразить: но на Западе бóльшая часть интеллигенции как раз входит в средний класс, сосуществуя с мелкой буржуазией и высококвалифицированными рабочими, так в чем тогда различие интеллигенции и среднего класса – непонятно. Все дело в том, что наша интеллигенция, будучи феноменом русского общественного сознания, это отнюдь не интеллигенция в западном понимании слова. У нее, повторюсь, традиционно иной имидж, статус и назначение. Для социолога эти две интеллигенции – практически одно и то же, но не для обществоведа, не для политолога.

Выходит, изменение общественной структуры России, встревожившее и озадачившее Дмитрия Каралиса, равно как и переход в связи с этим на новую социологическую парадигму, есть прямые последствия смены политического режима (революции 1991–1993 гг.). Только так можно объяснить настойчивую попытку превратить класс интеллигенции (с ее классовыми правами, интересами и солидарностью, классовым сознанием) в некую неконсолидированную страту. Заметим, для закрепления в сознании усиленную пропагандой «прелести» самого этого фантома. Но никакой прелестью там и не пахнет. Что такое в реальности средний класс? Попробую объяснить, опираясь на собственную книгу «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (М., 2009).

Утопия среднего класса. «Средний класс» – понятие, устоявшееся у западных социологов, но для России новое, еще неразработанное. Марксистская социология этого понятия не знала и не изучала. И в «веховские» времена о существовании среднего класса никто не подозревал, предпочитая простое, всем понятное слово «обыватели». В среднем классе нет и по определению не может быть ничего революционного. В отличие от истинно революционного класса, среднему классу есть что терять, и потому крайности ему незачем, а то, что он захочет приобрести, иметь, он приобретет и завоюет, не прибегая к революции. Недаром Егор Гайдар

и его правительство были так озабочены проблемой появления и роста этого класса, со всех трибун расписывали его необходимость и пользу. Думаете, они ударными темпами готовили себе могильщика? Конечно же, нет! Превращение основной массы населения в средний класс (так ставили задачу «реформаторы») есть наилучшая гарантия от всяких социальных потрясений. По мере того, как средний класс растет, укореняется и пухнет, с ним растет и общественная инертность, миролюбие и трижды проклятая толерантность. «Лишь бы не было войны!» – вот самый излюбленный лозунг среднего класса.

Гайдар, как известно, с 1991 г. «шагает впереди». Кто же за ним? Хорошие слова о среднем классе не раз говорил Путин. А уже избранный, но тогда еще не вступивший в должность президент Дмитрий Медведев заявил на заседании Госсовета 27 марта 2008 г., что к 2020 г. доля среднего класса в населении России должна достичь 60–70 % и что магистральный путь к этому – развитие малого и среднего бизнеса. Страна лабазников и чиновников: вот точная социологическая расшифровка этой мечты. Мелкобуржуазный раек. Можно подумать, мелкий предприниматель или иной индивид, оторвавшийся от людей наемного физического труда, но так и не выбившийся в хозяева жизни, – а именно таков и есть весь прословутый средний класс! – это сливки сливок...

Из чего исходят наши президенты, вслух мечтающие о превращении российского общества на 60–70 % в средний класс?! Меня, как представлю себе чаемое ими «светлое среднеклассовое будущее», так всего передергивает от недобрых предчувствий. Дело в том, что жизнь среднего класса (насмотрелся я на него на Западе) – это жуткое беличье колесо, из которого нет выхода. В хозяева жизни выбиваются единицы, это участь немногих, а скатиться вниз, разориться, потерять свой кусок хлеба с маслом – это реальная перспектива, дамоклов меч! Рабочий отпахал свою смену – и свободен. Представитель среднего класса всегда во власти своих проблем, не отпускающих ни на минуту, ни днем, ни ночью. Ибо рабочему низкой квалификации потерять работу в наше время так же легко, как найти новую: спрос на грубую физическую силу растет с каждым годом в связи с прогрессом всеобщего образования. Когда же свой статус теряет «среднеклассовец», ему восстановиться трудно, почти невозможно.

Средний класс живет во власти иллюзий по поводу собственной свободы, кажется сам себе хозяином собственной судьбы, но ближайший же кризис может смять и выкинуть этого «свободного деятеля» за борт жизни, превратить в люмпена, положить жестокий конец его мнимой свободе. А его уцелевшие братья по классу с удвоенной энергией продолжают вращать свое беличье колесо, выйти из которого им не дано.

Понятно, почему общество, на 70 % состоящее из среднего класса – крутящих свои персональные колесики мелких грызунов, – голубая мечта власть имущих: потому, что это общество абсолютно лояльное к власти. Ведь всем этим людям уже есть что терять и обрести что-то путем борьбы им не светит, свое колесико надежней. Они поддержат всей своей инертной массой любое правительство, лишь бы оно не препятствовало их частной инициативе (проще говоря, не мешало барахтаться в гряде мелких личных проблем, составляющих самую суть их существования). Средний класс живет, не поднимая головы, уткнувшись рылом в землю, в почву (в лучшем случае – в кормушку), ему не до высокого вообще и не до политики – в частности. Средний класс повсеместно социально инертен, его задача – приспособиться, встроиться, выжить. Поэтому в эпоху, когда интересы общества и власти так радикально разминувшись, как в России, в существовании обширного среднего класса максимально заинтересована лишь власть, и лишь минимально – нация.

Высказывается мнение, что средний класс неправомерно отождествлять с «третьим сословием», основной революционной силой на излете феодализма. А посему-де он и сегодня является классом-революционером. Но это не так. Третье сословие стремилось сломать сословно-классовые перегородки в феодальном обществе и установить формальное равенство людей, чтобы расчислить себе путь наверх. Стремление понятное и массовое, осуществить его в ту эпоху действительно могла только революция. Для продвижения наверх представителей среднего класса сегодня нет условий. Мы живем в буржуазном государстве по законам буржуазного государства. Не сумел пробиться наверх – вини самого себя, снова и снова ищи свой путь. Да и незачем среднему классу сейчас ломать государство, которое позволяет вести дела, в том числе и в тени, наживаться, строиться, делать карьеру, учить детей? От той мотивации, что когда-то была основой революционной деятельности третьего сословия Европы, ныне не осталось ничего.

Не стоит мерить наше время меркой XVI–XVIII вв., а лучше задумаемся: почему этот самый средний класс был вовсе не революционером, а именно контрреволюционером в России начала XX в. (и как клеймил «обывателя» с его канарейкой трубадур революции Маяковский!?). Да потому, что в нормальном буржуазном государстве – а Россия чуть было не сделалась тогда таковым, а сегодня стала им вновь и всерьез – средний класс и не может быть иным! Он предпочитает заниматься делом, а не революцией. И ум свой заточивает на практическую борьбу за выживание, а не на абстрактные истины национализма и патриотизма. Интересы страны и нации для него не могут быть приоритетными, поскольку в первую очередь надо сохранить личный статус и обеспечить благополучие собственной семьи и детей.

Средний класс вообще не озабочен переустройством общественной жизни, потому что он не то что жизни – сам себе не хозяин. Средний класс не тождествен среднему бизнесу, он социально ниже, ибо в лучшем случае это мелкий бизнес, а в целом они сами – служащие, работающие на дядю (государство или босса), а не на себя, всецело зависимые люди-исполнители. Живут надеждой ухватить свой шанс и пробиться в высший класс, где царят настоящие «хозяева жизни». Вот что такое средний класс в реальной действительности. Ниже него на социальной лестнице стоят вообще неимущие, лишенные такой надежды низшие классы: рабочие, крестьяне, обслуга всех сортов, гастарбайтеры, люмпены и т. п. Средний бизнес в понятие «средний класс» уже не входит, ибо средний бизнесмен, в отличие от мелкого, хозяин сам себе. Среди представителей среднего класса могут в виде исключения встречаться и отдельные удачливые, более-менее независимые люди. Например, профессор, получивший наследство, пристойную ренту. Но ставить знак равенства между средним классом в целом и «социально состоявшимися людьми» ни в коем случае нельзя, это безграмотно. Гигантский средний класс не есть общество всеобщего благоденствия, это, скорее, страна – коллективный Сизиф.

Значит, властям нужен средний класс, и чем больше его, тем лучше. Это очевидно. Но откуда Кремль наберет такое количество «середняка»? Боюсь огорчить Дмитрия Каралиса, но путь тут один: переработка общественной структуры, доставшейся в наследство от советского общества. В первую очередь, деклассированная рус-

ская интеллигенция – социально и национально ущемленная, недовольная, многочисленная и опасная. Для этого нужно немного: изменить мотивацию ее деятельности. Заменить творческие и подвижнические мотивы, скажем, на шкурные. Тотально. Только и всего. Вполне выполнимая задача, не правда ли?

Вопросы на засыпку. Как совместить со всем сказанным невиданный рост в России студенчества и вузов? Если верить статистике, сегодня в вузах учится в 2,5 раза больше студентов, чем в самые цветущие советские годы. Это ли не залог воспроизводства русской интеллигенции в нашей стране? Увы, нет. Не залог. По трем основаниям.

«Чем шире культура, тем тоньше ее слой», – говаривал мудрец. В культуре закон диалектики не работает: количество не переходит в качество. Число псевдо-академий, псевдо-университетов, наспех преобразованных из вчерашних училищ и пединститутотв – огромно. Выпускников пекут, как булочки на конвейере. Единственное условие для жаждущих знания – платите деньги, и вы войдете в царствие небесное, сиречь получите диплом о высшем образовании. Элементарная покупка дипломов особенно характерна для представителей ряда национальностей, привыкших, что в современной России все покупается и продается. На это жалуются даже живущие этим педагоги. Наличие квот для представителей тех или иных национальностей в российских вузах тоже не улучшает контингент выпускников. Введение ЕГЭ лишь усугубит вакханалию производства полуграмотных «интеллигентов» из бездарей, лодырей и тупиц. Средним классом они, разумеется, станут все без проблем, а вот интеллигенцией (в лучшей русской традиции) – вряд ли. Что, кажется, вполне устраивает власть...

Впрочем, как и всегда, определенная часть наиболее способных, талантливых, умных детей, получив (точнее, взяв) знания, обретут статус и сознание интеллигента в лучшем смысле этого слова. Увы, более чем основательно опасение, что в России они не останутся. Сегодня Россия – мировой цех по поставке светлых голов нашим стратегическим недругам. Который действует бесперебойно, принося колоссальные прибыли им и сверхогромный убыток – нам. Всё, вплоть до введения у нас т. н. «болонской системы», способствует этому как нельзя лучше. Система образования в России, смело можно предположить, находится ныне в руках

высокопрофессиональных патентованных «вредителей» и «врагов народа», как бы их назвали в былые времена. К сожалению, они пользуются покровительством Кремля. Их подлинная профессия, однако, – отнюдь не педагогика, а торговля людьми. Новую русскую интеллектуальную элиту, необходимую нам как воздух, уничтожают в зародыше, продают за рубеж на корню, как пшеницу, гонят на Запад, как сырую нефть.

Наконец, перепроизводство некачественной интеллигенции, чем грешила уже и советская власть, принявшее сегодня ни с чем не сообразные размеры, ведет к деградации всего общества, к упадку престижа умственного труда, к росту отчаяния и многочисленным социальным деформациям. Часть из них уже налицо. А с частью нам еще предстоит познакомиться. Мы еще увидим новых «босяков», почище горьковских.

Средний класс? Оставь надежду, всяк сюда входящий... Вопрос стоит так: кто кого опередит и осилит? Власть, разинтеллигенивающая интеллигенцию, превращая её в охвостье «среднего класса», или интеллигенция, обращающая буржуазно-демократическую революцию в революцию национальную?

Для самой интеллигенции – это вопрос жизни и смерти.

Василий Мишин

Веховцы живы и действуют...

В 2009 г. состоялись два столетних юбилея: книги «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (март) и книги В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (май). Они связаны между собой не только хронологическим соседством, но и дальнейшей судьбой России. В книге Ленин характеризует идеологию и мировоззрение идеализма как духовную основу ренегатства и реакции, а в статье «О “Вехах”» (дек. 1909 г.) фиксирует *«полнейший разрыв русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»*¹. В 1918–1921 гг. создается и публикуется сборник «Из глубины», где пятеро веховцев (Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, А.С.Изгоев, П.Б.Струве, С.П.Франк) выступают в качестве его ведущих авторов, анализируют ход русской революции и её последствия. Потом прошли 70 лет советской власти, строительства и защиты советского социализма, и переворот 1991 г. реставрировал капитализм, вновь *сделал актуальной веховскую идеологию ренегатства*. Из спецхрана извлекаются сборники «Вехи», «Из глубины» и издаются в 1991 г. одной книгой тиражом 50000 экземпляров, т. е. для массового читателя.

Идеологическая позиция *веховцев* была у всех на виду, и они ее не скрывали. Наоборот, всячески афишировали, обосновывая свое враждебное отношение к революционному движению в России, в том числе и к революционной интеллигенции. В конце концов они

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 168.

своего добились: именно веховские идеи одержали верх в 1991 г., вернув в страну капитализм в его русском варианте. Что из этого получилось и чего они добились почти за двадцать лет своего господства, пора бы выяснить и объяснить. Думаю, что юбилей сборника «Вехи» – хороший повод и случай попробовать такой ответ найти и дать.

Текущий финансово-экономический кризис в мире подтвердил старую истину, что история общества подчиняется объективным социальным законам, хотя к ним, конечно и не сводится. Так же, как когда-то, сегодня в ней живо переплетаются необходимое и случайное, объективное и субъективное, ничего не происходит гладко, без скачков, драм и трагедий. И современная история, как прежние эпохи, творится деятельностью людей, их трудом, борьбой чувств и разумом. Но конкретное, реальное воздействие социальных законов на деятельность людей представляет собой весьма сложный процесс, который ими не всегда адекватно улавливается и осознается. Втрое сложнее выглядит осознание и реализация общественных интересов в процессе столкновения, противодействия различных и даже враждебных позиций. Здесь в процесс общественного развития включаются уже не только знания, но и другие факторы, в частности такой, как реальное соотношение социальных сил. «Ошибочно было бы думать, что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития. Нет, общество человеческое устроено не так разумно и не так “удобно” для передовых элементов. Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения, – тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия»².

Короче, социальные законы реально осуществляются как *господствующие тенденции*, как такое объективное направление развития, время и способы реализации которого всецело зависят от выбора и активности самих людей – их сознания, воли, организованности. Поэтому объективная направленность, социальная закономерность реализуется всегда через толщу случайных событий, неожиданных отступлений и других зигзагов истории.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 367.

Но тогда возникает теоретически и практически важный вопрос: как именно историческая необходимость преодолевает влияние случайностей, различных зигзагов и, в конечном счете, реализуется, не исчезает ли из виду сама историческая необходимость? Надеюсь, понятно, что сказанное о механизме действия социальных законов не ставит под сомнение их объективный характер, а лишь подчеркивает сложность их реализации.

Действие любого социального закона обнаруживается в конечных *результатах* повседневной деятельности людей. При этом история человечества многократно свидетельствует, что социальные законы можно игнорировать, нарушать, действовать наперекор им (ошибки в управлении, незрелость социальных сил, победа контрреволюции и т. п.), но за такой свободой деятельности неизбежно последует «наказание», т. е. непредвиденные или нежелательные последствия в виде неудачи, провала, кризиса, тупика, вплоть до деградации и исчезновения отдельных цивилизаций, народов. Вся «хитрость разума» (Гегель) состоит в том, что при осуществлении даже самых фантастических планов люди могут черпать средства для их реализации только из наличных реальных условий: скажем, распределять и потреблять можно только то, что уже произведено, и нельзя ныне опереться на социальные силы, которые возникнут лишь в будущем. Трудно представить себе более трагическую картину результатов деятельности людей, достигнутых вопреки объективным социальным законам, чем итоги горбачевской перестройки и ельцинско-путинских реформ. Вопреки закону определяющей роли материального производства в жизни общества под либеральным флагом «даешь свободу!» и перехода к рыночной экономике было осуществлено тотальное разрушение гигантского народного хозяйства. Вопреки закону стоимости разрушили все пропорции эквивалентного обмена деятельностью и продуктами труда между городом и деревней, между различными отраслями производства, между продавцами и покупателями, тем самым подорвав все стимулы честного производительного труда. Вопреки важнейшей закономерности НТР, требующей приоритетных инвестиций в развитие человека, в России целенаправленно разрушали буквально всё: здравоохранение, образование, семью, науку, нравственность, по сути все реальные факторы и силы формирования человека, закрывая тем самым народу дорогу в будущее.

Само направление всех этих преобразований означает агрессивное противодействие закону общественного прогресса, диктует движение назад от социализма к капитализму, от которого наш народ отказался еще в 1917 г., и выбор этот был закреплен морем крови в гражданской войне 1918–1921, а затем в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В итоге мы ныне в России имеем разрушение всех сфер жизни общества, превосходящее разрушение, постигшее страну в годы Второй мировой войны.

Наши веховцы упорно настаивают на том, что разрушение советского общества было неизбежным, и даже закономерным, как писал о советской экономике известный экономист В.Найшуль: «Ее нельзя изменить – ее можно только *заменить*»³. Этот афоризм отражает типичную позицию всех антикоммунистов. Сошлюсь на мнение Н.И.Рыжкова, хорошо знающего эту проблему изнутри: «Я твердо убежден, например, что необходимости разрушения единого государства не было. Его надо было реформировать, а не расчленять на куски. Не было необходимости замены социалистического строя капиталистическим. Его надо было совершенствовать, а не уничтожать. Не было необходимости в “шоковой терапии” при переходе на рыночные отношения. Переход был нужен, но постепенный...»⁴.

При анализе этой темы не надо упускать из виду и то соображение, что Горбачев и Ельцин, в отличие от Ленина и Сталина, получили для управления страну отнюдь не безграмотную и не безоружную. В 1985 г. по отношению к США национальный доход СССР составил 66 %, объем промышленного производства – 80 %, а сельхозпродукции – 85 %. Были созданы по общему признанию лучшие в мире системы здравоохранения и образования. В итоге средняя продолжительность жизни выросла с 32 до 70 лет, а численность населения страны выросла со 160 до 300 млн человек. Советский Союз проложил дорогу в космос и стал второй ракетно-ядерной державой мира. Значит, не случайно в ходе Всесоюзного референдума 17 марта 1991 г. за сохранение Союза Советских социалистических республик проголосовали 76,4 % советских граждан.

Фактически все уперлось в субъективный фактор, в управление страной, в деятельность правящей КПСС и советского государства. Тогда, при безграничных полномочиях центральной вла-

³ См.: *Найшуль В.* Погружение в трясину. Анализ застоя. М., 1991. С. 59.

⁴ *Рыжков Н.И.* Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 339.

сти в СССР (государственное планирование и снабжение, во главе с Госпланом и Госснабом, с единой правящей партией и цензурой СМИ), ситуацию вполне обоснованно можно было сравнивать с властью командования на войне. И что бы ни говорили теперь, «задним числом», сама центральная власть создала качественно новую ситуацию в управлении страной, и говорить надо не об ошибках в управлении, (их было немало и раньше), а о смене направления развития страны, о реставрации капитализма.

Отметим хотя бы такие моменты и перемены. Руководство КПСС не только не противодействовало наступлению контрреволюции, но и активно содействовало ему – внутри и вне партии. Тем, что все важнейшие посты руководителей журналов, газет, радио, телевидения, издательств были отданы антисоветски настроенным деятелям разных мастей и пошиба. А в экономике началось разгосударствление собственности, появился закон о кооперации, отказ от госмонополии во внешней торговле, ликвидация Госплана и т. д., что открыло зеленую улицу для разбухания теневой, спекулятивной экономики, появились первые представители нынешнего клана олигархов. По сути дела вся политика того времени стала *антисоветской* и *антисоциалистической*, хотя её творцы убеждали общественность в том, что они тут ни при чем.

На сессии Верховного Совета СССР 10 сентября 1990 г. М.С.Горбачев выразил поддержку программе перехода к рынку Шаталина–Явлинского, после чего депутат рабочий Л.Сухов взял слово и сказал: «Мы хотим втянуть народ в пучину, и надо четко сказать ему, что шаталинская концепция перехода к рынку – это капитализм. Нужен референдум, и коль примет народ эту концепцию, то ладно, пойдем мы в этот капитализм, если там лучше. Правда, меня лично, как многодетного отца, такая программа пугает...». Фактически же переход к капиталистическому способу и образу жизни уже происходил. М.С.Горбачев в заключительном слове на Пленуме ЦК КПСС 9 октября 1990 г. заявил: «Решительно отвергаю попытки объявить движение к рынку реставрацией капитализма» (Правда. 12 окт. 1990 г.). Б.Н.Ельцин в интервью для газеты «Аргументы и факты» в октябре 1992 г. заявил: «Главное, что я хотел сказать тем, кто повсюду кричит, будто Россия идет к капитализму: ни к какому капитализму мы Россию не ведем, Россия к этому просто не способна. Россия – уникальная страна. Она не будет ни в социализме, ни в капитализме» (АИФ. 1992.

№ 42). И даже в 1994 г. премьер правительства В.С.Черномырдин в Госдуме 27 октября, когда его спросили: «Что строим?» – заявил: «Ни капитализм, ни коммунизм не строим» (Правда. 1995. 18 февр.). Эту постыдную «логику» обмана народа можно обнаружить в мифах того времени: о священности частной собственности и эффективных частных собственниках, о неэффективности плановой экономики, о надклассовой сущности государства и демократии, о среднем классе, о привлекательности суверенитета республик и регионов страны, о плюрализме, о тоталитаризме, об общечеловеческих ценностях, превосходстве индивидуализма над коллективизмом и т. д. С самого начала своего появления в СССР капитализм пытается войти и прижиться под чужой фамилией.

Так выглядят исходные рубежи формирования идеологии и государства современной России. Нет, что ни говорите, а известный международный спекулянт Д.Сорос прав, назвав современный строй России «бандитским капитализмом», т. е. стопроцентно антинародным обществом.

История неоднократно демонстрировала великую мощь и мужество России, трижды спасавшей Европу (от Чингисхана, Наполеона, Гитлера); и если врагам что-то удавалось сделать против России, то их сила, как правило, заключалась в определенной слабости России. Ныне мы вправе и должны поставить вопрос: в чем состоит слабость советской власти, позволившая развернуться объективным и субъективным антисоветским силам и одержать неслыханную победу? Как такое могло случиться на 74 году существования советской власти (1917–1991), после победы над гитлеровскими полчищами и превращения СССР в атомно-космическую супердержаву, что несомненно стало вершиной полутора тысячелетней истории России?

Известно, что власть – нелегкая ноша и деятельность, и для ее успеха нужны особые способности, своего рода талант. Но у нее же есть и обратная сторона. Уже с первых лет советской власти начинается бюрократизация государственного управления, проявляется стремление чиновников превратить функции управления в частную собственность, в источник дополнительных доходов. В.И.Ленин сразу увидел эту архиопасную тенденцию и дал ей вполне адекватную оценку в феврале 1922 г.: «Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это»⁵.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 180.

После смерти Сталина и провала хрущевской программы коммунистического строительства за 20 лет (1961–1981) нарастали и усиливались факторы торможения развития экономики, острота противоречий общества. Эта ситуация не стала даже предметом специального анализа и обсуждения в КПСС, не стала проблемой для прояснения сознания коммунистов и всего советского народа, чтобы преодолеть трещину между народом и властью, которая между ними возникла. К началу 1980-х гг. советское общество оказалось в кризисном состоянии; невнимание к расширению участия народа в социальном управлении, пренебрежение к задаче дебиюрократизации советского общества сделали страну беззащитной перед захватом партийной и государственной власти антисоветчиками, русофобами и другими веховцами.

История нашей страны и история всех других стран убедительно свидетельствует: нельзя управлять обществом в интересах трудящихся без их решающего участия в социальном управлении. Она у нас не решена, несмотря на все разговоры о демократии. Думаю, что остается не ясной и проблема будущего России, без решения которой есть опасность попасть впросак перед нарастающими не простыми, очень болезненными проблемами XXI века.

Современные веховцы, конечно, преуспели в умении затемнять сознание людей, и понадобится немало усилий для того, чтобы сознание народа прояснилось и стало действительно *просвещенным*. Здесь у нас есть много неиспользованных резервов по разоблачению «темноты», по прояснению сознания народа.

В качестве иллюстрации сошлюсь на любопытный феномен Ю.И.Мухина, автора двух книг: «Власть над властью» (М., 2007) и «Кнут народа» (М., 2008), а также объемистого исследования «Законы власти и управление людьми (командиру экономики)», где на большом практическом материале показана разница между *бюрократическим* управлением (по указаниям начальства) и *делократическим* (по реальным задачам и делам). Мухин всерьез занялся анализом проблемы ответственности руководителей перед народом, т. е. проблемы, о которую трагически споткнулась советская власть. Такой анализ позволяет перейти от обещаний и намерений к разработке комплекса реальных мер участия трудящихся в социальном управлении, вплоть до определения технологии

структуры и функционирования этого участия. Увы, наша левопатриотическая общественность (партии, газеты, журналы) до сих пор не заметили и не обсудили эту гражданскую инициативу.

Заслуживает пристального внимания и веховская идеология ныне властвующего олигархата России, где теоретическим лидером выступает знакомый многим профессор-экономист Г.Х.Попов, в прошлом декан экономического факультета МГУ, мэр Москвы, а теперь ректор «Международного университета в Москве» и президент Международного союза экономистов. Еще в ноябре 1990 года он выступил с программной публикацией «Что делать? О стратегии и тактике демократических сил на современном этапе». Программа трех «Д» – *денационализации, десоветизации, дефедерализации*, реализация которых приведет к появлению «на месте СССР трех, четырех, а то и пяти десятков независимых государств». Как нравится вам такой прогноз и перспектива? В следующей книге «Будет ли у России второе тысячелетие?!» (М., 1998) он утверждает, что постиндустриальное общество, родившееся с «новым курсом» Рузвельта в США, стало реальностью уже во всех развитых странах мира, и его надо внедрить в России. И даются рекомендации: отказ от национального суверенитета, установление мирового правительства, передача атомных объектов и природных богатств под международный контроль, учреждение жестких предельных норм рождаемости для различных стран с учетом их уровня благосостояния, создание новой ООН из 30–50 наиболее развитых государств и т. д.

Чем не новые «Вехи» – для всего XXI века? С.Ю.Глазьев тогда с полным основанием оценил эту реакционную утопию как проповедь «глобального рыночного фашизма». Как будто желая подтвердить эту оценку, Попов недавно разразился новой книгой «Вызываю дух генерала Власова», которую вполне можно считать *финалом своеговременного веховства*. Как вам понравится, что предателя Власова здесь поставят в один ряд с академиком Андреем Дмитриевичем Сахаровым, считая их близнецами в рамках антисоветского «демократического движения»?! Она же, скорее, свидетельство ничтожества и полного идейного краха веховства как идеологии и практики.

Безусловно, оснований для духовного разочарования, апатии и разброда в реальности за последние двадцать лет было слишком много. И все же... По мере развития современного кризиса мирово-

го капитализма и сложной ситуации, в которой оказалась Россия, надо искать и найти достойный выход, преодолев веховские иллюзии и «рецепты спасения». В отличие от других участников дискуссии, иного пути, чем повышение общественной активности и энергичной борьбы миллионов тружеников за свои интересы и полноценную жизнь, лично я не вижу. Но для своего спасения людям нужно *прозреть*. Вот мы, интеллигенты и интеллектуалы, называйте нас как хотите, и должны им в этом помочь.

Борис Славин

Неусвоенные уроки

Столетний юбилей сборника «Вехи» отмечался необычайно широко: «круглые столы», научные конференции, обилие публикаций в журналах и газетах. В связи с этим невольно возникал вопрос, почему так много внимания уделялось этой небольшой и, скажу прямо, далеко не однозначной книге?

Думаю, это происходило потому, что по своему социально-политическому содержанию совпало время начала двух веков: XX и XXI. Это типичное послереволюционное время. В начале прошлого века оно было связано с реакцией общества на революцию 1905 г., сегодня – с концом «революции» 1990-х гг. и крушением политики либерального фундаментализма, породившей первый глобальный экономический кризис. История идет по спирали: спустя сто лет общественность снова заговорила о Марксе, социальных потрясениях и социализме.

«Вехи» нередко считают своеобразным манифестом всей русской интеллигенции. На мой взгляд, это ошибочное мнение: интеллигенция в России никогда не была единой. «Вехи» есть идейное проявление лишь одной ее части, при этом части, напуганной первой народной революцией гораздо больше, чем, например, «кровавым воскресеньем» 9 января 1905 г., устроенным последним русским царем.

Авторами «Вех» были такие известные писатели и философы, как Н.Бердяев, С.Булгаков, М.Гершензон, П.Струве, С.Франк и др. Кто-то из них когда-то побывал в рядах либеральных марксистов

и даже социал-демократов. Чем же они ответили на революцию 1905 г., **вырвавшей у царского самодержавия парламент и некоторые демократические свободы?** Как ни странно, паническим бегством под крыло монархической власти, отказом от своих прежних демократических и социалистических идеалов, уходом в религию, мистику и индивидуализм. Вот лишь несколько слов, подтверждающих этот вывод. «Каковы мы есть, – писал Михаил Гершензон, – нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». Ссылаясь на Достоевского, ему вторил Сергей Булгаков, требуя от интеллигенции личного «смирения» и отказа от «народопоклонничества», восходящего к Герцену с его верой в «социалистический дух» русского народа. Что касается Николая Бердяева, то он утверждал, что любовь демократической интеллигенции «к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине», а ее ложно направленное «человеколюбие» убило «боголюбие» (см.: Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 23, 30, 73–75 и др.).

Сто лет назад идеи «Вех» вызвали широкий резонанс в российском обществе. Они фактически раскололи его на две части: у одной породив «душевный праздник» (слова Антония Вольнского – идеолога черносотенства), у другой – чувство негодования, связанное с открытым «рenegатством» отечественных либералов (слова Владимира Ленина).

Как известно, в итоге русский народ полностью проигнорировал идеи «Вех», взяв власть в Октябре 1917 г. под руководством все той же «народопоклоннической» интеллигенции. В итоге многие авторы «Вех» оказались за границей. На мой взгляд, этот жестокий урок истории современными «веховцами» до сих пор не усвоен. Постараемся понять почему?

Главная общественная функция русской интеллигенции, по моему мнению, всегда была связана с беспристрастным поиском истины, с просвещением и нравственным воспитанием народа. Однако не все интеллигенты ее честно исполняли: одни на самом деле бескорыстно *служили* народу, просвещая и защищая его, другие предпочитали больше слушать власть, а при необходимости и

прислуживать ей. Передо мной лежит «Русский журнал», в котором политолог Глеб Павловский в очередной дискуссии, посвященной «Вехам», приводит любопытный исторический факт участия дореволюционной интеллигенции в появлении «грязных политтехнологий» и использовании государственного ресурса. Он рассказывает, как известный либерал Петр Струве, «напросившись на секретный прием к премьеру Столыпину, записывает на промокашке тему беседы: *“Организация думского большинства. Инициатива должна принадлежать правительству”*». Но в статье, которую он одновременно пишет для “Вех”, про такие грязные политтехнологии – молчок» (см.: Русский журнал. 2009. Вып. 7. С. 8).

В свете этого исторического факта у меня возникает естественный вопрос: как следует относиться к представлениям современной русской интеллигенции, которые называют «Вехи» «актом предельно честной самооценки русского сознания, жестом уникальной подлинности и глубины»? (см.: статью С.Хоружего в «Литературной газете» (2009. № 14).) На мой взгляд, факт двоедушия, проявленного Струве на встрече со Столыпиным, полностью противоречит этой оценке.

Я думаю, не являются до конца честными и объективными подобные оценки не только по отношению к сборнику «Вехи», но и по отношению к такому явлению, как Октябрьская революция, которую называют «катастрофой XX века», или к советской истории, которая представляется «торжеством тоталитаризма» (там же). Хочу заметить, что подобные сугубо нигилистические оценки величайших явлений нашей истории дают, как правило, люди, называющие себя философами, политологами и историками, еще недавно говорившие о них нечто прямо противоположное. Стоит ли верить таким оценкам?

На самом деле, разве может быть «катастрофой» революция, поднявшая к власти униженные веками трудовые низы общества, давшая им не только хлеб и крышу над головой, но и достаточно широкое образование и культуру? Разве можно считать «торжеством тоталитаризма» историю, в которой были нэп и расцвет социального и художественного творчества в 1920-е гг., Отечественная война и победа над фашизмом в 1940-е гг., хрущевская «оттепель», породившая «шестидесятников», перестройка, покончившая с остатками сталинизма, родившая глас-

ность, демократию и свободу, о чем сегодня многие вспоминают с ностальгией? Наконец, разве может считаться тоталитарной поистине уникальная советская культура, давшая таких выдающихся ее представителей, как К.Циолковский и С.Королев, А.Горький и В.Маяковский, С.Есенин и Б.Пастернак, А.Платонов и М.Шолохов, А.Твардовский и В.Шукшин, С.Эйзенштейн и М.Ромм, Д.Шестакович и А.Прокофьев, Э.Ильенков и А.Зиновьев?

Спиноза говорил: «Не надо плакать, не надо смеяться, а надо понимать». Этот призыв великого философа можно непосредственно отнести к отечественной истории, без понимания которой невозможно подлинное просвещение и воспитание новых поколений. Особенно необходим такой подход к советскому периоду этой истории, вокруг которого идет незатихающая идеологическая борьба. Новым наглядным подтверждением такой борьбы стал документ ОБСЕ под названием «Резолюция воссоединения разделенной Европы, поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в 21 веке». В этом документе фактически на одну доску поставлена фашистская Германия, развязавшая Вторую мировую войну, и Советский Союз, одержавший победу над фашизмом, сделавший все от него возможное, чтобы спасти от него Европу и мир.

Этой же цели служит и стремление авторов данного документа объявить 23 августа 1939 г., т. е. день подписания пакта «Риббентроп-Молотов», общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма. При этом характерно, что не дата Мюнхенского договора, подтолкнувшего Гитлера к развязыванию Второй мировой войны, не время зарождения наиболее массовых репрессий в Германии и СССР, а именно время подписания пакта «Риббентроп-Молотов», принципиальная оценка которого была дана Вторым съездом народных депутатов СССР в 1989 г. Как известно, ее суть состоит в том, что содержащееся в секретном протоколе к пакту разграничение сфер интересов СССР и Германии находилось «с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран» (см.: Второй съезд народных депутатов СССР: Стеногр. отчет. Т. 4. М., 1990).

Какая же идеология лежит в основе вышеназванной резолюции и соответствующих предложений ОБСЕ? Думаю, это идеология, возникшая во времена «холодной войны». Она, на наш

взгляд, не только закрывает вход в объективное понимание советской и мировой истории, но порождает новый виток идеологической и международной напряженности уже в XXI столетии. Методологической основой такой идеологии как раз и служит отождествление советской истории отдельных стран с понятием «тоталитаризм». При этом хочется подчеркнуть: если на Западе понятие «тоталитаризм» используется достаточно ограниченно, только для характеристики фашистских режимов Муссолини, Франко, Гитлера и др., то применительно к СССР оно распространяется не только на политический режим Сталина, что можно понять, но на всю советскую историю, начиная с Октябрьской революции и кончая Перестройкой.

Цель подобной трактовки понятна: использовать «концепцию тоталитаризма» в качестве идеологического рычага, разрушающего объективные представления об истории советского общества и современной России, стремящейся преодолеть негативные последствия ельцинских либеральных реформ. Нужно смотреть правде в глаза: для ряда политически и идейно ангажированных исследователей и политиков новая Россия, напоминая по своему влиянию и историческому значению Советский Союз, не нужна в современном раскладе мировых политических сил.

Но с такой позицией невозможно согласиться, ибо она приводит к полному искажению новейшей отечественной истории, порождая ее ненужную идеологизацию. В связи с этим достаточно сослаться на нигилистическую оценку истории России небезызвестной представительницы радикального либерализма Валерии Новодворской, которая называет ее «историей болезни и преступления» (Цит. по: *Авченко В.* Тоталитарная демократия Валерии Новодворской. М., 2001 – интернет-версия статьи). Близкой к этой точке зрения являются утверждения о том, что Россия в советские времена «провалилась», «выпала из мировой цивилизации». И лишь к концу XX в. она стала постепенно в нее возвращаться (см.: *Данилов-Данильян В.* // Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах. 2007/2008. М., 2008. С. 135–140).

Скажу сразу, что подобные взгляды и оценки заводят историческую науку в тупик. Такой подход ведет не к изучению реальных фактов общественной жизни, а к их подгонке под заранее заданную идеологическую схему. Такая подгонка и есть губительная идео-

логизация советского общества и его истории. Отметим в связи с этим, что известные американские историки Роберт Такер и Стив Коэн, специализирующиеся на изучении деятельности И.Сталина и Н.Бухарина, например, считают «концепцию тоталитаризма» сугубо идеологизированным и малоэффективным средством исторического познания. Так, С.Коэн в своей книге «Переосмысливая советский опыт» говорит, что методологической основой «тоталитарной школы» является «идея непрерывности», т. е. представление советской истории как сплошного непрерывного процесса, который идет без каких-либо качественных изменений, периодов и этапов (см.: *Коэн С. Переосмысливая советский опыт. Политика и история с 1917 года* // *Chalidze publications. 1986. С. 46–48.*)

В свое время известный итальянский марксист Антонио Грамши писал о том, что историческое развитие «не игра по правилам», а реальная диалектика и реальная борьба различных социальных сил в обществе. В российском обществе эта борьба шла в ходе Октябрьской революции и продолжалась после нее. Мало того, на первых порах она обрела острую форму гражданской войны, которая была следствием нежелания прежних правящих классов лишаться своего господства, с одной стороны, и неудачей левых сил создать единое коалиционное правительство, с другой. Однако и после гражданской войны в стране продолжали отстаиваться различные социальные интересы и действовать противоположные социальные тенденции. Таких тенденций, в основном, было две: демократическая и антидемократическая.

Демократическая тенденция выражала интересы рабочего класса и других трудящихся классов, прежде всего многочисленного крестьянства. Эта тенденция проявлялась тогда, когда улучшалась жизнь народа, когда становилось больше свободы и справедливости. Я ее связываю, прежде всего, с ленинским пониманием положения дел в стране, с необходимостью перехода в отсталой стране к политике нэпа, с планами радикальной демократизации политической системы, выраженных в его последних работах. По сути дела, эта была ленинская стратегия построения социалистического общества в СССР.

Другая тенденция – антидемократическая, бюрократическая, тоталитарная базировалась на выражении интересов тех слоев общества, которые устали от революции и войны. Это были, пре-

жде всего, интересы, запросы и потребности советской бюрократии, маргинальной части рабочего класса и крестьянства, конформистской интеллигенции. Иосиф Сталин стал их официальным рупором. Бюрократическая тенденция, как правило, сковывала и подмораживала Россию, она превращала ее в авторитарное или тоталитарное государство.

По сути дела, в борьбе этих двух социально противоположных тенденций и осуществлялась советская история, которая еще ждет своего глубоко и объективного освещения.

Что касается тоталитаризма сталинской эпохи, то он просуществовал в стране более двадцати лет. Этот политический режим был, конечно, трагедией для миллионов советских людей и, в первую очередь, для ленинской плеяды революционеров, почти поголовно расстрелянной в 1930-е гг. В то же время тоталитарный режим нельзя отождествлять с обществом или рассматривать всю советскую историю как его непрерывное господство (см.: *Баберовски Й.* Красный террор: История сталинизма. М., 2007. С. 9, 36–37 и др.). Особенно неприемлемо отождествление сталинизма с победой Советского Союза в Великой отечественной войне. Эта победа была одержана не благодаря, а вопреки тоталитарному сталинскому режиму власти. Она есть следствие поистине великого подвига советского народа, отдавшего за победу над фашизмом десятки миллионов человеческих жизней. Без этих жертв немислимо освобождение не только Советского Союза, но и всей Европы от «коричневой чумы» XX в.

Несмотря на длительный характер сталинского режима власти и его, по сути дела, несоциалистического характера, он все-таки не сумел переделать в своем духе всех советских людей: многочисленные примеры оппозиции и открытого сопротивления сталинизму доказывают это. Мало того, чтобы сохранять свою диктаторскую власть над обществом, Сталин был вынужден защищать его социально-экономические основы, заложенные в Октябре 1917 г. Именно эта двойственность режима объясняет факт его массовой поддержки в стране. В то же время она объясняет и его временный, преходящий характер. Это хорошо прослеживается на его истории. Взяв в свое время верх над демократической ленинской тенденцией, он был вынужден, в конце концов, сойти с исторической сцены. Чтобы двигаться вперед, советской стране нужно было вобрать

в себя плоды начавшейся в мире научно-технической революции, размагнитить и освободить головы людей от прежних идеологических догм, осуществить на деле демократизацию общества, но созданный Сталиным тоталитарный режим власти этому всячески препятствовал. Отсюда и возникла историческая необходимость в XX съезде партии, который нанес по этому режиму сокрушительный удар. Его остатки, ожившие в годы «застоя», полностью ликвидировала перестройка.

В связи с этим можно согласиться с общей исторической оценкой сталинизма, которую дал председатель Совета Федерации и лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов. Он, в частности, говорил: «Кто, как не наша страна, наш народ более всех претерпел от жестокостей сталинского режима. И откуда, как не из Москвы мир впервые достоверно узнал о преступлениях сталинизма. Да, десталинизация шла непоследовательно и противоречиво. Но всей своей историей последнего полувека наша страна отвергала и отвергает теорию и практику сталинизма, политики, которую никак нельзя признать органичной для нашего народа, для нашего государства. Недаром демонтаж порядков, навязанных стране Сталиным, начался практически сразу после смерти тирана. Мы сами вынесли свои приговоры и нацизму, и сталинизму» (см.: Материалы агентства ИТАР-ТАСС от 6 июля 2009 г.).

Однако вернемся к сборнику «Вехи». Жизнь показывает, что в современной России, как и сто лет назад, полностью сохраняется и воспроизводится сугубо двойственное отношение к «Вехам» и «веховству». Так, по мнению историка и директора информационного агентства REGNUM Модеста Колерова, «...на языке “Вех” до сих пор говорит почти вся русская политическая мысль, по ее навигации до сих пор действует русская политика, русский политический класс, традиционно состоящий из бюрократии и интеллигенции» (см.: Русский журнал. 2009. Вып. 7. С. 6). На самом деле, после провала либеральных реформ 1990-х гг. в идеологии российского государства произошла своя знаменательная «смена вех». На место либеральной идеологии и ее ценностей пришла консервативная и ура-патриотическая идеология, во многом созвучная не только сборнику «Вехи», но воспроизводящая в новой форме старую уваровскую триаду «самодержавие–православие–народность». Только вместо «самодержавия» у нас говорят о «велико-

державии», а что касается православия, то оно рассматривается высшей властью как одна из важнейших «составляющих», которые наряду с «суверенной демократией» и ядерным потенциалом страны, «укрепляют российскую государственность, создают необходимые предпосылки для обеспечения внутренней и внешней безопасности страны». (см.: Ответ В.Путина на вопрос журналистки из г. Сарова Т.Ставничной: Пресс-конференция В.Путина 1 февраля 2007 г. (www.vesti.ru)).

Несмотря на пропагандистские призывы нынешней власти к национальному и социальному единству страны, она сегодня, на мой взгляд, реставрирует сугубо «Белый проект». Не случайно по инициативе известного кинорежиссера и близких ему по мировоззрению интеллигентов и политиков были привезены и перезахоронены останки таких знаковых фигур Белого движения, как генералы А.Деникин и В.Каппель, философ и идеолог Иван Ильин и др. Подобные акции, на мой взгляд, вместо желаемого единства российского народа и преодоления былого общественного противоречия на «белых» и «красных», лишь усугубляют его. Понятно, что эти явно реставраторские тенденции в общественной жизни России стали возможны лишь после крушения Советской власти и развала СССР.

Хочется отметить одну особенность многих российских интеллигентов: они чувствуют себя некомфортно, если отлучены от реальной государственной власти. Отсюда их частая смена убеждений, демонстративное «сжигание партбилетов» и неприкрытое тяготение к сильным мира сего, проявляющееся в организации «коллективных писем», публичных покаяниях и «принципиальных» призывах к общественности. Достаточно вспомнить в связи с этим воинствующие призывы Е.Гайдара и других демократов «первой волны» выйти на улицу в связи с событиями осени 1993 г., коллективные обращения к Борису Ельцину с требованием «раздавить гадину» в лице Верховного совета и т. д. Не могу забыть, как бывшие советские писатели, редакторы популярных литературных журналов буквально клялись в преданности первому президенту России во время его последней явно недемократической предвыборной кампании. Открытое политическое лизоблюдство некоторых российских интеллигентов иногда меня просто шокировало. Вспоминается в связи с этим знаменитая фраза, брошенная известным юмористом

на юбилейном вечере Окуджавы: «Не кидайте дерьмо наверх!». Ему вторила в другом месте не менее известная эстрадная актриса, публично признавшаяся, что «очень любит богатеньких» и ненавидит всякое «быдло»: неудачников, «коммуняк» и нищих.

Я думаю, презрительное отношение веховцев к «народопоклонству» и «человеколюбию» в этом плане оказалось пророческим. Не случайно идеи «Вех» в новой России разделяются как либеральными демократами, так и сменившими их сегодня неоконсерваторами. Все они называют «бесовством» и «экстремизмом» любое проявление оппозиционности по отношению к существующему политическому режиму. С их точки зрения, даже «русская идея» означает не свободу и справедливость, не открытость и демократичность, а полную политическую покорность русского народа. Утверждается, в частности, что эта идея изначально враждебна «индивидуальному началу», «не предполагает развития», неизменно ориентирована на «единство народа и власти» и т. д. (см.: Национальная идея: история, мифология, миф. М., 2004. С. 476–477, 503–505). В этом же русле переписывается вся отечественная история, в которой всячески принижается деятельность реформаторов и революционных демократов и превозносятся реакционеры – в том числе отъявленные палачи и мракобесы. Великие российские писатели и поэты устаиваются похвалы не за художественные произведения, не за свободолобивую гражданскую позицию, а за слабости, проявленные перед лицом власти. Подобной участи не избежал даже такой певец свободы, как Александр Пушкин.

Однако, несмотря на открытую реставрацию «Белого проекта» в современной России, «Красный проект» продолжает жить в политическом и духовном поле большинства россиян. Он проявляется в многочисленных опросах общественного мнения, дает о себе знать в радикальной критике политической власти, в последовательном неприятии многими подлинными интеллигентами исторического и современного «веховства». «Сейчас доминирующий настрой в среде интеллигенции, – считает историк Александр Шубин, – в пользу антивеховства: довольно стабильности, которая ведет к краху. В случае волнений интеллигенция будет аплодировать возмущенным массам и помогать им, чем сможет» (см.: Русский журнал. 2009. Вып. 7. С. 12).

С этими идеями перекликается оригинальная и искренне написанная статья Аллы Глинчиковой в «Литературной газете» под названием «Самостерилизация» (Литературная газета. 2009. № 15). В ней автор противопоставляет «живые» общества Латинской Америки «мертвому» российскому обществу с его «безвкусными особняками Подмоскovie» и «нелепыми попойками в Куршавеле». Автор с болью говорит о «самостерилизации» российских граждан, которых уже с детства зомбируют низкопробные телепередачи, воспевающие культ денег и насилия. В итоге многие граждане перестают самостоятельно мыслить, петь и веселиться: у них в цене только «острые ощущения». В «мертвом» обществе многое зависит от увлечений: «кто-то любит спекулировать», «у кого-то хорошо получаются выстрелы в затылок», «кто-то случайно оказался у нефтяной или газовой трубы». В подобном обществе вам быстро объяснят, что «равенство – это убожество и нищета, а вот неравенство – это свобода». Поскольку люди не равны от природы, постольку полезно сытно кушать даже тогда, «когда другие голодают». К сожалению, в статье ничего не говорится о том, что же надо делать, чтобы избавиться от «мертвого общества» в России, кроме абстрактного призыва идти «против течения».

На мой взгляд, без ясности цели и средств борьбы с «мертвым обществом» к настоящей свободе и равенству не придешь. И здесь только нравственной позиции недостаточно: необходимо активное сопротивление конкретным силам зла и разрушения. Правда, следует признать, что центр настоящей борьбы за живое, свободное и справедливое общество сегодня не находится в России: он давно переместился туда, где происходят подлинно народные революции, где люди труда берут власть в свои руки.

Вместе с тем есть предчувствие, что социальные перемены скоро начнутся и у нас, в России. На мой взгляд, они возникнут не под влиянием инспирированных извне «цветных революций», где одни коррумпированные кланы сменяют другие. Их с неизбежностью породит беспомощность нынешнего политического класса перед нарастанием острых проблем социальной жизни и, прежде всего, растущей бедности и социального неравенства граждан, тотальной коррупции и бюрократизации властных структур, вновь возникшей практики невыплаты зарплаты и быстрого роста безработицы, очередного свертывания демократических свобод.

Глобальный кризис наглядно обнажил все эти проблемы и уже никакие СМИ, никакие телешоу их не смогут ликвидировать. История многократно учила всех представителей политической и финансово – экономической элиты: русский народ не «быдло», он умеет долго терпеть, но его терпение не безгранично. Когда власти не решают его жизненные проблемы, когда с ним не хотят считаться, – он поднимается, и тогда, «эй, вы там наверху», вам мало не покажется.

Сегодня экономический кризис продолжает шагать по планете, оставляя за собой закрытие автогигантов, замороженные стройки и массовую безработицу, рост цен на продукты питания и падение их на предметы роскоши. Вслед за лопнувшими финансовыми пузырями продолжается банкротство крупных инвестиционных банков, все явственнее общее недоверие к мировой финансовой системе и мировым валютам. Все чаще проявляется социальное недовольство трудящихся, нарастают их протесты по отношению к власти и существующей системе общественных отношений.

А что же делает в дни кризиса наша интеллигенция? С кем она? С народом или против него? Пока вразумительного ответа нет. Одна часть ее пытается отвлечь народ от реальных проблем всевозможными развлекательными играми и «шоу», другая доказывает, что с библейских времен якобы неизменен порядок смены «тучных» и «худых» лет, что экономические кризисы – это стихийное бедствие всего человечества и их нельзя предвидеть и предотвратить. Так, своеобразный «гуру» в области экономической науки Е.Гайдар, в отличие от своих западных учителей, никак не хочет посыпать голову пеплом за свои прежние призывы идти в русле либеральной экономики и политики, приведшей к кризису. Мало того, на вопрос корреспондента газеты «Московский комсомолец»: «Не жалеете, что являетесь в какой-то мере виновником происходящего?», он самоуверенно заявил – «Не жалею». По его мнению, «раз в 5–10 лет экономика крупнейшей в мире страны или крупнейших в мире стран существенно замедляется... Это не закон. Но это реальность. Если двести лет так было, то с какой стати полагать, что больше так не будет?» (см.: Московский комсомолец. 23 янв. 2009 г. С. 4). На уточняющий вопрос корреспондента: «Кто виноват или что тут виной: воровство, некомпетентность, безответственность людей или не-

кий неподвластный человеку закон экономического развития?» Гайдар, как бы забыв свою предыдущую фразу, назидательно ответил: «Неподвластный человеку закон экономического развития» (там же).

Как мы видим, в этих ответах и рассуждениях А.Гайдара наша официальная экономическая мысль фактически расписывается в своем полном бессилии понять современные кризисные явления и процессы мировой экономики. Ее идеи на этот счет не выходят за рамки простых обывательских суждений, скользящих по поверхности экономической действительности. Данный вывод подтверждается и другими публичными высказываниями сторонников радикального либерализма. Так, бывший министр экономики, а ныне руководитель Сбербанка России Герман Греф, приглашенный на популярную передачу первого канала ТВ «Судите сами», с апломбом заявил, что причина мирового кризиса кроется в простом «перепотреблении» граждан. И спастись от кризиса можно только одним путем, сократив свои потребности. И это он говорил в то время, когда миллионы граждан России, лишившись работы, не могут позволить себе купить элементарные продукты первой необходимости, когда в мире сотни миллионов людей просто голодают. По подсчетам ЮНЕСКО, на Земле около миллиарда человек имеют лишь один доллар в день на душу населения.

Более близко к пониманию сути глобального кризиса приблизился премьер правительства России Владимир Путин. Выступая на Давосском форуме, который продемонстрировал свою полную растерянность перед началом экономического кризиса, он сравнил его с бедствием наподобие тайфуна или урагана, который впервые в таком масштабе настиг мировую экономику. В частности, он сказал: «Есть верное понятие – “идеальный шторм”, когда разыгравшиеся природные стихии сходятся в одной точке и кратно умножают свою разрушительную силу. Нынешний кризис похож именно на такой идеальный шторм. Грамотные экономисты и эксперты должны были быть готовы к сложившейся в мире ситуации. Но все равно кризис приходит неожиданно – так же, как и зима у нас в России. Всегда готовимся к ней, и всегда неожиданно приходит». Такое заявление, видимо, потребовало от председателя правительства определенного мужества, если учесть, что его министры и он сам долгое время уверяли общественность, что России не грозят

никакие кризисы, что в случае их возникновения она их переждет в «тихой гавани» (см.: интервью В.Путина газете «Фигаро» от 13 сент. 2008 г.).

Как известно, надежды на «тихую гавань» не подтвердились, кризис пришел в Россию и продолжает наносить ей значительный экономический и социальный урон. По данным Министерства экономики, спад в экономике за 2009 г. составил более 8 %, что означает фактически нулевой прирост ВВП. Губительные последствия кризиса испытывает и вся финансовая система страны. Резко сократились банковские вклады физических и юридических лиц. Произошла значительная девальвация рубля. Растет количество невозврата денег по банковским кредитам. Тем не менее банки сохраняют высокую процентную ставку, что приводит в конечном итоге к сокращению оборотных средств предприятий, а это способствует их частичной или полной остановки.

Кстати, этот круг можно разорвать, если резко снизить процентную ставку по кредитам и провести ряд известных в экономике мер, стимулирующих покупательную способность трудящихся и создание новых рабочих мест, в том числе за счет расширения общественных работ. Такие меры, в частности, проводились в Германии и США в период Великой депрессии. Аналогичные меры сегодня использует Китай, постепенно выходя из кризиса. Но руководители финансово-экономического блока в российском правительстве, продолжающие находится под влиянием монетаристских взглядов, ведут политику, как правило, усугубляющую кризис.

Среди экономистов и политиков до сих пор нет единого мнения о том, достиг ли глобальный кризис своего дна. На встрече «Большой восьмерки» в Италии руководители развитых стран мира пришли к выводу, что мировой кризис будет продолжаться и его новые волны могут причинить еще много вреда. Что касается России, то многие экономисты считают, что когда финансовые возможности антикризисной программы правительства будут фактически исчерпаны, правительство будет вынуждено заимствовать деньги у населения или начнет брать в долг у зарубежных финансовых фондов.

Наиболее тяжелые последствия кризиса легли на трудовое население страны. Общее ухудшение социального положения людей идет на фоне глубокого социального расслоения общества

и его постоянно усложняющейся демографической ситуации. Продолжает расти разрыв между богатыми и бедными. Разрыв по зарплате десяти процентов низших и высших слоев общества достиг более 40 раз. Общее количество населения продолжает сокращаться ежегодно на семьсот тысяч человек. Средняя продолжительность жизни мужчин не достигает пенсионного возраста. Продолжается рост цен на товары первой необходимости, который обгоняет любые правительственные попытки повышения зарплат, пенсий и пособий. Цены на отдельные продовольственные товары за время кризиса выросли в полтора – два раза. При падении мировых цен на нефть продолжается неконтролируемый рост внутренних цен на бензин, значительно выросли тарифы на услуги ЖКХ (более 20 %), электроэнергию (18 %), газ (15 %), связь, транспорт.

Несмотря на заявления руководства страны о том, что социальные проблемы для него остаются приоритетными и что в 2010 г. на эту сферу планируется потратить значительную часть бюджетных ассигнований, в стране продолжают сокращаться затраты на национальные программы. Так, не выполнена программа «доступное жилье». Даже при снижении цен на квартиры они остаются недоступными для молодых семей и малообеспеченных категорий граждан. В период кризиса фактически заморожено строительство многих дорог, медицинских центров, зарплата медикам и учителям. Осуществляемая реформа образования привела не только к увеличению его платности, но и к общему сокращению количества вузов и студентов.

Вопреки желанию партии власти «не кошмарить» ситуацию в стране, она остается объективно тяжелой. Следует иметь в виду, что в стране насчитывается 12 млн инвалидов, более миллиона наркоманов. Выступая в Москве на международном форуме, посвященном проблемам социального государства, председатель Конституционного суда Валерий Зорькин привел статистику, согласно которой в России уже в 2007 г. было более 4 млн алкоголиков, 3 млн нищих, более двух миллионов беспризорных детей. По его мнению, в России социальное дно составляет 16,5 млн человек (см.: Российская газета. 15 окт. 2007 г.). Нет сомнений в том, что эта цифра выросла в ходе экономического кризиса и роста безработицы. По данным Международной Федерации занятости и

Всемирного банка, безработица в России к началу 2010 г. составит более 7,5 млн человек. (По мнению президента Д.Медведева она уже осенью 2009 г. составила 5,5 млн.) Растет скрытая безработица, связанная с временным прекращением работы на отдельных предприятиях. В итоге снизилась реальная заработная плата и возросла задолженность по зарплате, как на частных, так и на государственных предприятиях.

Что же сегодня говорят неолибералы по поводу выхода из кризиса? Их главный ответ: «терпите», не трогайте основы капитализма, не подымайте руку на частную собственность, банки и капитал. От капитализма «может спасти только капитализм» (см.: Московский комсомолец, 8 дек. 2008 г.). Это слова главного редактора либерального журнала «Форбс» Стива Форбса полностью разделяют наши либеральные экономисты, начиная с Гайдара и Ясина и кончая Грефом и Кудриным. Их совет народу до примитивности прост: следует «смириться с неизбежностью» и «перетерпеть трудные времена».

Не дает должных результатов и антикризисная программа, принятая правительством. Как известно, крупные денежные транши, переданные банкирам и олигархам правительством России, были брошены ими не на помощь реальному производству, а на закупку резко подешевевших акций западных предприятий. Как показывает практика, для них прибыль важнее любых разговоров о поддержке отечественной экономики. Характерен в этом отношении и публичный конфликт между известным олигархом О.Дерипаской и В.Путиным, состоявшийся на заводе города Пикалево по поводу нежелания олигарха давать деньги на производство и оплату труда рабочих. Этот конфликт наглядно показывает, чего стоят на деле антикризисные меры, выработаны правительством и утвержденные Думой.

Практика показывает, что критика в Думе антикризисной программы правительства со стороны оппозиционных партий оказалась справедливой. Пока банки не будут поставлены под жесткий контроль государства, пока не будет поднята норма накопления капитала, наконец, пока не будет адресной помощи промышленным предприятиям и их трудовым коллективам, антикризисные меры правительства выполняться не будут, а следовательно будет расти социальная напряженность в обществе.

Как известно, Франклин Рузвельт во время Великой депрессии в США сумел заставить крупный капитал «делиться» с нуждами государства и общества, а нынешнее российское правительство боится даже в условиях тяжелейшего положения трудящихся ущемить его интересы с помощью прогрессивного налога. В связи с этим не должно быть никаких иллюзий насчет того, чьи классовые интересы оно выражает. Однако такое положение не может продолжаться долго: начавшиеся протесты трудящихся, на мой взгляд, рано или поздно должны заставить нынешнее правительство изменить свои взгляды. Так, по данным ВЦИОМ за время кризиса готовность протестовать у трудящихся выросла в пять раз.

Между тем в стране продолжают реализовываться все те же советы радикальных либералов. Лишь узкая группа университетских экономистов (из современных учеников Маркса) раскрывает подлинные причины нынешнего мирового кризиса и показывает реальные пути, которые позволяют его преодолеть (см.: Альтернативы. 2009. № 1). По их мнению, причины современного кризиса лежат в стихийном характере общественного развития, обусловленного частными интересами различных олигархических групп. Это кризис не «перепотребления», а искусственного стимулирования потребления, кризис перепроизводства, в основе которого лежит безудержная погоня за сверхприбылью даже в тех сферах, где её на первый взгляд, не может быть (операции с ценными финансовыми бумагами, вторичными акциями, облигациями, векселями и другими «деривативами»).

Эти экономисты не устают публично говорить обществу, что нужно делать, чтобы с минимальными потерями выйти из него. Их главный тезис: выходить из кризиса нужно не за счет народа, а за счет тех банкиров и олигархов, которые своей спекулятивной и иррациональной политикой безудержной погони за сверхприбылью создали гигантские «финансовые пузыри» и тем самым породили глобальную экономическую катастрофу.

С точки зрения этих экономистов, объективно может быть только три сценария выхода из этого кризиса. *Реакционный*, связанный с продолжением развития олигархического капитализма, осуществлением имперского протекционизма и возможно нового силового передела мира. *Умеренный*, в духе плана «Рузвельт – XXI», связанный с ограничением крупного бизнеса и повышении-

ем экономической роли государства, организации общественных работ и создания новых рабочих мест, последовательной социализации образования, здравоохранения, финансов, расширения контроля за деятельностью капитала и государства со стороны гражданского общества. Наконец, *стратегический* сценарий связан с радикальным выходом за рамки капиталистической системы и приходом к политической власти людей наемного труда. К сожалению, сегодня у этого сценария нет реального политического и идеологического оформления, а левая интеллигенция пока ничего существенного и значимого не предлагает.

Осознание и выбор названных сценариев современными политическими силами дает возможность, на мой взгляд, разработать и соответствующую действенную антикризисную программу. Произойдет ли на практике такой осознанный выбор будущего России, жизнь покажет. Какое место в нем займет современная российская интеллигенция, будет во многом зависеть от того, насколько она сможет понять и усвоить уроки, которые сто лет назад не были усвоены ее историческими предшественниками – авторами сборника «Вехи».

Александр Молотков

Интеллигенция и кризис идеологии

Одним из характерных свойств интеллигенции является активность общественной позиции – способность думать и говорить за рамками личного интереса о проблемах общества, народа и государства. Это свойство определяет внешнюю направленность интеллигентской мысли, а исключительность сборника «Вехи» ознаменовала его прямо противоположный вектор – направленность внутрь, критическую рефлексию интеллигентского самосознания. Именно стремление «яснее уразуметь грех прошлого»¹ как степень собственной причастности к рождению «духов русской революции» стало для веховской интеллигенции потребностью интеллектуальной совести. Не пора ли и нынешней интеллигенции критически оглянуться на собственное деяние – либеральную революцию 1990-х, по своим разрушительным последствиям явно превзошедшую исходные благие намерения?

К сожалению, даже в свете «веховского прецедента» подобного поворота интеллигентской мысли не происходит – и не мудрено, обсуждать заблуждения прошлого значительно легче, чем видеть собственные. Об этом свидетельствуют некоторые выступления в дискуссии, откровенные и честные в постановке диагноза современности и в то же время полностью лишённые подлинной рефлексии покаяния. Пессимизм выводов свидетельствует о тупике интеллигентского самосознания, не способного ответить на многие вопросы и недоумения нынешнего российского безвременья.

¹ Гершензон М.О. Предисловие // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 9.

Стало модным, продолжая традицию «Вех», выносить смертный диагноз и приговор самой интеллигенции – *интеллигенции нет!* Говорится как констатация факта. В принципе с этим трудно не согласиться. Но за этим следует дальнейшая логика *феномена иссякания*: нет интеллигенции – нет Общества – нет Народа – нет Истории! Проблема в том, что сама исходная позиция данного катастрофического ряда, запустившая процесс падения нынешней «очередной России» в историческое небытие, остается в тумане, не раскрытой. Ведь на вопрос, почему нет интеллигенции и что же такое с нею произошло, случилось, ответа не дается. Между тем секрет и ответ просматривается в самом строе подобных рассуждений, и в откровенности, с какою подобные приговоры выносятся, – затухание и иссякание интеллигентского сознания.

Что вообще значит – «есть» интеллигенция или ее «нет»? Это означает – выполняет она свою функцию в обществе или не выполняет. Если да, то как социально-культурный феномен она существует, если же нет, если не выдает на горá некий исключительно ей свойственный общественный продукт, – то ее нет. Ведь интеллектуалов как таковых в обществе предостаточно, докторов наук, писателей, журналистов, деятелей культуры у нас много (хватает), и вся эта когорта со своей профессиональной деятельностью вполне справляется. Так в чем же дело – почему интеллектуалы есть, а интеллигенции нет? Ответ в идеологической сфере: интеллектуалы не справляются с мировоззренческим вызовом истории – не могут сформулировать алгоритм национального будущего на уровне нового исторического горизонта. Пространство идеологических дискуссий преисполнено разоблачениями прошлого, оппозиционной аналитикой настоящего – но совершенно лишено позитивной картины будущего. Словно мы приехали на конечную станцию назначения и будущего не предвидится.

Ощущение остановки русской истории можно обнаружить всюду: в зарастающих лесом полях, в падающей демографии, в полуживой экономике, в окончательно спившейся и опустевшей деревне. Но главное – в отсутствии идеологического оптимизма в обществе, утратившем цели и смыслы национально-исторического бытия. Здесь корень современного российского кризиса, за который во многом ответственна именно интеллигенция, не сумевшая сохранить стратегические национальные смыслы в пучине очередной государственно-политической трансформации.

Интеллигенция исчезла недавно – на рубеже перевала 1990-х, распавшись вместе с обществом на множество идеологических фрагментов. Преодолеть это состояние распада общественного самосознания ей до сих пор не удается – а кроме нее осуществить это никому.

Функция интеллигенции в обществе исключительна – переводить идеальные смыслы национальной культуры в крупные формы общественного сознания, способные изменять Настоящее и предвещать Будущее. По существу это чисто идеологическая задача – осуществлять преемственность и развитие национальных идеалов в процессе истории, находить им достойное общественно-политическое выражение на уровне современности. Интеллигенция оказывается ключевым духовно-мировоззренческим генератором *идеологии* как целостного выражения самосознания общества. Вот с чем никак не может справиться нынешняя интеллигенция! Она не выдает обществу новую идеологическую матрицу, адекватную запросу времени, не может проявить образ национального будущего – и поэтому ее «нет».

Общество уже второй десяток лет находится в полубессознательном, беспомощном состоянии тяжелейшей исторической контузии, не имея внятных идеологических ориентиров для своей политической, экономической и социальной деятельности – а направляющего голоса интеллигенции не слышно. Все по инерции катится к деградации после разрушительного «идеологического взрыва» начала 1990-х, явно напоминающего диверсию, и у общества нет убедительных аргументов, способных восстановить собственную волю к жизни. Словно нарушена незримая связь между прошлым и будущим, между национальным духом и историей.

Связь эта, без сомнения, имеет идеальную (духовную) природу, но в реальности она проявляет себя как мировоззрение в актуальной идеологической форме – как сознательное отношение общества и народа к своей истории. Здесь, при переходе на сознательно-идеологический уровень и происходят главные битвы за то или иное направление национального развития, и именно интеллигенция оказывается центральным субъектом этого перехода – ответственным за исторический выбор. Ибо не народ, как инерционно-бессознательный носитель национального духа, и не общество, как слишком аморфное образование, а именно интелли-

генция обладает всей полнотой интеллектуальных, культурных и духовных данных для объективного мировоззренческого выбора. За что и несет справедливую историческую ответственность, – которой сегодня, увы, не чувствуется. То, что сегодня идеологический фронт открыт и что на нем идут нешуточные битвы за само существование русской цивилизации, кажется, ни у кого не вызывает сомнений, но то, что это требует специальной мобилизации интеллигенции на защиту стратегических мировоззренческих интересов, – не встречает особого энтузиазма.

И дело не в том, что не хватает интеллектуальных мощностей, а в том, что вся сфера «национальной идеологии» признается как бы заранее (или уже) исторически проигранной тупым «советским тоталитаризмом», якобы необратимо деформировавшем русскую историю на антропологическом уровне.

Словно социалистическая идея принципиально не удалась и мы должны уступить дорогу более адекватным нациям. При этом, дистанцируясь от одержимого утопией «советского прошлого», современные интеллектуалы не замечают, что целиком предают национальную историю XIX–XX вв. в ее самых возвышенных гуманистических идеалах – признавая их поражение. Ведь речь идет не только об «эпохе тоталитаризма» как частном эксперименте большевиков, но фактически обо всей традиции русской мысли XIX в., которая, по словам Н.Бердяева, была «окрашена социалистически»².

В этом корень духовно-нравственной капитуляции современной интеллигенции перед лицом исторического вызова – в оставлении идей социальной справедливости, равенства и братства, пострадавших русской интеллигенцией XIX в. и осуществленных в Советской России XX в., в **неспособности подтвердить нравственную правоту и прогрессивность этого процесса**. Вместо того чтобы купировать ошибки советского опыта и теоретически преодолеть их на новом идеологическом уровне (как это сделал, скажем, Китай), сохранив тем самым органичность национальной истории и оправдав ее, нынешняя интеллигенция захлебнулась в собственном диссидентстве 1970-х и не смогла преодолеть внутренний «комплекс отрицания» и отказалась от русской истории как таковой, подписав акт ее идеологической капитуляции.

² Бердяев Н.А. Русская идея. М., 2000. С. 86.

В итоге на сегодня у нас нет государственной идеологии, нет национального самосознания, нет исторического лица. Поэтому распадается наше общество, деградирует наш народ и иссыкает история. И вина в этом в первую очередь интеллигенции – в том, что ее «нет» как ведущего субъекта общественно-идеологической трансформации, в том, что она отвернулась от собственной истории и утратила логику национально-исторического развития.

А политика – дело второстепенное, в том смысле, что она следует за идеологией, вытекает из нее. И коль скоро мы, не моргнув глазом, отказались от собственного жертвенно-выстраданного социалистического проекта, то нам тут же предъявили западно-либеральный – капиталистический. И тут уж, как говорится, без обид. Вот и стоим у разбитого корыта собственной истории, молча наблюдая, как ее пространство по-деловому заселяют не обремененные высокими материями «новые русские».

Мне близки и понятны позиция и установка авторов, последовательно и честно признающих сам факт нашей национальной капитуляции. В отличие от многочисленных адептов чуда «православного возрождения» России на месте посткоммунистической разрухи или И.Шафаревича, нашедшего какой-то «третий путь» между «двумя путями к одному обрыву», такой подход и позиция не строят иллюзий, отрезвляют, а не усыпляют наше сознание. Даже если мы с ними не согласны.

Впрочем, кого сегодня смутит даже такой радикально-провокационный вывод? Безразличие к «последним вопросам» своей истории всего лишь следствие нового «национального выбора» – исторического конформизма, к которому все увереннее склоняется сознание новой интеллигенции. Может, правда, пришло время закончить русскую цивилизацию в этом режиме? Пожить «как все»? Чем не компенсация за отказ от пресловутой «самобытности»? Многим именно таким представляется окончательное решение «русского вопроса»: ни тебе Святой Руси, ни Третьего Рима, ни Светлого Будущего – а тишь и гладь обыкновенной истории.

Не случайно главным параметром политического действия становится ныне Прагматизм – альтернатива Идеологии. Но, увы, на прагматизме далеко не протянешь, чтобы существовать в истории как цивилизация большому народу нужно большее – духовный потенциал национальной Идеи, придающей ему самосознание и

проявляющей его субъектность. Либо народ реализует эту идею в своей истории как «замысел Божий о данной нации» (по словам В.Соловьева), либо сходит с исторической магистрали. Таков и наш выбор: или мы найдем актуальный формат национальной идеи на уровне нового горизонта, или исчезнем как цивилизация, вспыхнув напоследок советским порывом XX в.

Камнем преткновения для нынешней интеллигенции стала Советская эпоха: ее не обойти, не объехать, не столкнуть на обочину. Здесь фактически и происходит выбор. Принципиальных варианта два.

А. Отрицая подлинность советской эпохи (как бессмысленный итог «революционного припадка»), интеллигенция теряет опору истории и на рубеже очередной исторической трансформации оказывается неспособной сформулировать образ будущего. Идеологический процесс обрывается, не находя продолжения, – с ним обрывается и история. Идеологически отступаясь от прошлого, интеллигенция функционально стерилизует себя, обрекая общество на бессознательность, а народ – на вырождение. И фактически подписывает акт капитуляции России. Дальнейшая русская история не имеет смысла.

Б. Интеллигенция подтверждает легитимность советской эпохи в качестве законной ступени русской истории, сохраняя преемственность, преодолевает барьер идеологического перевала и в творческом синтезе формирует новую мировоззренческую альтернативу, открывающую врата будущего. Выполняя тем самым свою главную общественно-историческую миссию, подтверждая, что сама она – есть, общество восстанавливает историческое самосознание, народ – исторический оптимизм, а русская история – перспективу.

Ведь этот выбор не задача политиков – они решают сугубо утилитарный вопрос о власти. Вопрос о национальной идее, о смысле национальной жизни, об образе будущего как цели национального бытия – это задача интеллигенции. И хоть эта задача сугубо идеальна, но найди интеллигенция для нее адекватное историческое решение, и политики будут вынуждены с ним согласиться!

Настроена ли интеллигенция на подобную перспективу? К сожалению, нет. Контуженная политикой 1990-х, сломленная крушением былых идеалов и убаюканная путинской «стабильностью»,

она, кажется, уже и не способна к адекватному историософскому суждению. Будучи родом из СССР, плоть от плоти канувшей в лету эпохи, она не может ни расстаться с ней на экзистенциальном уровне, ни взглянуть на нее объективно. Поэтому подлинного осмысления советского опыта в национальном самосознании все еще не произошло. Да, наверное, и не могло произойти – большое видится на расстоянии. Только сегодня, почувствовав пустоту истории, мы можем оценить главное в советском прошлом – его высокий цивилизационный смысл. Уже не в плане идей марксизма-ленинизма, а в контексте самой русской истории. И не в угоду политической «злобе дня», не знающей ничего святого, а ради исторической объективности и истины.

Именно здесь находится главная нравственная задача для интеллигенции, состоящая в необходимости защитить правду советской эпохи, сохранить ее здоровое гуманистическое начало для будущей национальной истории. Ибо то, что сказало о русской революции первое поколение «веховцев», и то, что думало о коммунизме диссидентство 1970-х, не может быть окончательным приговором социализму. Только нашему поколению интеллигенции, сполна вкушившему прелестей капиталистической реставрации и вставшему на краю национальной истории, принадлежит здесь последнее слово. На нас ответственность этой оценки, за ней – выбор будущего. Конечно, либеральные СМИ уже сейчас готовы предложить нам не один экземпляр обвинительного заключения – только подмахни. Но не будем спешить подписывать сомнительный приговор. Либералам здесь нечего терять, у них впереди «дом родной» – глобализация, у нас же на кону – вся русская история.

Преимственность истории задается верностью национальному Идеалу и способностью раскрывать его в эмпирической перспективе. История не течет сама по себе и не ограничена невидимым Промыслом, но творится волей ее субъектов, сохраняющих ориентацию на Идеал и способных ставить себе стратегические цели. В этом процессе объективное (идеал) находит субъекта, и субъективное (воля) становится объективной историей. Так в синергии идеала и реальности через человеческий подвиг творится история. Так существуют и развиваются цивилизации, непрерывно раскрывающие в истории логос своей национальной Идеи.

Героизм русской интеллигенции, о духовной противоречивости которого говорил С.Булгаков, имеет под собой историсофское оправдание. Возможно, в этом и состоит тайна русской интеллигенции как духовно-социального феномена. В контексте развития национальной истории этот героизм означал не что иное, как *нравственное чувство исторической перспективы*, предчувствие нового еще не освоенного исторического пространства, в котором возможна какая-то новая, более совершенная и справедливая жизнь. Отсюда всеобщая духовная «одержимость» социализмом и революцией, а не от соблазнов теоретического утопизма. Это было подлинное и живое чувство национальной истории, готовность к ее творческому и жертвенному преобразению.

И этот порыв русской интеллигенции был оправдан – в истории было открыто и реализовано новое цивилизационное пространство – советская цивилизация, так или иначе воплотившей чаяния русской интеллигенции. Да, с многочисленными издержками материализма, позитивизма и атеизма, которыми болел весь XIX в., – но новое общество было построено. И это факт, а не утопия! И волевым энергетическим началом этого «будущего» был жертвенный подвиг русской интеллигенции. Авторы «Вех» смогли оглянуться на полпути, осознав духовное искажение общественно-исторической динамики (и были правы), но общий цивилизационный импульс был уже не остановим. Процесс пошел именно так, как он сформировался в русле реальной, пусть и несовершенной, истории.

Нынешнее состояние российской интеллигенции характеризуется, увы, противоположным образом. Нет ничего – ни героизма, ни пассивности, ни чувства будущего. Будущее заблокировано в тупике интеллигентского сознания, не способного ни принять перспективу всеобщего рынка, ни вернуться к вектору социалистического пути России. Историческое предательство оборачивается пустотой – психологической, экзистенциальной, нравственной – лишаящей воли к жизни. Растерянность, а не героизм, апатия, а не подвижничество, безразличие, а не идеалы определяют сегодня состояние интеллигентского духа. В итоге русская история остановилась, обернувшись немым вопросом к русской интеллигенции – что дальше?

Казалось бы, накопленный десятилетиями диссидентский пафос должен был привести к исключительному творческому всплеску при освобождении от оков «тоталитаризма», но этого не произошло!

Диссидентство оказалось идеологически бесплодным состоянием интеллигентского духа. Пафос отрицания, как оказалось, не имел за собой достойной русской истории альтернативы, что и вылилось в итоге в унижительное принятие западно-либеральной модели развития не только в экономической сфере, но и в сфере мировоззрения и культуры. Конечно, здесь не обошлось без коварства политических манипуляторов, умело отодвинувших на задний план диссидентов-почвенников и поднявших знамя национальной трансформации диссидентов-западников. Но и сами «почвенники» давно обрубали все концы, связывающие их с реальностью советского выбора. Вся плеяда выдающихся деятелей 1970-х – Солженицын, Шафаревич, Бородин и др. – за редким исключением оказалась неспособна «наступить на горло собственной песне», чтобы удержать равновесие национальной трансформации, не обрушить ее в катастрофический сценарий. Даже откровенно-вероломный опыт 1990-х не вернул их на землю, в реальность исторического процесса, не подвигнул к поиску путей торможения идеологического, политического и социально-экономического распада Советской России – объективного на тот момент носителя русской государственности, истории и культуры. В итоге нового синтеза прошлого и будущего как поступательного раскрытия русской цивилизации на новом историческом горизонте – не состоялось. Россию ловко умыкнули те, кто был менее заметен, но более четко представлял себе, что с ней делать.

Почему проиграла «русская партия» и уверенно победила «либерально-демократическая», управляющая сегодня русской историей? Не потому ли, что диссидентствующий пафос отрицания советского строя оказался в той же «русской партии» слишком чрезмерен и под шум обвала дряхлеющего «марксизма-ленинизма» либералы выплеснули «ребенка» русской истории XX в. – социализм – воплощенную идею справедливого общества. Ведь это был законный наследник русской истории! Только с ним, с его ростом и развитием, одухотворением и возмужанием, могла быть связана будущая русская цивилизация. Но его выкинули под молчаливое согласие интеллигенции и недоумение общества, а теперь удивляемся, что русская история иссякла.

Ритуальное убийство национального «будущего» состоялось в 1993-м, – тогда же исчезла и интеллигенция как интеллектуальная совесть нации. Старая «диссидентствующая» интеллигенция по-

считала свою миссию по «борьбе с коммунизмом» выполненной и отошла на покой, а новая уже не имела предметного основания для идеологического творчества (прошлого нет) и не смогла сформулировать внятной идеологической альтернативы циничному возвращению капитализма. Тем более, что в рамках либерально-рыночной парадигмы, в координатах которой вдруг оказалась Россия, по Ф.Фукуяме, просто нет выхода – это «конец истории». Поэтому тщетны все попытки проектировать *иное* российское будущее на «рыночном» основании³, и нимало не мудрствующий политический прагматизм уверенно встраивает Россию в структуры глобализации.

В этой ситуации интеллигенция оказывается лишней. Ее мнение уже никого не интересует. Она сама вывела себя за скобки истории, порвав с ней живую связь. Попытки задним числом искать рецепты «национального возрождения» в архивах дореволюционного прошлого, чем от безнадежности занимается ее консервативная часть, – лишь условная компенсация идеологической деятельности. Это не имеет никакого отношения к реальной действительности, все дальше уходящей в невесть кем управляемую, туманную перспективу.

Слишком катастрофичными оказались последствия «диссидентства». Простой констатацией того факта, что «целили в коммунизм, а попали в Россию», здесь уже не отделаешься – надо додумывать это исключительное обстоятельство до конца. Не означает ли оно, что коммунизм отныне имманентно неотделим от России в цивилизационном смысле, как неотделимо от нее православие или петровская модернизация? Россия сделала свой стратегический выбор в 1917-м – идея коммунизма слилась с русской идеей в исторической реальности, и этого никто уже отменить не может! Отвернуться от этого выбора, признать его ошибочным значит лишь предать собственную историю, потерять ее направление и смысл. Ведь это не игра в идеологические «измы», за этим выбором плоть и кровь жертвенного подвига русского народа – наших отцов и дедов – смотреть на него свысока у нас нет никакого, ни морального, ни исторического права. Они построили Великую Советскую

³ Рыночная модель находится в основании двух наиболее заметных проектов российского будущего: «Русская доктрина» (М., 2007.) и «Проект Россия» (М., 2007–2009).

Россию «от южных гор, до северных морей» – мы бездарно потеряли ее. Поэтому оставим на постаментах наше «бронзовое» прошлое, пусть оно сохранит хотя бы в себе свои высокие и светлые идеалы.

К сожалению, последнее невдомек так называемой «православной интеллигенции», остро озабоченной «переименованием» истории. Оказавшись после гибели коммунизма единственным наследником исторической России в ее традиционно-мировоззренческом содержании, православная интеллигенция поддалась соблазну самоуверенного и беспощадного реванша по отношению к коммунистическому прошлому. В безоглядном пафосе антикоммунизма «православные патриоты» удивительным образом в унисон соединили свои голоса с самыми откровенными русофобами из либерально-реформаторского лагеря, что само по себе прямо свидетельствует о ложности данной «патриотической» реакции. Прямолинейный антисоветизм с неизбежностью заканчивается моральным и патриотическим абсурдом, доводя его убежденных адептов до апологии предательства, чем, в частности, явилась недавняя попытка реабилитации генерала Власова в качестве «патриота России»⁴. На этом пути мы никогда не найдем свою подлинную историю. Начинать возрождение России с перечеркивания советского прошлого, с возвращения к исходным позициям гражданской войны – бессмысленно и абсурдно. Пора находить более адекватную парадигму.

Уничтожение советской эпохи с позиций «торжествующего православия» наиболее губительно для русского будущего, т. к. в самой основе блокирует возможности нового национально-исторического синтеза. Ведь именно здесь, на стыке советского и православного патриотизма находятся главные потенциалы народного духа и резервы национального возрождения. Воссоединение того и другого на новом идеологическом уровне и является первостепенной задачей интеллигенции. Решение ее способно исцелить национальное самосознание, диалектически оправдать историю XX в. и стать основой нового, подлинно самобытного государственно-исторического строительства.

Итак, что же дальше? Что делать с нашим огромным и неоднозначным коммунистическим наследством – принять его или предать забвению? В этом гамлетовском мотиве и состоит сакрамен-

⁴ См.: *Митрофанов Г., прот.* Трагедия России. «Запретные» темы истории XX века. СПб., 2009.

тальный выбор интеллигенции: продолжить дело русской интеллигенции по утверждению на земле социальной правды – и «быть» или признать его бесславно законченным – и сойти с исторической дистанции? Можно сказать и более конкретно: вопрос о русской интеллигенции по-прежнему связан с судьбой социализма.

Не поздно ли об этом? – социализм мертв. Не поздно – ибо *идеи не умирают!* Они живут собственной логикой, развиваясь вместе с развитием общества и цивилизации, прирастая творческим опытом практического воплощения. В особой степени это относится к идее социализма, выстраданной человечеством на путях стремления к совершенному обществу. С этой точки зрения нынешний крах социализма есть лишь этап его диалектического самоотрицания: конец «старого» социализма – знаменует *новый социализм*.

Причем речь отнюдь не о конвергенции в стиле европейской социал-демократии, когда «новый социализм» больше походит на вечно старый «новый капитализм», – этот этап мы уже проскочили, практически его не заметив⁵. А о действительно новом, идеологически преобразованном социализме, способном стать подлинной цивилизационной альтернативой тоталитарно-рыночному «концу истории».

Есть такая перспектива. Как ни парадоксально, она в том резерве национального развития, о котором говорили авторы «Вех», обличая революционную интеллигенцию в забвении и отвержении христианства. Их голос не был услышан – так распорядилась история, чтобы до конца исчерпать иллюзии «атеистического социализма». Но это же обстоятельство подразумевает возможность нового возвращения к идеям социализма, уже на одухотворенной, христианской основе – и в этом новая Идеология и новая История! Тема социализма в русской истории еще не снята, и тот же С.Булгаков в одной из поздних своих работ писал, что христианский социализм как таковой возможен и «думается нам, его не миновать в истории»⁶.

И это не просто благие пожелания. К такой перспективе нас подводят два достаточно фундаментальных обстоятельства. Во-первых, сама идея социализма, изначально сформировавшаяся именно в русле христианства и через рациональное самоопределе-

⁵ Имеется в виду: Российское движение за новый социализм. 1997–1999 г. См.: Новый социализм как воплощение русской идеи о справедливости. М., 2006.

⁶ Булгаков С.Н. О Православии. М., 2002. С. 237.

ние в материализме XVIII–XX вв. дошедшая до его атеистического отрицания, подразумевает диалектическое возвращение к своим духовным истокам. Иначе цикл ее оказывается незавершенным и разомкнутым как тезис и антитезис. Словно вся история социализма была напрасной, окончившись ничем с крушением его заключительной марксистско-ленинской версии. Предстоит синтез.

Во-вторых, само христианство, переживающее в настоящее время глубокий кризис идентичности, стоит перед вопросом новой актуализации своей истины в необратимо секуляризованном обществе. При этом высочайший духовно-нравственный потенциал христианства остается донныне не раскрытым на общественно-социальном уровне, оставаясь лишь внутренним делом личности. В этом противоречии содержатся огромные резервы для духовно-нравственного преобразования общества и именно освобожденный от атеизма социализм оказывается той социальной структурой, которая способна вместить и реализовать эти потенциалы в максимальной степени – стать «исполнением заповеди любви в социальной жизни»⁷.

Это новая социально-историческая перспектива, открывающаяся именно сегодня. Ни ушедшие в прошлое формы православно-монархической государственности, ни тем более настоящие формы «загнивающего» либерального капитализма, как показала история, не способны это сделать. Именно социализм с его равенством и братством, приоритетом «общего дела», искренним патернализмом, защитой нравственности и культуры оказывается наиболее близок социальным ожиданиям христианства, являясь по существу его земной проекцией. Не злонамеренны и, конечно, не случайны многочисленные параллели русского коммунизма и христианства – они есть лишь следствие раздвоения национального самосознания и истории. История России XX в. имела верный вектор, но не верное русло! Надо восстановить ее единый поток⁸.

Итак, выбор не велик. Либо смириться с историческим поражением России и тихо доживать свой век в «египетском рабстве» глобализма. Либо войти в единственный исторический коридор,

⁷ Булгаков С.Н. О Православии. С. 237.

⁸ Проблематика соотношений социализма и христианства в современной исторической ситуации подробно рассмотрена автором в его книге: *Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке.* СПб., 2008.

оставленный нам божественным Промыслом для сохранения национально-исторической идентичности, – продолжить русскую историю на качественно новом мировоззренческом уровне, соединяющем земную правду социализма и небесные истины христианства.

Вполне достойная перспектива для интеллигентского духа. Весь комплекс духовных, социальных и культурных достижений русской цивилизации находит в ней свое органичное продолжение. Все лучшее, созданное в русской духовной культуре и достигнутое в рамках советской эпохи, может быть сохранено и раскрыто лишь в этом направлении развития. Способна ли интеллигенция оценить «ветер перемен» и вновь поднять паруса русской истории, направив ее к Светлому горизонту? Не убоится ли она открытой встречи с Историей? Преодолеет ли застарелые комплексы, воссоединив, наконец, свой интеллигентский героизм и христианское подвижничество?

Виктор Арсланов

Несколько риторических вопросов к «веховской» интеллигенции

В основе сборника «Вехи» лежала большая ложь: под видом справедливой и оправданной иронии над госпожой Кукшиной, якобы возлюбившей народ, под видом отречения от разложившегося народничества авторы сборника *отрекались от интеллигентности вообще*, от мировой классической культуры. Но главное заключалось в отречении от демократии – в пользу *черносотенной* диктатуры над обманутым народом. Вот что близко и дорого современной российской «веховской» интеллигенции: во-первых, отречение от демократии, во-вторых, большая ложь как средство осуществления диктатуры «больших денег», и не просто больших денег, а главное, диктатуры непроизводительного псевдо-капитала. «Вехи» были манифестацией и того, и другого. Манифестации столь чудовищно-откровенной, что от сборника отвернулся даже Миллюков, тайно исповедовавший те же веховские принципы.

Конечно, напоминать коту Ваське об азах демократии, об отношении к народу людей классической культуры, лишенного низкопоклонства перед народом – это смешно. В кабаке ходят не для того, чтобы проповедовать трезвость. Риторические же вопросы, на которые не ждут ответа, можно задавать и в кабаке – если их больше негде и некому задавать.

Прочитую следующие слова: «Большинство людей слишком утомлено и изнурено борьбой с нуждой, чтобы собраться с силами для новой и более тяжелой борьбы с заблуждениями. <...> Если эти несчастные люди заслуживают нашего сожаления, то мы по

справедливости презираем других, которых благодетельная судьба освободила от ига нужды, собственный же выбор вновь поработил ей. <...> Они основали все здание своего благополучия на этих обманах...»? Это – из «Писем об эстетическом воспитании человека» Ф.Шиллера¹. А кому принадлежат слова о высоко духовных интеллектуалах, которые свое благополучие основывают на бесстыдном обмане тех, кто не смог получить образование: «Когда ипохондрический ветер гуляет по нашим внутренностям, то все зависит от того, какое направление он принимает: если он пойдет вниз, то получится неприличный звук, если же он пойдет вверх, то это видение или даже священное вдохновение»?². Это сказал Иммануил Кант, который полагал, что для прекраснодушных духовидцев есть единственное средство лечения – «усиленная доза слабительного». И привел Свифта: «...Вы видите, – пишет Свифт, – целые сотни *эолистов*³, выстроившихся в круг, причем каждый вооружен мехами, вставленными в зад соседа, при помощи которых они надувают друг друга, пока все не примут форму и величину *пивных бочек*; по этой причине они с большой меткостью называют обыкновенно свои тела *сосудами*. Достаточно наполнившись при помощи этой и подобных ей операций, они тотчас удаляются и для общественного блага разгружают добрую часть своего прибытка в челюсти учеников»⁴.

Свифт и Кант, как и авторы «Вех», издеваются над интеллигенцией. Но не над той, что принесла себя в жертву народу и истине, а над той, что попирает ногами истину и разум. Продолжим прерванную цитату из Свифта: «Должно заметить, что всякое знание слагается, по их мнению («эолистов», духовидцев. – В.А.), из того же первоначала, так как, во-первых, общепризнанно и бесспорно, что знание *надмевает*⁵, а во-вторых, они доказывают это при помощи следующего силлогизма: *слова только ветер; знание же не что иное, как слова; следовательно, знание есть не что иное как ветер*»⁶. Современная так называемая лингвистическая философия учит, что язык по своей природе *конвенционален*, т. е. усло-

¹ Шиллер Ф. Статьи по эстетике. М., 1935. С. 220.

² Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1964. С. 328.

³ Все, притязающие на какое-либо вдохновение (прим. Свифта). Эол – бог ветров. – В.А.

⁴ Свифт Дж. Сказка бочки. М., 2005. С. 159.

⁵ Делает надменным? – В.А.

⁶ Свифт Дж. Сказка бочки. С. 159.

вен, и высший акт интеллекта – это увидеть в словах только слова (или текст), и не более того. Последняя истина европейской философии звучит так: ничего нет, есть только тексты, которые пишут новые тексты, т. е. *«знание не что иное, как слова»*, причем слова пустые, *«следовательно, знание есть не что иное как ветер»*. Вот каким идеям поклоняется современная российская «веховская» интеллигенция.

Можно вспомнить и Монтеня, для которого настоящие люди – это аристократ-философ в подлинном смысле слова и мужик, а то, что между ними, – дерьмо. Монтениевская мысль была близка нашему Пушкину, мечтавшему о «Робеспьере на троне», который бы нашел общий язык с Пугачевым. Пушкин услышал голос Пугачева и дал ему свободу слова на страницах своей повести.

А чей голос был озвучен авторами «Вех»? Какая социальная сила говорила их голосом? Ей принадлежало большое будущее, о чем свидетельствует современное поклонение «веховцам». Ответ получим, когда ответим на другой вопрос – кого охраняли штыки царской власти от ярости народной в те дни и годы, когда писалась эта книга? Естественно, дворянство охраняли, но далеко не худшая часть дворянства, от князя П.Кропоткина и дочки генерал-губернатора С.-Петербурга С.Перовской до Александра и Владимира Ульяновых искала защиты не от ярости народной, а защищала народ от царских штыков. Безусловной защиты от ярости народной ожидал и по праву эту защиту имел российский «чумазый», Колупаев и Разуваев, который, по свидетельству Салтыкова-Щедрина, на вопрос, что есть истина, отвечал твердо и неукоснительно: распивочно и навьнос. Ярость народную вызывал, прежде всего, он, кровопиец. Если дворянство дало Пушкина, Кропоткина и Плеханова, то кого дал России «чумазый»? То есть грабительский российский капитал, созревший под крылом царской бюрократии, как и наш современный капитал, созревший в райкомах и крайкомах партии, – и тот и другой капитал не просто грабительский, а *монополистический и непроеводительный*. Напомню: согласно М.Веберу, Великая французская буржуазная революция была совершена *против так называемой «королевской буржуазии»*, монополистической буржуазии под крылом королевской власти. Само собой понятно, что в истине наш, российский «чумазый» заинтересован быть не мог. Его-то кровную идею, что «распивочно и на-

вынос», подняли как знамя «Вехи». Разумеется, признаться в этом наши борцы с хамством не могли даже себе, и потому интеллигентного витийства и прекрасных слов о духовности и истине у этих парфюмерных философов было хоть отбавляй. Современные последователи «Вех» тайное сделали явным: объективная истина ныне – в приличном интеллектуальном обществе – бранное слово.

Пустословие благоухающих мыслителей прошлого и настоящего сказывается, например, в том, что они поклоняются Достоевскому, не понимая и не принимая в нем самого главного. Автор «Записок из мертвого дома» нарисовал поразительную картину, как отверженные люди, некоторые из которых были настоящими злодеями, убивавшими детей, – устроили театр и играли во время праздника в этом театре, играли так, что такой талантливой и вдохновенной игры Достоевский, по его собственным словам, не всегда можно было увидеть и в Петербурге.

Кого же испугались авторы «Вех»? По словам Ленина, с социал-демократическим движением рабочих они еще мирились, но против союза рабочих с крестьянством восстали, почувствовав в нем колоссальную силу, с которой даже Колупаеву и Разуваеву не сладить. Вот он, главный вопрос, искусно замаскированный: вовсе не об «интеллигенции», возлюбившей народ, шла на самом деле речь. Речь шла о том, чтобы любыми способами разрушить союз Робеспьера (не на троне, а в лице европейски образованных марксистов) с Пугачевым. Разрушить для того, чтобы образовать другой союз – союз толпы в состоянии холерного бунта с черносотенной интеллигенцией, предавшей демократию и классическую культуру.

Сегодня можно сравнивать эти два прямо противоположных союза, потому что оба они в той или иной мере состоялись в XX в. Первый из них породил Октябрьскую революцию, второй – фашизм, в том числе русский православный фашизм (при деятельном участии митрополита Антония (Храповицкого)), обосновавшийся после революции в Харбине. Кстати, стоит вспомнить, как доказывал Н.Бердяев в годы Первой мировой войны право России на захват чужих территорий. «Дело идет о мировом духовном преобладании славянской расы. Мне неприятен весь нравственный склад германца <...> славянская душа с трудом может переносить самые нравственные качества германцев...»⁷. Но раздувание расизма в

⁷ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 182.

низах вовсе не мешало созданию фашистского интернационала на деле: белоэмигранты из России сыграли свою роль в становлении германского фашизма⁸.

Последователи «Вех» в наши дни немало усилий затратили на то, чтобы снова спутать карты, отождествить две непримиримо враждебные силы – союз русского Пугачева с западной и русской классической культурой, результатом которого был не только «Василий Теркин», но и всеобщее образование народа, лучшая в мире (по словам М.Плетнева) массовая музыкальная школа и одна из лучших – математическая, – и союз западного обывателя с черносотенными идеями Запада и Востока. Кажется, что сама история в XX в. позаботилась о том, чтобы облегчить задачу «веховцам» – неизбежно якобы Октябрь пришел к сталинским лагерям, ибо история сослагательного наклонения не имеет.

Что ж, примем на веру это утверждение. Да, сталинизм был «темной демократией пригорода, а через то и деревни» (Мих. Лифшиц), да, он был последствием Октября. Да, это движение опиралось и на энергию обитателей «Мертвого дома» – страшную уравнительную силу низов, которая бушевала в нашем отечестве многие десятилетия в XX в. Бунт беспощадный, но отнюдь не лишенный смысла.

Пиетический ужас внушила Гриневу песня пугачевских «господ генералов». Невольное восхищение талантливостью и силой духа несчастных острожников не давало спать после спектакля заключенных и автору «Мертвого дома». Энергия большевистской революции произвела на художников Запада такое же впечатление, как реформация – на Дюрера и его современников, констатировал далекий от политики глава Венской школы искусствознания Макс Дворжак⁹. Эта энергия получила отзвук во многих шедеврах искусства XX в., продолжавших и развивавших классическую традицию, от Чаплина и Томаса Манна до стихов позднего О.Мандельштама и портретов М.Нестерова, танца Г.Улановой. А сами обитатели «Мертвого дома», что натворили они? В заметке 1955 г. Михаил Лифшиц писал: «1937 год и вообще все явления этого рода – *месть мелкой собственности* за ее уничтожение, сила обратного, ирония

⁸ См. об этом, например, книгу: Kellog M. The Russian Roots of Nazism. White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945, Cambridge, 2005.

⁹ Дворжак М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения: В 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 109.

истории. Нарождение армии голодранцев-бедуинов, способных и домну построить, и немцев разбить и всякое образованное начальство на части разобрать. Сильно подогрели мы эту уравнительную ярость, которая несколько поглощена была землей после Октября».

Царская власть действительно охраняла «веховцев» и их сторонников от ярости народной. Но сама эта власть была ничем иным, как союзом верхов и низов, союзом тех, кто, как К.Победоносцев, сеял в низах невежество и слепую веру в царя. Итак, царская власть в начале XX в. – это союз царя с черносотенным мужиком? И да, и нет, потому что союз, к которому стремились «Вехи», был направлен против мужика, в том числе и черносотенного – это был союз с *колупаевыми* и *разуваевыми*, которые этого самого мужика пустили по миру (что произошло во многих передовых странах, начиная с Англии). Сборник «Вехи» – важная страница в российской истории борьбы за душу мужика.

Мужик, в конечном счете, сделал свой выбор – не в пользу «Вех». Это была трагическая ошибка русского народа, внушают нам сегодня поклонники знаменитого сборника «о русской интеллигенции». Ведь Россия в результате была раскрестьянена! Верно, но в той же самой степени и окрестьянена, ибо аристократия сталинского времени, от маршалов до писателей, в своей массе была выходцами из деревни. Из деревни вышли и миллионы инженеров, врачей, учителей – тех, кто позволил стране запустить первый спутник и создать такую военную технику, которая до сих пор защищает (увы, не столько нас с вами, сколько держателей миллиардов нефтедолларов в западных банках). Да и нынешние «веховцы», кто они? Как иронизировал Михаил Лифшиц (когда писал об А.Нуйкине), в большинстве своем они не были отпрысками «благородного древа графов Сумароковых-Эльстон»¹⁰.

Увы, данная, значительная часть современной российской интеллигенции не только чужда мировой классической культуре, она лишена и христианского чувства. Разве способна она постичь жертвенный подвиг своей страны? Э.Хобсбаум, автор книги «Эпоха крайностей. Короткий XX век. 1914–1991», констатирует: если бы не Красная армия, которая одна только, как считает Хобсбаум, могла победить фашизм, жили бы мы сейчас в фашистских государствах. И другое

¹⁰ Лифшиц Мих. Почему я не модернист? Философия. Эстетика. Художественная критика. М., 2009. С. 281.

напоминает английский историк – без советской плановой экономики, многому научившей умных капиталистов, не состоялось бы и западное экономическое чудо 1960-х гг. Так зададимся еще одним риторическим вопросом: в целом то, что произошло в нашей стране под влиянием Октябрьской революции, подняло мировую цивилизацию или опустило ее? В том числе и в духовном отношении? Ответ на этот вопрос таких людей западной культуры, как А.Эйнштейн, Т.Манн и Ч.Чаплин, известен всем, кто хочет знать истину.

Подвиг тех обитателей «Мертвого дома», кто пошел – сделал свой выбор! – на крест мировой истории, вызывает ненависть у их потомков, истово молящихся... какому богу? Вопрос для меня тоже риторический – не тому Богу, что принес Самого Себя в жертву за чужие грехи, и не тому, что принял позорную казнь в полном одиночестве, при кликах толпы, ради спасения этой же самой толпы.

Старая царская Россия накануне революции изображается современными веховцами если не как рай земной, то страной бодрой, успешной, прогрессирующей во всех отношениях. Кажется, «веховцы» не читают даже того, что сами издают! Вот фрагмент из роскошно изданного в наши дни трехтомника «Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде)», слова Д.Мережковского от 3 ноября 1909 г.: «Возвращаясь в Россию, каждый раз удивляешься: до чего все заплеванное, заплюзганное, засиженное, пришибленное, ползучее, бескрылое... Что мы вообще умираем, этому поверить легко: стоит лишь взглянуть на все, что происходит сейчас в России... Путешественник рассказывает, как пьяный священник хотел благословить стрельцов, но когда, подняв руку, наклонился вперед, голова у него отяжелела и он упал в грязь. Стрельцы подняли его, и он все-таки благословил их грязными перстами. Когда Достоевский или Константин Леонтьев благословляют Зверя именем Христа, когда Союз архангела Михаила благословляет еврейские погромы и смертные казни, – кажется, видишь это благословение грязными перстами»¹¹. Свое выступление Д.Мережковский заканчивает такими выразительными словами: «Нет, не мертвец, восстающий из гроба, а погребенный заживо – Россия нынешняя... Уже земля обсыпалась, задавила меня. Больше не могу кричать, голоса нет. Земля во рту»¹².

¹¹ Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. Т. 2. 1909–1914. М., 2009. С. 8, 9, 13–14.

¹² Там же. С. 17.

Не то беда, что в большинстве своем наши современные веховцы не потомки графов Сумароковых-Эльстон, а то беда, что да- леки они и от русского мужика. Они – духовные потомки и наслед- ники «чумазога», того самого, что этого мужика душил. Разве не так? Тогда сообщите нам, какова главная мысль всей современной российской интеллигенции, той самой, что задает интеллектуаль- ный тон нашей жизни, от литературных журналов до масс-медиа? Ручаюсь головой, что мысль эта – «распивочно и навынос». А дру- гая главная идея ее в том, что народ – хам, которого надо дурить и держать в повиновении. Чему в немалой степени способствует сама практика «веховской» интеллигенции – пустословие, разнуз- данная ложь, всеобщая клевета, глумливое попрание загнанной в подполье и презираемой истины.

Нужны примеры? Они на каждом шагу. Вот совсем недавний, из журнала «Знамя», иллюстрирующий нравы современной либераль- ной интеллигенции. В обзоре книг (Знамя. 2009. № 10) А.Кузнецова в краткой рецензии на книгу Мих. Лифшица «Почему я не модернист?» сообщает: «В заметках 1967 года о булгаковском “Мастере”, только что опубликованном, кстати, писанных для себя, не для публикации, читаем: “Мало того, что основы научного атеизма нарушены в его произведении, он касается работы советских учреждений в самых вольных ракурсах и слишком легко обходится с такими сторонами жизни, которые требуют сугубой серьезности”. Почти убедив, что Мих. Лифшиц *умница*, автор рецензии приписывает ему слова, кото- рыми он иронически изображает реакцию на роман Булгакова со сто- роны литературных «специалистов по всему правильному». Вот ка- кими строками он предварил процитированное Кузнецовой: «Люди, являющиеся специалистами по всему правильному или чувствующие себя таковыми могут высказывать некоторое беспокойство. Что автор хотел этим сказать, на что он намекает, нет ли у него какого-то особог- о намерения?» (с. 553). И тут же успокаивает этих «специалистов»: «Не беспокойтесь! “Все будет правильно...”» (там же).

А какова практика наших демократических изданий перестро- ечных времен, начиная с «Огонька»? Кого они поддержали под зна- менем борьбы за демократию – «Новый мир» А.Твардовского или «Литературную газету» В.Ермилова? Как реагировали на письма, в которых описывались допущенные ими злонамеренные фальсифи- кации? Знаю по личному опыту, как веховская интеллигенция фаль-

сифицирует – откровенно, не моргнув глазом, соревнуясь только в том, чья фальсификация окажется успешнее. Да, именно так: «Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет...», приспособливаясь к тем, кто со всех страниц и экранов – «бабачит и тычет». Такова современная интеллигенция, таков ее правдивый портрет. Он будет не полон, если не вспомним, что ныне хнычущие и плачущие сами немало повинны в победе «чумазого» в период горбачевской Перестройки и после нее.

Мир сегодня стоит накануне большого правого поворота, по сравнению с которым то, что произошло в нашей стране после 1991 г., – только прелюдия. Сценарий хорошо известен: вначале какая-нибудь левая «буза», с разбиванием витрин и поджогов автомобилей (как в 1968 г.), а потом **напуганный громкими, но холостыми выстрелами обыватель объединится с правыми – и вот совместными усилиями «левых» и «правых» человеческое стадо загонят в старый хлев.**

Есть ли в современной России, пусть в потенции, интеллигенты, что не маячат и не бабачат? И есть ли, хотя бы в возможности, национальная идея, что сможет объединить людей, желающих жить честным трудом? Думаю, есть, но идея эта была отброшена и опозорена «веховцами» – правыми и левыми. «Бога вы не боитесь!» – в сердцах написал Мих. Лифшиц по поводу одного из персонажей своих памфлетов. А кто сегодня Бога боится? Полагаю, никто – ни власть и деньги имущие (включая и власть церковную), ни обслуживающая их интеллигенция. Если бы боялись, не допустили бы того, что творится... Вот оно, тайное убеждение наших «веховцев» – не будет возмездия! Все позволено, когда есть сила и надежные политтехнологии.

Отброшенная «Вехами» традиция состояла в прямо противоположном убеждении, основу которой заложили два, по словам Гегеля в его «Лекциях по философии религии», великих революционера всемирной истории – Сократ и Христос. Суть совершенной ими революции в том, что истина объективна, т. е. находится не в нашей голове (в ней может быть и «ипохондрический ветер»), и «священное вдохновение», как писал Кант), а прежде всего в реальном мире. «Бог правду видит, да не скоро скажет» – любимая Львом Толстым народная поговорка, в которой по-своему заключалась истина Сократа и Христа. Что есть истина? – этот сакраментальный вопрос обсуждать с «чумазыми» прошлого и настоящего бесполезно.

«Его послал бог Гнева и Печали Царям земли напомнить о Христе», – писал Некрасов о Чернышевском. Понимая бесполезность таких напоминаний, Чернышевский все же обратился со своими «Письмами без адреса» к Александру II. Основываясь на экономических расчетах, правильность которых он просил царя проверить, привлекая своих лучших экономистов, Чернышевский показал, что реформа 1861 г. обезземелит крестьян, доведет их до нищеты и бунта. А чем может обернуться бунт в стране, где *...народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек?* – вопрошал царя Чернышевский, и сам же отвечал: «Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию... Под влиянием этого чувства обращаюсь к вам, милостивый государь, с изложением моих мыслей о средствах, которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную и для вас и для нас»¹³.

Кажется, почти то же самое о народе и опасности его бунта писали «веховцы» полвека спустя, но в действительности между ними и Чернышевским пропасть. Атеист Чернышевский, как и Маркс, прекрасно понимал, что объективную истину обмануть нельзя, а если сдавливать пружину, то она разожметс^я обязательно. Но для тех, кто казнил Сократа и Христа, для тех, кто отправил Чернышевского на каторгу, бог – это удобная иллюзия, духовный комфорт, привычное лицемерие, без которого не проживешь, и не более того. Все решает сила (государства, денег, манипуляции сознанием), остальное – сказочки для дурней. А для Сократа, Христа, Чернышевского и Маркса, для всей классической культуры *объективная истина существует*, и ее перехитрить нельзя. Да, ложь и насилие побеждают почти всегда на коротких дистанциях, но на длинных непременно проигрывают.

Как красиво и благоуханно пишет Бердяев о духовности и поиске истины, хотя на деле «веховцы» призывали власть покруче закручивать гайки, оттягивать всеми силами решение земельного вопроса – и это в те годы, когда уже полыхали дворянские усадьбы. Так кто же ответствен за трагедию в подвале Ипатьевского дома?

На современной российской радиостанции слушатели задавали один и тот же вопрос – в разное время и разным приглашенным на радио специалистам: что делать с мафией, что делать с банди-

¹³ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. X. М., 1951. С. 92.

тами в чиновничьих креслах, которые задушили страну, в которой армия чиновников и монополизм экономики несравненно больше, чем в брежневские годы? Что делать, вопрошают они, в ситуации, когда рыба гниет с головы? Умные, образованные господа-веховцы (например, директор одного из экономических институтов при Президенте России) отвечали им: но ведь и в Америке мафии не меньше! Умолчав при этом о том, что европейская цивилизация была бы не возможна, если бы в ней, начиная с Лютера и Нидерландской революции XVI века, не велась борьба с мафией не на жизнь, а на смерть. Мафией католицизма во времена Лютера, мафией «королевской буржуазии» во времена Французской революции – читайте Макса Вебера, так и хотелось крикнуть этому господину-экономисту.

Читали, знаем. Не верим! Ни Христу, ни Сократу, ни Монтеню, ни Марксу. Ваше право, конечно, господа, верить только в самих себя и свою собственную духовность и изворотливость, тем более, когда она столь успешна, как у вас, веховцев наших дней – ведущих экономистов, социологов, политтехнологов, журналистов...

Да, в Америке есть мафия и всегда в ней была. Но сделайте, господа, хотя бы половину того, что сделал президент Рузвельт! Начните строить доступное для *всего работающего населения* жилье, дайте вздохнуть мелкому предпринимательству в городе, крестьянам в деревне, обеспечьте *честный суд*, дайте возможность рабочим, учителям, врачам защищать свои права, объединившись в независимые от государства и предпринимателей профсоюзы. Вот и все, для начала только это! Но без обмана, без потемкинских деревень. И если у вас не получается, *мафия душит*, то так и скажите – прямо и честно.

Нет, не скажут этого господа веховцы, и правые и левые, по-прежнему надеясь только на силу, штыки. И чтобы штыки были направлены на тех презренных, чьи голоса слышны снизу, необходимо объединить толпу на какой-нибудь черносотенной (державно-империалистической) идее...

Впрочем, цель моих размышлений и заметок состоит не в том, чтобы кого-то напугать или разоблачить. Все мы живем каждый в своем течении и изменить его не хотим, да и не можем. Просто мне хотелось напомнить некоторые исторические факты в связи со столетием сборника о русской интеллигенции.

Татьяна Наумова

Два лика интеллигенции

Что представляет собой в сегодняшней России интеллигенция, которой веховцы посвятили свой сборник, какие изменения произошли в ней за целый век изменений и перемен в России и мире, как современная интеллигенция относится к недавнему прошлому и российскому настоящему, каким представляет себе будущее страны и в чем её беда и вина? Попробую на этот непростой вопрос ответить.

П.Б.Струве определил русскую интеллигенцию как «чувствительное лицо нации», коего на Западе нет, как особый тип мировосприятия и общественного поведения, когда важной чертой становится оппозиционное отношение к власти. Веховцы считали, что она-то и есть *прорубленное Петром окно в Европу* и ведет свою родословную от петровской реформы. С той поры она формировалась как внутренне общая социальная группа. Однако глубокие перемены, происходившие в российском обществе в 1990-х гг., привели к огромным изменениям в интеллигенции, резко изменив ее социальное положение, соответственно, и роль в обществе, её умонастроение.

В среде интеллигенции произошел процесс расслоения по самым разным параметрам, и она распалась на отдельные социальные группы, значительно различающиеся своим положением. Подобно тому, как после 1917 г. в нашей стране «революционный вихрь рассек народ на обособленные части» (П.И.Новгородцев), так и в новой России пути различных групп интеллигенции разо-

шлись. Она расколота на «высшую», элитарную, и «трудовую», массовую. По-разному сложилась и судьба некогда единой социальной группы интеллигенции.

Ныне сформировался слой богатой интеллигенции. Это произошло за счет того, что довольно значительная часть интеллигенции связала жизнь с бизнесом и вошла в «верхний» слой российского общества. Благодаря этому эта часть резко выделяется уровнем своих доходов и обеспеченностью. Зажиточные представители интеллигенции входят в список самых богатых лиц мирового общества, располагают огромными состояниями. Но этот фактор не главный, поскольку ничего не говорит нам о нравственности и общественной позиции человека. К тому же, скажем словами С.Л.Франка, нельзя сказать, что «все богатые – злы, а все бедные – хороши и добры». Хотя важно, каким способом и ценой богатство таких интеллигентов достигнуто. А оно, увы, часто достигается путем махинаций, с использованием безнравственных способов и средств. Отметим, что мало кто из нынешних богатых интеллигентов самостоятельно пробился наверх за счет интеллекта, культурного кругозора и таланта.

Но в постсоветской России резко снизился уровень жизни подавляющей части интеллигенции – хороших ученых, врачей, учителей, инженеров, ныне составляющих «нижний» слой общества. А еще недавно они принадлежали к сравнительно обеспеченным слоям, имели высокий социальный статус, пользовались привилегиями и заслуженным общественным вниманием. Ныне же лишились не только признания, но и достойного вознаграждения за свой труд.

Если сравнить потребительские стандарты и качество жизни подавляющей части нынешней российской и бывшей советской интеллигенции, то надо признать, что советское государство неплохо оплачивало интеллигентский труд, так что это была весьма обеспеченная группа общества, с высоким уровнем жизни. К примеру, уровень доходов интеллигенции, занятой в сфере науки, намного превышал доходы других групп работников умственного труда. Сегодня занятые в сфере науки специалисты, как, впрочем, и другие группы интеллигенции, могут только мечтать о таком положении. Надо признать, что социальное самочувствие большинства современной российской интеллигенции оставляет желать лучшего.

За годы преобразований и перемен в стране внутри интеллигенции выделилась часть, претендующая называться «средним классом». И если признать существование такового в советское время, то действительно значительную часть так называемого среднего класса составляли именно интеллигенты. А сейчас в него входит лишь небольшая, «элитарная» часть интеллигенции, профессионалы, чьи знания и квалификация пользуются рыночным спросом. Сюда входит относительно узкий слой интеллектуалов, работающих в гуманитарном секторе науки, на некоторых предприятиях частного сектора экономики и в сфере частного образования. Разумеется, выборочно определенная часть интеллигенции, обслуживающая власть, – социологи, политологи, разработчики избирательных технологий и т. п.

В среде интеллигенции произошел серьезный и очевидный раскол в понимании пути дальнейшего развития России. Так, определенная, отнюдь не малая часть интеллигенции выступает против «российского капитализма», испытывая не скрываемую ностальгию по прежним временам, ценностям и завоеваниям. В частности, вспоминают добрым словом общедоступное бесплатное медицинское обслуживание и образование, занятости трудоспособного населения и отсутствие безработицы, серьезные социальные гарантии государства, которые просто немислимы при том капитализме, который в России построен. В сознании большинства этой части интеллигенции он ассоциируется с неизбежным разрывыванием государственной и общественной собственности, постоянно растущим разрывом между доходами сверхбогатых граждан и миллионами бедных и нищих, культурной, морально-нравственной деградацией общества.

Вместе с тем немалая часть интеллигенции успешно вписалась в новую российскую социальную реальность, считает, что она выиграла от либеральных реформ, и не только в своем благосостоянии, но, прежде и больше всего, в интеллектуальной и духовной свободе. Поэтому, размышляя о будущем страны, она не хочет реставрации прежней общественно-политической системы в любом виде, поддерживает переход России к капитализму и избранный путь развития страны.

Негативное отношение части интеллигенции к социализму у нас обусловлено невзгодами прошлого, просчетами и ошибками прежнего руководства страны. Прежде всего тем, что взгляды и по-

ведение правящего класса были далеки от декларируемых лозунгов, в силу чего интересы правящей государственной бюрократии и остальной части общества находились в глубоком противоречии. В представлении оппозиционной части интеллигенции прошлое связано, прежде всего, с отсутствием свободы слова, печати, личной заинтересованности в труде, всеобщей бедностью. Её же беда и вина в том, что она на чисто проигнорировала и перечеркнула достижения и завоевания более чем 70-летней истории страны, созданной советской цивилизации. У части интеллигенции вообще отсутствует желание идентифицировать себя с какой-либо общественной системой и пропал интерес к проблеме будущего страны.

Между тем полемика идет, и вопрос о будущем остается предметом политического и мировоззренческого противоборства внутри интеллигенции. С 1990-х гг. страна двинулась от социализма к капитализму, но результаты и последствия пройденного за двадцать лет пути мало кого устраивают и вдохновляют. Стало ясно, что проигнорировать советский опыт не удастся, да это и глупо. Об этом не говорят прямо, но крен политики в сторону консерватизма, каким бы прилагательным его ни наделяли, говорит сам за себя. Речь идет не о самоизоляции, а об ассимиляции достижений мирового сообщества стран, что и призваны возглавить и реализовать слои интеллигенции, способные самостоятельно мыслить, профессионалы с высокими моральными качествами. Имеется в виду не только та часть интеллектуальной элиты, которая занялась бизнесом и вошла во власть. Больше надежды на рядовых профессионалов – врачей, учителей, инженеров, деятельность которых непосредственно связана с решением проблем народного образования, медицины и промышленности.

Отношения между властью и интеллигенцией в России всегда были сложными и противоречивыми. Как отметил М.О.Гершензон в «Вехах», у интеллигенции «перед властью – то гордый вызов, то покладистость – не коллективная, а личная». В целом же интеллигенция стремилась дистанцироваться от власти, становилась в позицию открытой или подспудной оппозиции. Именно это возмущало авторов «Вех», и они говорили, что русский интеллигент боится прикоснуться к власти, считая *власть злом и всех властвующих – насильниками* (С.Л.Франк). Подобное отношение к власти П.Б.Струве называл *отщепенством*, отчуждением от государства.

Его, как и всех веховцев, раздражал сам факт того, что *все русские политические движения были движениями образованной и привилегированной части России*. Не нравилось, что интеллигенция взяла на себя функцию идеолога различных партийных и общественных движений, за что её «Вехи» и подвергли резкому осуждению и критике.

В конце XX столетия в период реформаторской эйфории («перестройка») в стране произошел всплеск политической активности интеллигенции, которая охотно участвовала в митингах и манифестациях, призывала, используя слова П.Б.Струве, «к величайшим политическим и социальным переменам». А потом предъявила права и на власть. И в этом определенная часть интеллигенции преуспела, в основном те, кого С.Н.Булгаков считал людьми «с долей наследственного барства, свободного в ряде поколений от забот о хлебе насущном и вообще от будничной, “мещанской” стороны жизни».

На мой взгляд, влияние и роль нынешней российской интеллигенции сейчас, как и в прошлом, весьма противоречива. Значительная её часть, получившая в советское время качественное образование, свой посильный интеллектуальный вклад в развитие России вносит. И, как сказал бы веховец А.С.Изгоев, думают «не только о своих личных интересах, но и об интересах всей страны». Но их сегодня крайне мало. Гораздо больше тех, кто руководствуется личным властолюбием, озабочен политическим статусом, достижением личных целей, высокого положения в обществе, кто безразличен к судьбе миллионов людей, брошенных властью на произвол судьбы во имя реформ. Да и масштабом своей личности немногие интеллигенты и интеллектуалы могут похвастать, что наглядно проступает, когда они берутся судить и решать проблемы будущего развития России. Начиная преобразования, интеллигенция поставила целью так трансформировать страну и общество, чтобы Россия вышла на более высокий уровень развития. Но за прошедшие почти два десятилетия (срок большой!) не сделано ничего значительного ни в экономической, ни в социальной, ни в культурной жизни страны. Современная Россия до сих пор опирается на то, что она получила от советского периода своей истории. Кроме разрушения старого интеллигенция реально ничего нового взамен не предложила. А многие старые проблемы стали еще

острее, чем до начала процесса реформирования страны. Говоря языком веховских оценок, в результате всех происшедших перемен нынешнее *русское общество находится в каком-то оцепенении, апатии, духовном разброде, унынии* (С.Н.Булгаков).

Спустя почти десятилетие после выхода «Вех» тот же Булгаков уже в сборнике «Из глубины» говорил, что «сама-то интеллигенция показала себя у власти, к чему она пригодна, кроме говорильни». Фактически наша страна в начале третьего тысячелетия деградировала, оказалась отброшенной в своем развитии на десятилетия назад. Россия занимает 65-е место по индексу человеческого развития, 30-е место – по уровню образования, 130-е место – по здравоохранению, 105-е – по качеству жизни, 75-е – по индексу социального развития, 35-е – по уровню экономического развития. И можно повторить булгаковский вывод в «Вехах», сделанный 100 лет назад: «Есть от чего прийти в уныние и впасть в глубокое сомнение относительно дальнейшего будущего России».

Значительная часть граждан, заплативших собственную (огромную!) цену за вхождение в рынок, негативно оценивает так называемые реформы, социальной опорой и теоретической базой которых была и пока остается либерально настроенная интеллигенция. Россияне рассматривают путь будущего развития России как чуждый и враждебный национальным интересам страны, своим собственным интересам. Ибо становление рыночных отношений было сопряжено с понижением уровня жизни людей, падением морали, коммерциализацией отношений между людьми, утратой стабильности, резким делением российского общества на богатых и бедных, нарастанием разрывов между их уровнем жизни. Да, интеллигенция добилась личной свободы и свободы творчества. Но как сказалось это на судьбе страны и миллионов людей, ставших жертвой преобразований и перемен, которые странным образом обогатили одних, сравнительно немногих, и обрекли на нужду и страдания других, исчисляемых миллионами. На мой взгляд, интеллигенции пора публично признать и покаяться за совершенные ошибки и провалы, нанесшие невосполнимый урон стране и её гражданам.

Одной из основных ошибок интеллигенции в ходе реформ стало нарушение принципа *социальной справедливости*. Особенно наглядно это проявилось при разделе государственной собственности. В результате дележа бывшей государственной собствен-

ности, накопленной всем обществом, основные ресурсы страны стали достоянием не более 1 % населения. Ее перераспределение произошло в пользу части представителей правящего класса, тех, кто ныне составляет слой крупных собственников. Они фактически получили в собственность прежнее государственное имущество, причем самые доходные объекты народного хозяйства, эффективные и конкурентоспособные предприятия. В то время как подавляющая часть граждан ничего не получила от раздела государственной собственности. Мы считаем, что такая приватизация оказала дестабилизирующее влияние на социальную ситуацию в стране, вошла в противоречие с нашими национальными традициями и интересами большинства населения страны. В конечном счете, это привело к ослаблению государства, подрыву устоев его независимости, ибо ловкие дельцы, получившие общее достояние, вывезли награбленный капитал из страны.

В результате во главе с либерально настроенной частью интеллигенции рухнула великая держава, создававшаяся столетиями. Повторилось то, что уже было в нашей истории. В начале XX в. интеллигенция считала государство своим «смертным врагом». Именно за это авторы «Вех» интеллигенцию критиковали. События 1917 г. показали, что эта критика имела под собой серьезные основания. Российская интеллигенция в состоянии своей псевдореволюционности стала *переделять и перелицовывать страну и общество на лад и манер, не имеющих ничего общего с вековыми традициями и национальной ментальностью*, – считает В.И.Толстых. Поэтому интеллигенция действительно заслуживает самых жестких обвинений в свой адрес. Невольно вспоминаешь когда-то прозвучавшие слова С.Н.Булгакова из «Вех» о том, что интеллигенция «развила огромную разрушительную энергию, уподобившись гигантскому землетрясению, но ее созидательные силы оказались далеко слабее разрушительных». И позднее, уже в сборнике «Из глубины», П.И.Новгородцев в статье «О путях и задачах русской интеллигенции» отметит: «Мы должны будем сказать, что основным проявлением интеллигентского сознания, приводящим его к крушению, является рационалистический утопизм, стремление устроить жизнь по разуму, оторвав ее от объективных начал истории, от органических основ общественного порядка, от животворящих святынь народного бытия».

По нашему мнению, интеллигенция в значительной степени разделяет моральную ответственность за трудности и лишения, которые сегодня переживает Россия, за тот тупиковый путь развития, который при ее помощи и поддержке был создан на обломках советского строя.

В дореволюционной России интеллигент рассматривался как носитель высокой нравственности. Я согласна с В.И.Толстых, что русская интеллигенция при всех ее расколах, метаниях и шатаниях, как правило, сохраняла свое достоинство и интеллигентность даже в самые трудные времена революционных разломов и больших трансформаций (*Толстых В.И. Мы были. Советский человек как он есть. М., 2008. С. 481*). В наше далекое прошлое интеллигенция чувствовала свою ответственность не только за то, в чем она непосредственно не участвовала, но и за то, что совершалось помимо ее воли и желания. Потому ее нередко называли «кающейся». В отличие от старой российской интеллигенции, интеллигенция постсоветской России не только не кается, но пытается оправдать себя за содеянное. Чтобы облагородить интеллигенцию, представителей этого социального слоя общества нередко называют «полуинтеллигенцией» Ибо ее характеризует внутренняя казенщина – явный дефицит образованности, знаний, невелики и культурные запросы. Н.А.Бердяев же в «Вехах», в отличие от интеллигенции в общенациональном, общеисторическом смысле этого слова, называл такую интеллигенцию «интеллигентщиной», ибо её характеризуют «инертность мысли и консерватизм чувств... косность в основном душевном укладе».

Конечно, было бы несправедливо возлагать на интеллигенцию всю вину за то, что произошло со страной. В том, что произошло с Россией, виноваты все мы, и каждый честный гражданин страны должен осознавать свою личную вину. Вряд ли кто станет отрицать, что страна нуждалась в переменах, и от их успешного осуществления решающим образом зависело будущее России, ее место в быстро меняющемся мире. Народ поверил интеллигенции, пошел за ней, поскольку именно она, по словам С.Н.Булгакова, как и в начале XX столетия, «духовно оформляла инстинктивные стремления масс. Зажигала их своим энтузиазмом». Пусть она «отчитается» перед обществом и народом, куда она звала и завлекала своими призывами и обещаниями, так и в конце XX в. интеллектуально и духовно руководила народом.

После поражения революции 1905 г. С.Н.Булгаков в «Вехах» скажет, что «многие в России испытывают острое разочарование в интеллигенции и ее исторической пригодности, в ее своеобразных неудачах увидели вместе с тем и несостоятельность интеллигенции». По-моему этот вывод актуален и в наше время. Иллюзии россиян, смотревших на интеллигенцию как на мессию, как интеллектуальных «поводырей» сменились разочарованиями. Изменились настолько, что кто-то считает её «вымершим» классом или слоем общества.

Верно ли это? Если это так, то кем считают себя авторы нашей дискуссии, посвященной юбилею «Вех»? К какой группе нашего общества они сами себя относят?

Думаю и убеждена в том, что интеллигенция в новой России осталась, ни не только как социальная группа, но существуют и настоящие интеллигенты – личности. Правда, их мало, и не вся интеллигенция обладает достаточным духовным потенциалом, чтобы претендовать на лидерство в духовной жизни общества и просто именоваться интеллигентом. Тем заметнее среди них люди, которых отличают не только обширные и разносторонние знания, но и гражданственность, совесть, душевное благородство – то, что издавна сопрягается в сознании с понятиями *интеллигентность* и *интеллигент*. Вот на таких и надо опираться и беречь их своим вниманием и признанием.

Но остается актуальной вера и надежда на то, что *народится новая душа интеллигенции*, о чем мечтал и надеялся Н.И.Бердяев. Душа, способная мужественно признать свои ошибки, извлечь из них урок и превратить пережитые страной испытания в созидательную силу. Будем надеяться, что так оно и будет.

Без самопознания мы рискуем ходить в истории по кругу

Для меня дискуссия в связи со 100-летием «Вех» – и повод поговорить о слабо изученной проблеме нашего бытия – самопознании, и попытка дать ответ на жизненно важный для нашей судьбы вопрос: в чем глубинные причины катастрофического развития России в XX в.? Произошли две полярно направленные социальные революции (вначале поменяли незрелый капитализм на социализм, а потом социализм – на ещё более незрелый капитализм). В результате мы понесли страшные потери, которые с высоты сегодняшнего дня представляются необратимыми. После Октябрьской революции потеряли формировавшийся веками едва ли не весь культурный слой общества, класс предпринимателей в городе и деревне, часть «золотого» генофонда нации и десятки миллионов погибших в ходе гражданской войны, репрессий и голода. У народа политика большевиков, как писал писатель-фронтовик Виктор Астафьев, «надорвала становую жилу, довела до вырождения, наделила вечным страхом, воспитала в нём нездоровые гены рабства, склонность к предательству, краснбайству и всё той же жестокости, раба породила». Сказано сильно, с пережлётком, но ведь это факт, что такого лакейства и холуйства, которые нынешняя элита проявляет по отношению к власти, в дореволюционной элите, в кругах интеллигенции не было.

После Перестройки, переросшей из демократической стадии, потом антикоммунистической в криминально-олигархическую, Россия понесла такие потери, что в полной мере мы не можем оце-

нить по сей день. Удар нанесли по интеллекту нации, её способности к самовоспроизводству. По данным известного социолога Наталии Римащевской, за проведение радикальных реформ в России в 1990-е гг. пришлось заплатить убылью населения примерно в 7–9 млн человек, что сравнимо с боевыми потерями в годы Великой Отечественной войны. Что же касается интеллекта нации, то, по разным подсчетам, из России выехало на Запад от 500 тысяч до 1 млн ученых и специалистов. При этом «победители» вели себя по отношению к собственному народу как завоеватели. Известный политик, дипломат и политолог Валентин Фалин говорил в интервью: «Никто из серьезных политиков в истории такие сложные механизмы, как государство, экономика, социальная сфера, подобным образом не реформировали. Разрушать – да, разрушали. Как правило, это делали завоеватели. Но изнутри реформы так не велись»¹. Большевики тоже репрессировали не только «эксплуататорские классы», но и непокорных «трудящихся», особенно крестьян. В сборнике «Из глубины» Бердяев писал: «Русская революция антинациональна по своему характеру, она превратила Россию в бездыханный труп»². Однако, оттеснив от власти «большевиков-интернационалистов», сталинская группировка под флагом борьбы за «светлое будущее» посредством мобилизационной модели развития и насилия в сжатые сроки осуществила в стране промышленный, культурный и научно-технический прорыв, создала мощный военный потенциал.

В 1990-е гг. под флагом неолиберализма и при участии американских советников многое из завоеванного несколькими поколениями россиян было пущено под откос. В результате по ряду важнейших параметров бытия мы оказались отброшенными далеко назад, заняв, в частности, по «индексу счастья» 172-е место из 178 стран. В экономике, как заметил председатель Совета директоров компаний «Тройка – диалог» Павел Теплухин, падение производства было сопоставимо с периодом Второй мировой войны.

Трагизм ситуации в том, что мы не только стоим на месте, но теряем то, что было завоевано в советские времена. Перед угрозой потери большой науки: никаких всемирно известных изобретений и открытий!

¹ Фигуры и лица. 1998. № 16. С. 10 (Приложение к Независимой газете).

² Бердяев Н. Души русской революции // Из глубины. Сб. ст. о рус. революции. М., 1990. С. 55.

После демократической революции конца 1980-х – начала 1990-х гг. ситуация стала несравнимо хуже, чем она была после Октябрьской революции. Тогда потери, связанные со сменой общественной системы, гражданской войной, гибелью и эмиграцией немалой части цвета нации, все-таки компенсировались за счет вовлечения в производственную, творческую и духовную жизнь наиболее деятельных и социально активных людей из крестьянства, составлявшего более 80 % населения. Это были выдающиеся хозяйственники, ученые, военачальники, деятели культуры. Ныне крестьянство превратилось в незначительное меньшинство населения и под воздействием практики и нравов «дикого капитализма» оказалось в глубочайшем кризисе.

И возникает острый как бритва вопрос. Что есть такого в нашей ментальности, психологии, миропонимании, короче, в архетипе, что, говоря словами Пушкина, «в поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам»? Думаю, не хватает нам *самопознания*... Если бы дореволюционная элита российская, как левая, так и правая, знала бы наш национальный характер и то, что сокрыто в нашем архетипе (коллективное бессознательное), не пришли бы к власти большевики, а если бы и пришли, то расставание с казарменным социализмом проходило бы совсем по другому сценарию. И Михаил Горбачёв вполне мог бы предвидеть, что процесс перестройки выйдет из-под контроля и обязательно появятся радикалы, которые в благодарность за «демократические перемены» сместят его самого с поста. Да и сама элита, едва ли не больше всех пострадавшая от гайдаровских реформ, заранее бы знала, что внуки большевиков-комиссаров, объявившие себя либералами-западниками, непременно станут заимствовать на Западе модель реформ и по-большевистски её насаждать. Догадаться, что заложенное в нашем характере стремление действовать от противного приведёт нас в итоге не к коммунизму, а вернёт назад – к капитализму в его варварской стадии.

Задолго до появления «Вех», в гнетущей общественной атмосфере Николаевской эпохи резко, в чём-то оскорбительно для национального самолюбия, прозвучал голос Петра Чаадаева: мы «растём, но не созреваем», принадлежим к народам, «которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют

лишь для того, чтобы преподать великий урок миру...»³. Обидно для русского национального сознания? Безусловно! Но Чаадаев был первым из русских мыслителей, кто разглядел черты бытия русского общества, которые тормозят его прогресс, отважился сказать об открыто. По Чаадаеву, развитие России идёт не по восходящей, а скорее по кривой линии, не приводящей к цели, и наш общественный процесс лишён преемственности, т. к. «прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда»; что «мы воспринимаем только совершенно готовые идеи»; что мы склонны «к слепому, поверхностному, очень часто бестолковому подражанию другим народам»... И что всё это «естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной»⁴. Живший в другую эпоху Николай Бердяев назовет это пробуждением самостоятельной, оригинальной русской мысли⁵. Самосознание же, подчёркивал Бердяев, предполагает самокритику и самообличение, должно способствовать самоочищению.

Первое «Философическое письмо» вызвало бурю в образованных слоях российского общества, породив два течения общественной мысли – *западничество* и *славянофильство*. Их появление и спор тот же Бердяев объяснял тем, что мы как страна и социум не дорожим прожитым, легко от него отказываемся, постоянно хватаемся за что-то новое, приходящее к нам из Европы, и вообще *как бы ходим по кругу*. Чаадаев увидел эту причину в культуре, заимствованной у европейцев. «Русский народ, – утверждал он, – по своей душевной структуре народ восточный. Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи... В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию»⁶. Теперь появилась еще одна Россия – постсоветская, совсем невнятная. Появление её Бердяев, как и Георгий Федотов, предвидел.

³ Чаадаев П. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 326.

⁴ Там же. С. 326–330.

⁵ Бердяев Н. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 71–72.

⁶ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1960. С. 1.

В поведении русского народа, по Бердяеву, огромную роль играет сложившийся в ходе частых смен типа цивилизаций особый архетип – коллективное бессознательное, а также православие. Тут и полярность мышления, отсутствие *срединной культуры*, и в то же время тяга к чему-то окончательному и абсолютному, идущее от православия. Между тем в природно-историческом процессе царит относительное и среднее. И потому русская жажда абсолютной свободы на практике слишком часто приводит к рабству, а русская жажда абсолютной любви – к вражде и ненависти⁷. Отсюда полярность в мыслях и действия от противоположного. Социализм не оправдал себя в глазах большинства, значит, давай капитализм, причем «самой главной» капиталистической страны – Америки. При наличии «средней культуры» мы бы, скорее всего, пошли по пути трансформации реального социализма в социал-демократическое общество, например, шведского образца. О том, что реальный социализм можно было бы «не разрушать до основания», а трансформировать, говорит опыт Китая. Как можно было бы остановиться и на Февральской революции 1917 года, которая открывала возможность более гармоничного развития, одновременно социализации и демократизации общества. Кстати, вестернизация так и не захватит народ, русский коммунизм по духу своему будет восточным. Русская интеллигенция не станет западной, сколько бы она ни клялась западными идеями и теориями. Что из этого следует?

Первое. В предреволюционный и революционный периоды политически активными выступают западники. Они и побеждают в революции. Это те же большевики-интернационалисты – практически вся «ленинская гвардия». Или нынешние либералы-демократы, которые реформировали страну по американской модели и образцу, при непосредственном участии американских советников. Для западников связь с Европой, Западом является органической, они охотно перенимают западные идеи и ценности. Однако их революционный пыл угасает, западники, будучи меньшинством народа, быстро теряют свои позиции.

Второе. На вопрос, кто мы, россияне, западники однозначно скажут: «Мы – европейцы!». Но далеко не все с этим согласятся. Хотя культура у нас действительно европейская. Роднит нас с европейцами и христианство. Уточним: *восточное христианство*.

⁷ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 32.

По объективным признакам и критериям русские скорее *евразийцы*, и дискутировать на этот счет беспредметно, да и чем плохо быть евразийцами? Тем более сейчас, когда страны Азии демонстрируют такой огромный прогресс. Наш максимализм и полярность мышления к добру не приводят. Мечтали о коммунизме, где свобода каждого есть условие свободы всех, а получили тиранический режим. Боролись за то, чтобы человек человеку был товарищем, другом и братом, и уничтожили едва ли не весь цвет русской нации. Какой же напрашивается вывод? Революции России противопоказаны. Наша непредсказуемость и «удаль» таковы, что в ходе революции мы, говоря фигурально, выбрасываем вместе с водой не только ребёнка, но и само корыто. И после каждой революции стоим у разбитого корыта. Надо надолго забыть само слово «революция». Бердяев-веховец эту мысль четко выразил. «Народу кажется, что он свободен в революциях, это – страшный самообман. Он – раб темных стихий... В революции не бывает и не может быть свободы, революция всегда враждебна духу свободы. В стихии революции темные силы всегда захлестывают человека...»⁸ «Все революции кончались реакциями. Это – неотвратимо. Это – закон. И чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее бывали реакции»⁹.

В то же время Бердяев считал, что если власть тиранит народ, если она превращается во зло, то у народа нет другого выхода, кроме как любыми путями покончить с этим злом. «Революция, – говорит, он, – имеет онтологический смысл. Смысл этот пессимистический, а не оптимистический. Обнаружение этого смысла направлено против тех, которые думают, что общество может бесконечно долго существовать мирно и спокойно, когда в нем накопились страшные яды, когда в нем царит зло и неправда... Трудно понять тех христиан, которые считают революцию недопустимой ввиду ее насилия и крови, и вместе с тем считают вполне допустимой и нравственно оправданной войну. Война совершает еще больше насилия и проливает еще больше крови»¹⁰.

Бердяев беспощадно обличал деспотизм российской власти. Сравнивая Ленина с Петром I, он писал: «Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерыв-

⁸ Бердяев Н. Философия неравенства. С. 26.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 197–108.

ность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации»¹¹. Если бы он дожил до нашего времени, то наверняка много нелюбезного сказал бы и о наших «преобразователях», многократно ограбивших народ и доведших страну до ручки.

Если не изменятся проводимый в последние годы экономический курс и социальная политика, то страна может пережить новый левый или какой-то другой поворот. И тут ни заклинания, ни закручивания гаек не помогут. Как не помогли они ни царедворцам, ни коммунистическим бонзам. Государственные перевороты готовятся, а революции происходят спонтанно. Умной политикой власти их можно предотвратить, но никто не в состоянии их отменить, если дело заходит слишком далеко.

---

¹¹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 12.

Сергей Королев

Пока народ безмолвствует

Что такое «Вехи»? Почему они взорвали интеллектуальную среду России в момент своего выхода в свет и почему они до сих пор читаемы и обсуждаемы? В чем их значение для современной России? Ответ, что это предвидение, предчувствие будущего, предостережение, пророчество – слишком общий и потому несколько поверхностный. Очевидно, что причины, по которым «Вехи» оказались в центре интеллектуальных споров сто лет назад, как и причины, по которым к ним постоянно возвращались после Октября 17-го и их притягательности для нас, живущих в постсоветской России, – различны. Как корпус текстов «Вехи» говорят о российском образованном классе, *интеллигенции*, обращаясь к нему же самому. Сам объект исследования, жестко анатомированный и препарированный, осужденный, пригвожденный и приговоренный, и стал главным читателем книги. И если читатель усматривал в аргументах и выводах авторов тенденциозность, то относил ее на свой счет.

И другая причина. Книга была воспринята значительной частью читающей публики как акт *отречения* от своих принципов, как акт измены, если не предательства. Назвав её актом либерального ренегатства, В.И. Ленин не так уж был и неправ. Предательство никого не оставляет равнодушным и будит эмоции невероятной силы. «Вехи» – не просто интеллектуальный вызов, а вызов изменивших и преступивших, что и поставило сборник в центр постреволюционной полемики. Ведь Иуда – самая известная и самая

обсуждаемая фигура в истории после Христа. Если не Иуда, так Петр... Понятно, почему «Вехи» были приняты в российской интеллектуальной среде именно так, как они были приняты.

Мне трудно согласиться с теми исследователями (их немало), которые полагают, что в общественных дискуссиях 1909 г. и последующих лет была утеряна моральная, философская составляющая «Вех», и якобы все свелось к политике. Нет, моральный подтекст был как раз на переднем плане; неприятие возможности и самого права на *отречение*, перейти из революционного лагеря охранительный лагерь было важным стимулом дискуссий, уже тогда очень политизированных. И для нас сегодня «Вехи» интересны и важны потому, что ставят ряд проблем, которые оказываются актуальными на всех поворотах российской истории. Так, «Вехи» первыми с такой глубиной определили проблемное поле, в котором с тех пор непрерывно приходилось определяться русским интеллигентам – и социалистам, и либералам, – и которое не можем игнорировать мы на излете 2000-х.

«Вехи» – это призыв *что-то делать и чего-то не делать*. Веховцы занимались тем же, чем занимались их идейные противники из радикального лагеря, – *проповедью*. Относили себя к «образованному классу», при этом отделяли себя от оппозиционной, для них антигосударственной и нерелигиозной, «интеллигенции», мало чем от последней отличаясь. И проповедь их была обращена не к власти, тогда обладавшей реальной возможностью что-то предпринять, а к радикальному – социалистическому и либеральному – сегменту «образованного класса». С призывом и требованием: *прекратите возбуждать народ*.

Что из ключевых расхождений русских либеральных мыслителей, начиная с Милюкова, с одной стороны, и веховцев, с другой, видится главным *сегодня*, а начале XXI в., когда проблема социальной позиции интеллигенции и характера ее проповеди самым порядком вещей отодвинулась на второй план, вместе с влиянием самой интеллигенции? Думаю, что это оценка *народа* как исторического субъекта и отношение к нему. Понятие «народ», конечно, неоднозначное. Веком назад под *народом* понималась нация, организованная в государство, и (или) «социальный член» *внутри* нации или государства, т. е. подчиненная масса, в противоположность господствующим классам общества (см. определение Н.А.Гредескула

из антивеховского сборника «Интеллигенция в России»¹). Веховцы и антивеховцы радикально расходились именно в понимании народа как *массы, противостоящей...*

После поражения первой русской революции, несмотря на вырванный у власти Манифест 17 октября, все политические силы, существующие в России, пытались осмыслить ее уроки. Пролитая кровь, как и эскалация насилия с обеих сторон, ни кого не смутила, как и позже, на протяжении всего XX в. И эсеры-бомбисты, и большевики, сделавшие ставку на агитацию среди промышленного пролетариата, «внесение социалистического сознания» в массы, исходили из того, что *крови еще будет*, как сказано в одном великом романе. Самоутверждение народных масс в революции породило у радикалов оптимизм, которого ранее не было. Большевики, например, публично признали, что недооценили революционные интенции крестьянства и тут же сделали свою аграрную программу более радикальной. Было ясно сказано, что эта революция – первая, но не последняя.

Либералы после первой русской революции также не утратили исторического оптимизма. Поражение *освободительного движения* представлялось им временным, а в чем-то и полезным, ибо народ отказался от безоглядной веры в абсолютизм. Соответственно, сохранилась перспектива устранения самодержавия, хотя либералы понимали, что разрушительные начала революции проявились намного отчетливее, чем созидательные².

Веховцев же революция побудила посмотреть на народ во многом по-новому, и увидеть в нем, помимо страдальца и носителя неких нравственных добродетелей, *темную и опасную стихию*. Они ощутили, что столкнулись с некоей не известной доселе силой, и с чувством близким к ужасу наблюдали, как на волне революционного движения, в их восприятии освободительного и демократического движения, высвобождается разрушительная энергия толпы, и на этой волне всплывают радикальные элементы, манипулирую-

¹ Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 231. Замечу, что, по большому историческому счету «Антивехами», знаком состоявшегося реванша либеральной интеллигенции стал отнюдь не сборник «Интеллигенция в России», а книга «Иного не дано», вышедшая спустя почти семьдесят лет, в 1988 г., в разгар горбачевской Перестройки.

² Там же. С. 243.

щие этой стихией. «Во времена кризисов, народных движений или даже просто общественного возбуждения крайние элементы у нас очень быстро овладевают всем...», – писал А.С.Изгоев³.

Этот феномен следовало объяснить, поскольку у многих участников «Вех» не вызывало сомнений, что народ духовно здоров, ибо религиозен. И утратить это историческое здоровье он может лишь под влиянием интеллигенции, поскольку та, разрушая *народную* религию, разлагает и народную душу, сдвигает ее с незыблемых доселе вековых оснований⁴ (С.Н.Булгаков). А разрушение в народе вековых религиозно-нравственных устоев освобождает в нем темные стихии, которых так много в русской истории⁵. Вина за это всецело возлагалась веховцами на политических искусителей и соблазнительей (подчас и провокаторов) – и снималась с народа, который вновь выступал *олицетворением страдательного начала в истории*.

Авторы сборника проследили выплески этой темной злой силы, начиная со Смуты начала XVII в., потом пугачевщину и вплоть до недавней революции 1905 г. Интеллигенция в контексте этой философско-исторической идеи парадоксально выглядела преемником казачества как социального элемента, способного возмутить и соблазнить народ, повести против государства народные низы⁶ (П.Б.Струве).

Получается, народ, в котором верх взяли темные инстинкты, исторически прав в своей ненависти к чуждой ему, предавший свои национальные и культурные традиции интеллигенции. И потому та вполне заслужила эту ненависть. Интеллигенты – это *человекоподобные чудовища без бога в душе*. Бессознательная ненависть к интеллигенции превозмогает в народе всякую корысть. «*Каковы мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»⁷ (М.О.Гершензон). Этот

³ Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. С. 207.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же. С. 79.

⁶ Там же. С. 136–138.

⁷ Там же. С. 101. Здесь Гершензон чрезвычайно близок С.Н.Булгакову. Часто говорят о том, что в «Вехах» изложены набор взглядов и точек зрения, часто противоречащих друг другу, так вот, тексты Булгакова и Гершензона, расположенные в сборнике один за другим, являются естественным продолжением и дополнением друг друга.

часто цитируемый пассаж из «Вех» – столь же часто трактуется не вполне корректно. Ведь речь шла не о ненависти веховцев к народу, а о *справедливости* его ненависти к интеллигенции. Откуда и вытекала веховская претензия к интеллигенции – требование вернуться к христианским началам и ценностям.

Другой концептуальный подход, представленный в «Вехах», исходит из того, что в народе, в силу особенностей российской истории и пережитых им страданий, заложены собственные мотивы и импульсы для антивластных действий, что они имманентны, и налицо драматическое, а может быть, даже катастрофическое слияние народных импульсов и интеллигентской проповеди.

Обе модели отношения к народу по-своему отражают реальность, отражая неоднозначность и неоднородность этого субъекта/объекта истории. В той же России была и масса народа, противостоящая любой революции, и масса, готовая погрузиться с головой в революционную стихию. Не случайно большевики смогли в 1917 г. оседлать революционную волну, а затем на протяжении десятилетий последовательно уничтожали собственный народ, прежде всего нереволюционное традиционалистское большинство. К примеру, то же русское крестьянство, которое в ходе сталинской «коллективизации» было практически ликвидировано; уничтожались и духовенство, усилиями которого обеспечивалось воспроизводство религиозного сознания в народе. Советская власть одинаково не любила и боялась и мужика с образом и мужика с обрезом.

И веховцы, и либералы выбирали стратегию, можно сказать, методом исключения, констатируя неприемлемость политического курса противоположного рода. Для прозревших экс-либералов из «Вех» неприемлема была революция, понимающая со дна темные силы и возбуждающая худшие инстинкты массы; для либералов неприемлемо было пассивное ожидание, растянутое на десятилетие моральное самосовершенствование, означавшее для них бесконечное «существование применительно к подлости», т. е. к не чувствующему страны и времени архаическому самодержавному режиму. Впрочем, никто не доказал, что оптимальная стратегия действительно была, что оптимальный путь, или хотя бы скольконибудь не катастрофический, вообще существовал, имея *такую* власть, *такой* народ и *такую* интеллигенцию.

В проблемном поле «Вех» вставал и другой вопрос: насколько политическая революция в России связана с революцией социальной и влечет ли одна за собой другую? Веховцы считали – да, неизбежно. И в итоге оказались правы, хотя эта правота стала очевидной отнюдь не в ходе полемики 1909–1910 гг. Но важно то, что в контексте тогдашних дискуссий социальная революция связывалась с народом, а политическая – с амбициями и ценностями радикальной интеллигенции. Соединение этих двух социальных сил неизбежно, и отчасти это произошло уже в 1905–1907 гг., а в полной мере в 1917 г. и позже. «Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершилась с ошеломляющей быстротой»⁸, – писал в «Вехах» П.Б.Струве.

Эта констатация сильно подтачивает дискурс Булгакова о религиозном народе, собственная душа которого якобы чиста и не замутнена, хотя и искажается вредоносными влияниями извне. Нет, у народа есть некие собственные интенции, свои интересы и ценности, которые определенным образом проявляются в кризисные для государства моменты. Вот почему выход на историческую арену морально несовершенного, недовоспитанного народа – страшен и опасен.

Авторы «Вех», во всяком случае, те из них, кто проклинал народопоклонство радикалов и либералов и предрекал всплески худшего, темного, страшного в русском народе в критические моменты истории отечества, оказались правы и здесь. Сегодня, в конце первого десятилетия XXI в., ситуация во многом сходная – разочарование результатами либеральных реформ является едва ли не всеобщим, итоги 1990-х, по сути новой, уже антикоммунистической, социальной революции, последовавшей за политической революцией 1991–1993 гг., кажутся массе населения и значительным сегментам российского «образованного класса» неутешительными. Отсюда депрессия, апатия, ощущение тупика и отсутствия перспектив. Да и расклад базовых общественных сил примерно тот же, что в конце первого десятилетия века минувшего: власть со всем набором авторитарных антидемократических интенций и практик (правда, протестантов сегодня встречают не солдаты с винтовками наперевес, как 9 января 1905 г., а ОМОН) и народ,

⁸ Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. С. 148.

по-прежнему в значительной степени косный, пропитанный уже много, советского типа традиционализмом; наконец, узкий слой гуманитарной интеллигенции («образованный класс»), зажатый между этими двумя полюсами, как между молотом и наковальней. И снова все прежние вопросы – в полный рост.

В первую очередь, извечная и кошмарная проблема либералов: как примирить стремление к демократии, которая, при всех современных усовершенствованиях, при гарантиях прав меньшинств, означает приоритет мнения и позиции большинства, – и совершенно не демократические интенции большинства народа? Косного, консервативного, традиционалистского большинства, в оценке покойного А.С.Ахизера: алчущего не столько власти закона и «прав человека», сколько порядка. Массы, ментальность и ценности которых, будучи спроецированы в политику, породили феномен, который Глеб Павловский еще в начале 2000 г., накануне президентских выборов, назвал «путинским большинством»?

Что будет означать для России устранение авторитарного режима и проведение свободных выборов? Окончательный триумф «освободительного движения», о котором мечтала еще первая волна русских либералов, и интеграцию в пространство западной цивилизации? Или траектория вынесет наверх, на волне народной поддержки, еще более ригидные и консервативные, чем нынешняя власть, силы, сторонников уже не «мягкого», а весьма жесткого авторитаризма, крайне правых, крайне левых, националистов наконец? И все мы лишний раз убедимся в том, что власть, нынешняя власть, если и не единственный европеец в России, как говорил о том Пушкин, то, во всяком случае, куда больший европеец, нежели основная масса населения?

Плюс силы советского реванша. Это тоже традиционализм, но очень специфический, синтетический, гибридный, соединивший интенции дореволюционного русского крестьянина – и сознание советского пролетария, т. е. того же крестьянина, но выброшенного в город и урбанизирующегося. Теперь уже пропитанного стереотипами советской коллективистской идеологии.

В 1991-м стихия казалась контролируемой и управляемой. Хотя жители элитных домов и кварталов, населенных партийной и советской номенклатурой, всерьез опасались эксцессов. В сущности, 1991-й воспроизвел в России тип революции, которая до того, в

Восточной Европе, именовалась «бархатной», а после, на постсоветском пространстве, – «оранжевой», «революцией роз» и т. п. Да, последняя попытка советского реванша (октябрь 1993 г.) не прошла, хотя его (реванша) пресечение приняло одиозные и трагические формы. Августовская революция 1991 г., «Февраль» поколения перестройки, не завершилась «Октябрем» (в кавычках и без оных, с заглавной буквы и со строчной) 1993-го. Но это никак не дискредитирует определенную модель развития политической ситуации и свойственный ей тип политической динамики и никоим образом не аннигилирует те силы, которые являются в контексте этой модели потенциальными субъектами исторического действия.

Сегодня, как и сто лет назад, либеральные политики уклоняются от рассмотрения *проблемы народа*: народ, как и жена Цезаря, должен быть вне подозрений и критики. Власть боится своего народа, говорят они, и в этом все дело; миф о том, что через механизм свободных выборов к власти придут националисты, не более чем миф; пустите нас в телевизор, позиция народа изменится... Возможно, изменится, возможно, и нет. Или изменится, но совсем не в ту сторону, в какую хотелось бы либералам, – кто может знать? Но история кое-чему нас учит, и кое о чем свидетельствует. Подъем темной, зловещей стихии на волне деградации власти и революции – это то, что уже не раз бывало в России, последний пример, как помним, был в 1993 г. И чем ход событий завершится – вопрос открытый.

Но, заметим, что некоторые из поставленных веховцами проблем парадоксальным образом переформулировались. Например, актуальным стал вопрос: связана ли *модернизация* с политической революцией? Или, скажем иначе, осуществима ли она *без и вне* демонтажа авторитарного политического режима? Жизненным стал и вопрос о том, как сдерживать возможный всплеск неконтролируемой массовой гиперактивности и каким способом можно осуществить выход народа из состояния апатии, в которой он пребывает после возбуждений на рубеже 80–90-х прошлого века? Видимо, веховцы были правы в том, что движение по пути прогресса должно идти параллельно с просвещением масс и личным моральным совершенствованием. Но в веховском варианте курс на моральное (само)совершенствование означал уклонение от политической борьбы, от сопротивления абсолютизму жесткими методами, от-

каз от революции в обозримой исторической перспективе. А бесконечно долгое существование «применительно к подлости», как уже было сказано, никак не может быть моральным и, следовательно, девальвирует саму идею морального совершенствования. Круг, таким образом, замыкается.

К тому же этот вектор просвещения народа, просвещения в самом широком смысле слова, адекватном XXI в. и формирующемуся информационному обществу, противоречит вектору выживания авторитарной власти. Никто не собирается собственными руками осуществлять эрозию «путинского большинства» и ему подобных социальных констелляций. Напротив, власть стремится консолидировать подобного рода множества с помощью механизмов социокультурного воздействия на население, начиная с громких политических пиар-акций и заканчивая убогим, сочетающим ложь с гламурной шелухой, телевидением.

Но это только половина правды. Ведь и сама власть уже не та, что сто лет назад. Не тупая, самодовольная, не чувствующая очевидных сдвигов в обществе, живущая по принципу: «Господь не попустит». Нынешняя власть не только реактивна, она *предельно реактивна*. Она непрерывно профилактирует. И действия политических оппонентов, и возможные возмущения народа. От всплесков возмущения в период «монетизации льгот» до болевых точек уже во время современного кризиса, типа Пикалева или ВАЗа. Власть опасается народа и не хочет с ним связываться. У нее все хорошо, финансовые потоки под контролем, полным и безраздельным, и лучше отдать часть, поделиться, как принято сейчас говорить, чем рисковать всем. Это, согласитесь, уже не ментальность Николая II и придворной камарильи. Народа власть боится куда больше, чем самой радикальной интеллигенции. Власть создала достаточно эффективный (пока) авторитарный механизм предупреждения эксцессов, а по сути выходов на *политическую революцию*, если вспомнить популярную в прошлом веке терминологию.

Народ тоже иной. Сохранив присущий ему традиционализм, он в то же время обрел утилитаризм и прагматизм. По сути, это народ-потребитель. Сегодня ему не столько есть, что терять, сколько есть, что приобретать. Смешно называть это гедонизмом, как делали и делают некоторые пуристы, но потребительские ценности действительно глубоко вошли, въелись в сознание большин-

ства населения. Народ фактически заключил общественный договор с властью: «повышение уровня жизни («масло») в обмен на свободу». Надо заметить, речь идет о народе, который стал куда как менее религиозным, какие бы цифры ни давали нам социологические опросы.

Наконец, интеллигенция в ее взаимоотношениях с властью. Жаловаться на интеллигенцию вряд ли есть смысл. Она сегодня, как и было в России всегда, *такая*, помимо всего прочего, еще и потому, что в России *такая* власть. И что пока власть – *такая*, интеллигенция не может быть иной. В тексте «Вех» можно обнаружить нотки благодарности авторов к власти. Не только за Манифест 17 октября, или за то, что она в годину потрясений оградила «образованный класс» от стихии народного бунта, в чем откровенно признался Гершензон. Нет, было здесь и традиционное интеллигентское сочувствие *тому-кто-страдает*, а власть в известной мере тоже пострадала, поскольку была *терроризирована*⁹. Сегодня сочувствие и благодарность интеллигенции к власти проистекают не из страха перед народом. Просто таково самоощущение узкой прослойки конформированной, прикормленной властью политизированной гуманитарной интеллигенции, по сути, сросшейся с властью в некоем симбиотическом “политическом классе”.

Полагаю, что в России начала XXI в. **есть интеллигенция в любом смысле этого слова**, в том числе и в прежнем, традиционном, какой имело это понятие на протяжении многих десятилетий, начиная с Белинского и Чернышевского, вплоть до развенчивающих *эту* интеллигенцию веховцев. Интеллигенция, сопротивляющаяся и так или иначе противостоящая авторитарной власти. Например, радикальная: достаточно вспомнить «Марши несогласных». Есть интеллигенция либеральная – правозащитники, часть писателей, публицистов, журналистов. Где-то эти две группы пересекаются, перетекают одна в другую. И есть новые веховцы. Хотя этот сектор структурируется своеобразно. Критерием становится уже не отношение к революции (какая революция в начале XXI в.?!) и даже не отношение к народу, а отношение к либерализму и реформам 1990-х. Среди тех, кого можно соотнести с традицией «Вех», есть представители чисто религиозного направления, ищущие вдохновение в идеях Святой Руси и Третьего Рима (В.В.Аксюцич). Есть

⁹ Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. С. 149.

народопоклоннический вектор, открыто консервативный и очень активный (я бы назвал покойного А.С.Панарина). Наконец, есть тенденция откровенно охранительная (достаточно упомяну здесь лишь одну характерную фигуру Г.О.Павловского).

Все названные интеллектуальные акторы, как и не названные, так или иначе осуществили «либеральный транзит», побывали “в либералах”, диссидентах, всеми ими в советское время интересовались определенные органы и организации, всех их запугивали, многие стояли в рядах борцов с августовским путчем 1991 г. Сегодня же все они, в традициях «веховской» интеллигенции, находятся в жесткой оппозиции к либералам, манифестируют свою неприязнь к «ельцинизму», демонстрируя свою позицию с экрана телевизора.

Но мы находимся и живем в XXI в. – так что сегодня и радикальная оппозиция, мечтающая о том, что сто лет назад называли *политической революцией*, и коммунисты, грезящие о *социальной революции* социалистического типа, о национализации и деприватизации, и либералы, для которых важны права человека, свобода слова, снятие бюрократических препон бизнесу, уничтожение коррупции, и сама авторитарная, коррумпированная власть апеллируют к принципам, нормам и процедурам демократии и борются за понимание и поддержку того самого народа, фиксируя свою приверженность, хотя бы формальную, этим ценностям и принципам.

А народ, по большому историческому счету, безмолвствует. И кто-то, стоящий над политикой, выше политики и в силу этого не зависящий от народных симпатий и антипатий, и другие, озабоченные судьбой страны, должны ответить на вековые вопросы с позиции ученых, а не пропагандистов или пиарщиков, сказав правду о современной России, в том числе и правду народу о самом себе. Либо просто поставить проблему так же открыто и искренне, как это сделали семь русских писателей – интеллигентов сто лет назад.

Владимир Шевченко

Непреодолимая матрица

Как нашей стране встать на путь динамичного устойчивого развития в XXI в. – вот что для мыслящей части российского общества является самой мучительной проблемой. В послании Президента Д.А.Медведева Федеральному Собранию (ноябрь 2009 г.) сказано о том, что стране в XXI в. **вновь необходима всесторонняя модернизация**. Отклики на его выступление показали, что россияне тоже озабочены неблагополучием своей страны, ищут выход из тупика, в котором оказалась экономика и общество в целом. Одни считают, что Россию на путь устойчивого развития выведет новая идеология и новый общественный проект, другие настроены категорически против любых новых идеологий и проектов. Между тем партия власти – «Единая Россия» на своем съезде полностью поддержала программу модернизации президента и взяла на себя ответственность за её реализацию, объявив в качестве идеологии модернизации *российский консерватизм*. Хорошо бы выяснить её идеологическое снаряжение и сопровождение.

Начнем с того, что идеология российского консерватизма явно и неявно уже ряд лет активно насаждается подконтрольными власти СМИ. Да и вся атмосфера повседневной жизни пропитана одномерной и плоской либерально-консервативной фразеологией, самоутверждением своих главных ценностей – *устойчивости и стабильности*. Одна фраза о россиянах – *свободных людях, живущих в свободной стране*, – чего стоит! Но в нашей тусклой и спящей атмосфере провозглашенная свобода кажется таким же оди-

озным словечком, как и демократия. Многочисленная либерально-консервативная рать рьяно защищает и пропагандирует некие отвлеченные идеи. Мечтать, конечно, не вредно. Но хорошо бы и помнить, что либеральный консерватизм в прежней, имперской, России потерпел очевидное поражение, притом в силу серьезных исторических причин, а не чьих-то козней.

Во вступлении к дискуссии В.Толстых сказал, что именно общество «заказывает» тот или иной тип государственности, и это является фактором базисным и первичным. Это с какой стороны посмотреть. Вот в 1980-х общество попыталось выбрать новую модель государства, взамен устаревшей советской модели, а результатом стал распад СССР, на месте которой воцарилась самодержавная анархия «по-ельцински». Правда, «сработал» инстинкт самосохранения: чтобы избежать нового, теперь уже точно последнего распада России, началась энергичная сборка новой формы государства, по «матрице» сложившейся исторически российской государственности. Так могла ли при таком повороте и обороте событий Россия стать нормальной капиталистической страной – с буржуазией у власти и буржуазным парламентом? Одним словом, осуществить проект «Модерна»? Разумеется, нет. И способна ли она сегодня реализовать этот проект? Тоже нет. Потому-то и востребован либерал-консерватизм как альтернативная идея, якобы ради осуществления российской версии капитализма. Ведь консерватизм как совокупность взглядов изначально есть нечто национальное по своему содержанию, в отличие от либерализма или научного социализма, изначально претендующих на универсальную значимость и применимость.

Идея либерально-консервативного государства сегодня актуальна, но напрасно ее идеологи пытаются присвоить себе право на единственно верную интерпретацию исторических особенностей российского государства, его «матрицы». Имеется в виду высокоцентрализованная государственная власть с явными авторитарными чертами. Такое государство можно назвать империей и без отрицательных оттенков придать ей нейтральный смысл. Главные черты такого государства – наличие в нем первого лица (царь, император, генеральный секретарь, президент), определяющего основные направления внешней и внутренней политики страны. Что мы имеем сегодня и фактически и согласно конституции.

Авторитарное правление предполагает весьма жесткие ограничения в политической жизни. Нужно бороться за места депутатов Госдумы, с весьма незначительным объемом полномочий. И 100 лет назад, и сейчас этот объем примерно одинаковый. Здесь не должно быть никаких демократических иллюзий: правление предполагает раздаточный тип экономики со встроенными элементами рыночной экономики, предполагает наличие государственной собственности, чтобы возместить отсутствие единого экономического пространства. Предполагается активное участие государства в регулировании экономической жизни, в частности, создание мощного реального сектора экономики, жесткое контролирование базовых отраслей производства, объема инвестиций, борьба против глубоких различий в уровнях экономического и социального развития между центром и регионами, и многое другое. Среди других черт следует назвать совершенно особую роль бюрократии в управлении страной, неизбежность патерналистских функций у государства, ответственного за решение демографических проблем. Но это в теории.

А в реальной жизни складывается ситуация, которая, в общем-то, пагубна для либерально-консервативной идеи, её реализации. Складывается ситуация, удивительно похожая на ситуацию времен «Вех». Губителем либерального консерватизма окажется сам российский консерватизм, созданный идеологами «Единой России». Реально царит то, что раньше называлось истинным, официальным (охранительным) консерватизмом времен Николая I, Александра III, Николая II. Основное кредо – менять, ничего не меняя. Упор делается на сохранение имеющихся устоев и приспособление их к меняющимся реалиям. Входят в моду взгляды К.Н.Леонтьева, идеологов «официальной народности» М.П.Погодина, С.П.Шевырева, особенно К.П.Победоносцева и М.А.Тихомирова.

Российский консерватизм «Единой России» многое позаимствовал из философии *охранительного консерватизма*, правда, в упрощенной и невыразительной форме. Ведь он призван отражать ситуацию, сложившуюся сегодня в российском обществе, и камуфлировать реальную ситуацию в обществе. Своего рода гламур для тех, кто им увлекается и живет по его подсказкам. Больше всего это касается прокламирования свобод, как в малом и среднем

бизнесе, так и в политической, судебной и правовой сферах. О господстве закона говорить не приходится, поскольку он не касается самих властей, их детей и родственников. Сословный характер современного общества приобретает все более откровенный характер и уродливые формы. Если либеральный консерватизм в чем-то и реализуется, то помимо осознанного стремления к нему. Можно с пониманием отнестись к суждению президентского Послания, скажем, насчет унижительной зависимости страны от сырьевого экспорта, о состоянии её хронической отсталости. Есть пожелания и поручения. Но нет стратегически выверенных целей, и неизвестно, появятся ли они вообще.

Судьба российского государства неоднократно в решающие моменты истории определялась позицией высшего слоя чиновничества. Один из видных либеральных консерваторов К.Д.Кавелин писал еще во времена Александра II: «Администрация, во имя царской власти, заслонила и оттеснила эту самую власть на второй план и взяла самодержавие в свои руки». И предупреждал, что «для самовластия камарильи в России конституция на европейский лад была бы сущим кладом. Она сохранила бы всю административную власть нераздельно в своих руках». Глядел как в воду этот настоящий консерватор. Что происходит *на самом деле*?

Либеральный консерватизм выступает «за» укрощение своеволия и безответственности чиновничества, значит, заинтересован в реальной силе правовых институтов. Но фактическая власть в стране принадлежит ей же, бюрократии, и она направляет социальное недовольство и гнев народа против собственников – мелких, средних и крупных. Государство тут как бы не причем. Оно лишь спасает народ в кризисных ситуациях, вроде той, что проявилась в Пикалево, и народ... должен благодарить своих благодетелей за то, что они кого-то одернули.

Суть проблемы в том, что государство ушло из сферы экономики, и это привело к полному развалу реального сектора экономики, в чем и состоит огромная вина государственной бюрократии и государства перед страной и народом. Можно и нужно придать деятельности бизнеса правильное направление, как и поступают во всех европейских странах. Не надо забывать, что две социальные катастрофы, имевшие место в России в XX в., были подготовлены именно эгоистическими интересами имперской и партийно-

советской бюрократией (номенклатурой). И потому удивляет, как все эти годы государство спокойно сносило требования к нему окончательно уйти из экономики, а между тем количество чиновников в стране росло невиданными ранее темпами.

Что призвана делать интеллигенция в такой ситуации и странной реальности? Сейчас ее почти не видно и не слышно. Те, кого причисляют к ней, сами не хотят ею быть, т. е. думать, переживать «за других». А другие ведут себя в согласии именно с заветами «Вех». Помогают власти, охотно продают свои услуги на рынке, либо, в лучшем случае, занимаются самосовершенствованием. В сфере массовой культуры и потребления утрачены нравственные критерии и пределы. Дозволено все, кроме потребности и стремления формировать и возвышать человека. Миллионы граждан ежедневно, ночью и днем, отучают отличать добро от зла, возвышенное от низкого, рациональность от цинизма и т. д. Все свалено в одну «постмодернистскую» помойку, лишённую вкуса и совести.

Так за что же сражается так называемая либеральная интеллигенция? Для нее традиционные, *державные* основы российского государства – это несомненное зло, и проблема в том, как от них избавиться. Они тупо требуют европейской демократии, мечтают о парламентской республике. Зная, что ничего хорошего эта перспектива стране не сулит: без европейского капитализма не может быть и европейской парламентской республики. В России же возможен лишь *зависимый, полуколониальный капитализм*. Недаром до сих пор популярны в либеральной среде идеи *внешнего* или *ручного управления*. Нынешняя власть настойчиво добивается дружеских отношений с Евросоюзом, подчеркивая, что мы есть часть Европы, и у нас-де с Европой общие ценности.

Главная причина поражения либерального консерватизма состояла в том, что консерватизм предполагает медленные изменения в обществе, которое предстает в виде сложной органической системы. Когда же общество встает на путь ускоренной модернизации, либеральный консерватизм оказывается беспомощным. И сегодня в стране складывается примерно та же самая ситуация, которая имела место в стране сто, сто пятьдесят лет назад. Нужна именно ускоренная модернизация, но нынешний российский консерватизм не способен внятно сказать, как и какими силами ее реально осуществить. Одной надежды на рыночные механизмы,

вкупе с отказом от регулирующей роли государства в экономике, совершенно недостаточно. Особенно в ситуации, когда экономика становится все более открытой и несамостоятельной. К тому же реальная власть в стране принадлежит бюрократии, а она озабочена, прежде всего, собственными эгоистическими интересами. Высшее чиновничество продолжает выводить капиталы из страны, покупать чужие акции и чужую недвижимость. Складывается впечатление, что она сама не очень-то верит в будущее России.

Сегодня во всем мире популярна левая идея, которая ставит на первое место не доходы олигархов и не защиту их государством, а социальную защиту граждан, создание достойной жизни для каждого человека, создание общества социальной справедливости. Между тем наше государство, желая стать арбитром между левыми (социалистами) и правыми (либералами), воспроизводит линию бонапартистского лавирования, какой некогда придерживался Керенский, а позднее Горбачев. Но быть или не быть социальным потрясениям в стране зависит от того, сумеет ли верховная централизованная власть *соединить на практике либеральную идею свободы и социальную идею справедливости*. Вопрос этот не решен даже чисто идеологически. Беда нынешнего «российского консерватизма» состоит в том, что его идеологические построения вторичны, в них все заимствовано: и левые идеи, и правые. Консерватизм, по мнению одного английского теоретика, это своеобразный идеологический хамелеон, поскольку его облик зависит от природы его врага. Воззрения консерватизма складывались и эволюционировали большей частью в качестве ответной реакции на изменения в противостоящих ему идейно-политических течениях. Как показывает история, в идейном плане консерватизм носил и носит вторичный характер по отношению к либерализму, к другим формам буржуазного реформизма и социал-демократии. Можно привести массу примеров, как та же «Единая Россия» беззастенчиво перенимает лозунги, идеи, конкретные постановки задач у оппозиционных партий.

Безусловно, российское общество заинтересовано в динамичной эволюции и ускоренной модернизации. Но для реализации этой цели нужны мощная стратегия и политическая воля. Консерватизм как идеология в принципе не признает и не имеет идеала совершенного общественного строя (нет обращенной в будущее консерватив-

ной утопии). Консерватизм хочет сохранить все хорошее и исправить или избавиться от всего плохого. Формирующийся отсталый, почти колониальный капитализм не породит солидарного общества и не сблизит основную массу населения с государством и властью.

Мир стремительно меняется, и потому модернизация на консервативной основе будет вести к дальнейшему отставанию страны от развитых капиталистических стран, следовательно, к обострению всех социальных конфликтов в обществе, если только само общество не возжелает стать надежным сырьевым придатком запада, европейской кочегаркой. Вот в этом случае, как и сто лет назад, устройство страны, ставшей сырьевой полуколонией, запросто может быть реализовано на самодержавно-православной государственной основе. Мы к этому стремимся?

Высокий уровень централизации власти и авторитарность полномочий первого лица – привилегия не одного лишь консерватизма. Да, это матрица российской государственности, и она не преодолима. Что дальше? В нашей истории не раз приходилось искать баланс между самовластными устремлениями государства и идеей общего блага, ради претворения в жизнь исторически сложившихся представлений о нравственности, праве, социальной справедливости. Вот где призвана и обязана сыграть большую роль интеллигенция как публичная гражданская совесть, составляющая духовно-нравственное ядро российского общества и народа. Сегодня ей явно не хватает развитой гражданственности. Когда люди, причисляющие себя к интеллигенции, начинают самоотверженно и эффективно работать в различных институтах гражданского общества, снимается острота противопоставления власти и интеллигенции, особенно развившаяся в «веховской» России.

Суть гражданской позиции – не просто участие в разговорах в судьбах Российского государства, отстаивание права участвовать в выработке целей развития государства, в практической работе по их реализации. Конечно, гражданское общество не спасает ни от эксплуатации, ни от бедности, поскольку формальное равенство перед законом не имеет прямого отношения к проблеме социальной справедливости. Чтобы принятые законы выполнялись гражданами России, они должны быть справедливыми по своему существу. Такова давняя установка и позиция русских философов и ученых. Ныне справедливость и закон – понятия почти не пересекающиеся.

Как ни странно, сегодня нужна новая социалистическая перспектива для страны, новый социалистический Общественный Проект. Его основу составят идеи справедливости и общего блага. Главным субъектом ее реализации рано или поздно вновь станет государство, а интеллигенции предстоит донести и до власти, и до народа подлинный смысл идей *нового социализма*. Ибо капитализм как мировая экономическая и общественная система в его нынешней форме исторически себя изжил. Новый социализм должен противопоставить капитализму перспективу развития единого сообщества Европы и России в горизонте социалистической перспективы. При этом новый социализм вовсе не отрицает европейских либеральных ценностей – свободы, индивидуальной самостоятельности и ответственности личности. Как только полевует Россия и левые идеи станут в какой-то значимой степени определять приоритеты власти в стране, новый всплеск левого, социал-демократического, социалистического движения в Западной Европе, наполовину или на четверть уже социалистической, неизбежен.

Современный интеллектуальный социализм утверждает, что борьба за социализм – это борьба за знания, культуру, образование, за человеческую духовность и гуманистические ценности. Сюда-то и перемещается основной фокус в борьбе за социализм.

Мы были, мы будем

Никакой, кажется, социальный слой не расходовал столько умственных сил, времени и бумаги на размышления и рассуждения о собственной судьбе и своем значении в истории, как наша родная интеллигенция. Началось это давно, с неукротимого Аввакума, прошло ступени дерзкого Радищева и таинственного Чаадаева, отразилось в зеркалах Грибоедова и Гоголя, сверкнуло искрой декабристов, лирично отозвалось в творчестве Тургенева, презрительно – Щедрина и т. д., вплоть до иронии Блока и издевки Ильфа–Петрова, чье восприятие данного явления через образ Васисуалия Лоханкина сильно повлияло на мое поколение.

С легкой руки Достоевского в интеллигентской среде вращается, на первый взгляд, легковесная формула: Пушкин – **это наше все**... Если же взглянуть в нее пристально и немного подумать, можно ощутить некую концепцию. «Наше все», представленное типичными персонажами, оказывается емкой характеристикой различных течений, направлений, группировок, кружков и лиц. Мы знаем, что Пушкин не был «нашим всем» при жизни и сразу после гибели, – факт увоза гроба с его телом из столицы на кладбище дальнего монастыря известен каждому школьнику, – да и теперь Пушкин «наше все» далеко не для всех граждан. На роль «нашего всего» при памяти живых пробовали себя, к примеру, Хрущев и Горбачев, но оставили в ней что-то вроде мокрого пятна. Была попытка всунуть россиянам как «наше все» того же Достоевского, «прописав» памятник ему на паперти Ленинской библиотеки. Но,

думается, сей нервный монумент так и останется труднообъяснимым феноменом «перестройки». Изображение «нашим всем» Солженицына носило весьма экспансивный характер, но в нем не доставало осмысленного милосердия и чувства современности: мстительный пафос живописания ГУЛАГа не мог перекрыть светлого пафоса социалистической стройки и подвига в Отечественной войне. Как «наше все» для меня бесспорен «первый наш университет» Ломоносов – и странно, что он не занял «призового» места в поиске «имени России». Психология частного собственника и обиженного мещанина отторгает образы тех, кто вывел Отечество на вершину мирового влияния, Ленина и Сталина (а ведь крупнее кандидатов в «наше все» в XX в. нет). Первый особенно неудобен правящему классу и церкви своим необозримым интеллектом и целеустремленностью, второй, верный ученик первого, – уникальной волей, работоспособностью, искусством управлять. Оба не оставили родне ни вилл, ни бриллиантов, ушли из жизни в глазах масс в ранге победителей-бессребреников, в ореоле всенародного обожания, став в то же время, каждый по-своему, жертвами «узкого круга ограниченных людей». Сколь, однако, многообразна палитра **выбора себя** Россией! Выбора, который, начавшись века назад, вроде бы и не кончается. Интеллигенция, которая жаждет слыть олицетворением всего лучшего в нации, все еще «взыскует». «Темный», или «простой», народ все больше помалкивает, поминая то «железного» Сталина, то «псевдоним» его Александром Невским по роли, сыгранной в знаменитом фильме Николаем Черкасовым. По-прежнему звучит над степями Приднепровья и Поволжья, тайгой и тундрами Сибири тихий голос «украинца» Гоголя: «Велико незнание России посреди России».

* * *

Слово «веха», согласно академическому «Словарю церковнославянского и русского языка» 1847 г., обозначает «высокий шест, ставимый с каким-нибудь значком на твердой земле и с флагом на море, для показания проезда на сухом пути или опасных мест на воде». Название же сборника «Вехи» содержит обещание обозначить опорные точки движения Отечества вперед после поражения

первой русской революции 1905–1907 гг. Но обещания этого, на мой взгляд, не оправдывает, ибо «высоким шестом с флагом» не выглядит. Ленин аттестовал это изделие *энциклопедией либерального ренегатства*, выделив три основные темы: 1) борьба с идейными основаниями всего мирозерцания русской (и международной) демократии; 2) отречение от освободительного движения недавних лет и обливание его помоями; 3) открытое провозглашение своих «ливрейных» чувств (и соответствующей «ливрейной» политики) по отношению к октябристской (сторонницы царского манифеста 17 октября 1905 г. – *Р.К.*) буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще. И первое, что, перечитав этот пассаж теперь, я про себя произнес: *Боже, как похоже!*

Можно быть и последователем-почитателем «большевика номер один», и его хулителем-антагонистом, однако в здравом уме нельзя не согласиться с тем, что в идейно-политических процессах 1980–1990-х гг. во многом повторились эти же, подмеченные сто лет назад черты. «С точностью до наоборот» опять *перевернута* мировоззренческая парадигма общества. Единственным прочным ее основанием возглашается лишь православие (т. е. откат, минуя Просвещение и Возрождение, современные естественные и общественные науки, на тысячу лет в прошлое), да еще вполголоса (учитывая значительность азиатской доли россиян) – мусульманство. Диалектической логики Гегеля–Маркса, гранившей и пестовавшей лучшие умы человечества последних двух столетий, как не бывало. Политической экономии Смита и Рикардо, Маркса и Энгельса – тоже. Утопический и научный социализм, представленный чередой бескорыстных гигантов общественной мысли, как бы и не существовал. Везде черные клобуки и рясы, да суетящиеся обыватели, заменившие тяжелую марксистскую школу облегченными курсами по обучению умению креститься и класть поклоны, держать свечку не в правой, а в левой руке. Духовность громко провозглашается с амвонов, но только церковная, а не светская. Куда она, бедная, подевалась со всей массой гуманистической философии и культуры, никто объяснить не может, как и поведать цивилизованному индивиду XXI в., что такое духовность вообще. Не в бровь, а в глаз бьет интеллигентскую общественность краткий диагноз, данный в ходе нашей дискуссии Аллой Глинчиковой – *самостерилизация*. Так нынче обстоит дело с первой из названных Лениным «веховских» тем.

Вторая тема представлена в нынешней публицистике и «новорусской» науке не менее пышной «беленой-дурманом». Отречение от освободительного движения на нескольких лет и обливание его столетиями помоями (не пощадив Спартака, Кромвеля, Разина, Робеспьера) стало визитной карточкой «демократов» 1990-х годов, ссылающихся, в свою очередь, на диссидентов 1960-х. Бесстыдно шельмуется как род сумасшествия жертвенное служение Отчизне и свободе в писаниях о Зое Космодемьянской и Александре Матросове, ищут оправдания всему подлому – от бегства Андрея Курбского до сдачи Андрея Власова, от прогитлеризма Льва Троцкого до антибольшевизма Александра Яковлева. Самое невинное проявление такого рода «поиска» – это попытки задним числом обелить Сальери (хотя в отравлении Моцарта, говорят, в состоянии полубезумия он в конце жизни признавался сам). Это ли не признак заинтересованности кого-то в том, чтобы продолжать гнать без особого разбора «реабилитаторскую» волну... А послевоксусие декадентства, переименованное в «Серебряный век», с его в общем-то средними вершинками, что не заслонило поистине алмазные высоты соединения критического реализма с революционным романтизмом творчестве Блока и Горького, Маяковского и Шолохова, Есенина и Багрицкого, Толстого («третьего») и Твардовского?! Не есть ли это выпад и криминал против культуры в целом?

Что касается «ливрейных» (лакейских) чувств, вдруг проявленных нашими современниками, то явились поистине чудеса. Ельцину предлагали примерить на себя шапку Мономаха, когда он сам чуть не польстился местом регента к юному Георгию, которому помешала претендовать на трон Романовых его одновременная принадлежность к Дому Гогенцоллернов. Пишу не понаслышке. С тремя претендентами на царство (с Николаем Третьим, Павлом и Алексеем Вторыми) был лично знаком и получил предложение графского и княжеского титулов и даже зван в призрачный кабинет министров. Появилось и Дворянское Собрание... Чего только не пришлось повидать в забубенистых 1990-х, и всё это «выкамаривала» наша достославная интеллигенция, получившая в советские годы приличное (и по отечественным, и по западным меркам), к тому же бесплатное, высшее образование.

Характеризуя сборник как антитезу русскому освободительному движению, Ленин, естественно, не мог знать, что в будущем появится нечто подобное, вроде «прогерманского горбизма» и «проамериканского ельцинизма». То же самое, но с куда большим размахом, замесью покруче. Вновь уничтожаются Чернышевский с плеядой революционных демократов, затевается возня вокруг письма Белинского Гоголю, грехом левой интеллигенции объявляется атеизм, а свобода совести толкуется как свобода выбора вероисповедания, и т. д. Шепотом и с оглядкой, как некая крамола, поминаются материализм и диалектика. Упоминание о факте социального расслоения общества клеймится как «неприличная идеология». Осуждается народолюбие: «страна у нас всем хороша, только вот население бы в ней заменить», – мечтают «демократы», и всё рисуется и выглядит по-«веховскому». Только – на фоне опыта трех русских революций, двух мировых и одной гражданской войн – неизмеримо мельче и подлее. «Вехи» новые многократно обещаны, на разные лады прописаны, но, увы, не определены. Либералы сеют умственную мусть и стригут с неё купоны, а народ в своей массе оказывается и без умственной ясности, и без купонов, возвращаясь к разбитому корыту и продолжая по дороге наступать на старые грабли.

В истории русской общественной мысли, полагаю, не будут забыты попытки ставить и решать вопрос «Что делать?». Я бы выделил три – Чернышевского, Ленина и ...Гавриилы Попова. Первая – социалиста-утописта, вторая – научного социалиста, а третья есть творение то ли либерала, то ли социал-демократа, содержащее рекомендации по упразднению результатов мысли, труда и борьбы обоих первых. Но прежде всего – новой общественной системы, установленной усилиями трудящихся масс, в течение семи десятилетий доказавшей способность страны и общества идти по пути социального прогресса. Нынешняя российская действительность – это, извините, и есть во многом продукт «поповского» мудрствования с его десоветизацией и денационализацией. Попов наших дней, рассуждая о вызволении бедной России из пучины общего кризиса капитализма, первым методом называет «латание дыр» и сравнивает состояние экономики страны с шинелью гоголевского Башмачкина (у Г.Х.П. он почему-то именуется «Башмачников»), каковая «в конце концов распалась». Но ни словом не поминает

о том, кто эти «дыры» мотивировал и расширял. «Дыры», проделанные в советской экономике, далеко не бедными гавриилами, тоже опирались на квазинаучные посылы, которыми в прошлом десятилетии эффектно громыхал сам Попов.

* * *

Сейчас, когда СМИ переполнены гомоном по поводу общего кризиса капитализма, которым прихвачена и Россия, как-то странно забывается, что Советский Союз был, при всех дефицитах и недостатках своей внутренней и внешней политики, в принципе *бескризисным обществом*. С периода известных потрясений 1905–1917 гг., со всеми их коллизиями, он пропустил мимо себя три этапа общего кризиса капитализма, мог пропустить и четвертый, надвигавшийся уже к концу 1980-х, но в середине того десятилетия у руля державы оказались на редкость неуместные индивиды. Если в 1920-х гг. пришлось, держа фронт против международного империализма, одновременно много усилий тратить в борьбе против леваков-троцкистов, готовых употребить Россию как хворост на растопку мировой революции, то в 1980-х явились «троцкие наборот», эпохальные ничтожества, готовые употребить Родину в качестве подстилки мировому финансовому капиталу и сделавшие все, чтобы убраться с дороги тех, кто видел иные горизонты.

«Вехи», которые они не без помощи Запада расставили на будущее, лишали народ и государство общенациональной цели, какой признавалось завершение построения социализма, упраздняли научно-плановое начало в экономике, «даря» взамен путь к рынку и либеральной демократии, т. е. конец истории по Фукуяме, и рекламируя их исключительно положительные черты. Горы грязи и тонны нечистот после 70-летия Октября были вывалены на послеоктябрьское прошлое страны еще при советской системе, обеспечившей Союзу ССР статус одной из двух сверхдержав мира. И что же в итоге? Крах и системы, и страны. Ее противоестественное расчленение, *сокращение вдвое* – ради высвобождения отечественного внутреннего рынка для западных неликвидов – собственного производственного (промышленного и сельскохозяйственного) потенциала, утрата передовых научно-технических, образовательных и культур-

ных позиций в мире и потеря около полутора десятков миллионов человек (три «холокоста»!), и это только в Российской Федерации. Россию превратили из пионера социально-национального освобождения народов и освоения Космоса в гламурно-газовые задворки Европы и Китая. Те, кто любит поговорить по поводу якобы тупиковости «ленинского проекта», прекрасно знают, что при всех чудовищных кознях, которые строили враждебные нам силы, он был-таки более полувека назад впечатляюще реализован. Спрашивать сегодня надо с тех «прорабов» 1980–1990-х гг., которые промотали наследие отцов, думая лишь о себе и собственном комфорте. Ведь по целому ряду ключевых статистических показателей был совершен «большой скачок» *назад*, вернув страну в *предыдущую*, капиталистическую общественно-экономическую формацию. Это, пожалуй, самый сумрачный и масштабный пример *социального регресса* со времени падения Римской империи.

Этот факт, несомненно глубоко прискорбный, однако не повод для того, чтобы вливаться в хор плакальщиков о социализме. Во-первых, стенания и рыдания – это, так сказать, не наше казачье дело. Во-вторых, в том, что произошло, просматриваются и очевидный деструктив, и гораздо слабее улавливаемый конструктив. Личность, кружок, партия, живо ощущающие настоящее и устремленные в будущее, делают упор на втором и стараются извлечь из него для себя все доступное. Речь идет не о «достоинствах» рынка, в зеленые одежды которого теперь рядится все мыслимое и неммыслимое – от овощей и мыла на базаре до депутатских мест и школьных оценок, от интеллектуальной собственности изобретателя до деталей интима влюбленных. Имеется в виду эксперимент целенаправленного разрегулирования, перерегулирования и отрегулирования общественных отношений, который в 1980–1990-х гг. блестяще продемонстрировала наша «теневая» и союзная ей западная буржуазия. Убедившись в неспособности и нежелании горбачевцев играть на этом поле, она обскакала своего исторического соперника – революционный пролетариат, и потому, что сумела оперативно сконцентрировать финансовые ресурсы, и потому, что острее ощущала для себя смертельную опасность. Тут весьма кстати недавнее замечание Владимира Путина, что главным оружием пролетариата должен быть не булыжник, – им должна быть голова... Кто скажет, что не туда поворачивает упрямое колесо истории?

Шаг за шагом анализируя то, как с середины 1980-х гг. удалась реакция, прерываемая локальными и кратковременными вспышками подобия гражданской войны, общероссийская буржуазно-бюрократическая контрреволюция могла бы между строк событий и характеров прочитывать и нечто другое. Был ли вариант иного поворота, как и кому помешала случайность, в чем ошиблись фундаменталисты, на чем сыграли и опередили флюгеристы? Не предоставляет ли наблюдаемая и фиксируемая нами ныне конечная неудача антисоциалистического переворота 1985–1993 гг., с его обманными лозунгами и теперь обнаружившего свою подлинную сущность под влиянием общего мирового кризиса, – не предоставляет ли она возможность *возвратного* хода истории? Или, скажем точнее, восстановления когда-то начатого поступательного процесса, рассматривая нынешний период как вынужденный болезненный *зигзаг* длительной эпохи перехода от капитализма к социализму? Обернуть нынешнюю российскую реставрацию капитализма в жестокую стажировку рыночных принципов и методов на пути к более высокому типу хозяйствования и общественных отношений? Не обернется ли опыт сегодняшней контрреволюции эволюцией, в сравнении с прежними методами и формами более терпимой и культурной? Россия – родина не слонов, а мамонтов, и последнее слово ею пока не сказано.

Эмбрион социализма как идея зарождается и формируется в живом взаимодействии *производительной силы* общества с его *потребительной силой*. Она от рождения направлена на *оптимизацию* комплекса общественных отношений, на исключение незаслуженного пользования плодами общественного труда, на вытеснение социального паразитизма. Согласно евангельскому преданию, *трудящийся достоин пропитания*, как говорил Христос, *а если кто не хочет трудиться*, добавлял апостол Павел, *тот и не ешь*. В зависимости от производственных возможностей и ресурсов, от бедности и богатства данного общества, от степени осознания им собственного бытия эта оптимизация приобретала характер соглашений и компромиссов, реформ и революций, межнациональной, межклановой и межклассовой конкуренции, подчас и кровавых конфликтов.

Научный социализм Маркса и Энгельса установил объективные условия оптимизации этой системы, выдвинув идею замены частнособственнического, капиталистического способа производ-

ства способом производства *товарищеским*, ассоциативным, но эти условия даже там, где они начинали реализовываться в результате ожесточенной классовой борьбы (как в Советском Союзе), постоянно нарушались или же просто переставали выполняться по самым разным причинам. «Почему те, кто создает богатство, живут бедно?» – этот вопрос современного московского рабочего Александра Николаева звучит в начале XXI в. не менее злободневно, чем он звучал в начале XX-го. **Метания в условиях кризиса** наших наиболее заметных политиков между *правым* центром и центром *левым*, поведение Медведева-Путина, с одной стороны, Миронова-Лужкова-Зюганова – с другой (при всей несобранности левых и непопулярности правых) наглядно демонстрирует невозможность обеспечить «разрядку» с позиций лишь *одной* буржуазии, ни крупной, финансовой, ни средней и мелкой. «Эффективный» частный собственник, как он проектировался в ходе «перестройки» и «реформ», с проблемой справиться не в состоянии. Это под силу огромному *массиву труда*, который пока что лишён надлежащей организации, ясного самосознания и в довольно оживлённом шуме и гаме паникующей публики, будучи придавлен дороговизной и безработицей, сейчас социально «безмолвствует».

На вопрос, что можно бы и нужно предложить в числе мер антикризисного порядка, я отвечаю грубо: в первую очередь *восстановить Госплан*. Возражения, которые при этом придётся услышать, скорее всего, станут вращаться вокруг того, что ничего нового это предложение не содержит и представляет собой «консервативный» вариант. Но это будет общая отговорка без аргументации по существу. Начать с того, что исходной задачей планирования должно, наконец, явиться *гарантированное* обеспечение напрямую любого гражданина условиями *выживания* в их *натуральном* (не рублёвом, не долларом и т. п.) выражении, если угодно, снятие проблемы выживания для каждого соблюдением одного единственного правила – личным участием в общественно-полезном труде. Разумеется, подобные гарантии могут взять на себя не отдельные частные лица, благотворители-филантропы, или даже компании, а общество в целом, т. е. государство. Так же очевидно, что указанные условия касаются лишь суммы предметов потребления, покрывающих элементарные *витальные* запросы, потребительскую корзину, призванную удовлетворять потребности существования,

а не роскоши. Если эту миссию берёт на себя государство, появляются признаки новой общественности, опять-таки тянущие всех к социализму. Если же выживание считается делом самих индивидов, то социальная помощь оказывается унижительным снисхождением и возникает ситуация *социального одиночества*, с проявлениями зоологического индивидуализма, характеризующего распадающееся общество. Таково нынешнее положение России, которое легко предсказывалось еще в советские времена. Альтернатива: **либо** поворот к общинности социалистического типа, **либо** разложение России как уникального евразийского сообщества.

Идея планового начала, планового центра, конечно, не нова. Она была актуальна уже применительно к более или менее крупной ремесленной мастерской или мануфактуре, к фермерскому хозяйству, а тем более к фабрике или заводу. Говоря о задачах планирующего центра советской экономики и одновременно касаясь положения дел в странах капитала накануне Отечественной войны (январь 1941-го), Сталин признавал, что «там возможно планирование, иногда и очень неплохое, хорошее планирование внутри отдельных предприятий, трестов, картелей, синдикатов и т. д., но не возможно планирование в целом в народном хозяйстве». Способность работать по плану *не у себя* Запад великолепно показал детально и поэтапно запрограммированным обрушением советской (в Европе родственной ей, социалистически ориентированной) социально-экономической системы. Российская же сторона, отказавшись от плана, допустила пятикратное понижение жизненного уровня населения и уполовинила свое промышленное и аграрное производство, ибо, по примеру Ельцина, поверила в мистику управления денежными потоками и оборотом ценных бумаг, что позволило отбросить державу с потенциалом, не меньшим, чем североамериканский, из кануна XXI в. аж в её XIX-й. Время – деньги, не устают повторять бизнесмены, а это значит, что *за реставрацию капитализма Россия заплатила полтора столетия*. Этакого простака, или по-теперешнему «лоха», да ещё и в мирное время, история ещё не видывала. Пишу об этом отнюдь не под влиянием некоей ностальгии, а потому, что *хотел бы видеть в возврате* Путина-Медведева к идее и практике государственного проектирования разных сфер общественной жизни признак интеллектуального *выздоровления* нации.

Выраженное ещё в пору президентства Путина намерение превратить Россию в *энергетического лидера* планеты вызывает вполне понятное внимание патриотов и вместе с тем рождает вопросы. Если дело сводится к привычной опоре на нефтегазовую трубу и к выкачиванию российских недр, с учетом естественно-природного конца, то перспектива тут затрапезная. Между тем миру давно известны менее ограниченные или вовсе не ограниченные подходы, и для их применения у нас есть все возможности. Речь идёт не только о ядерной энергии, в отношении которой с Чернобыльской трагедии 26 апреля 1986 г. сохраняется обоснованно настороженный холодок. Многочисленные и давние научные разработки касаются других, совершенно безопасных, экологически безупречных видов вооружения человека природными силами. Это ветровая, приливная, недро-термальная, водородная, биологическая энергия, воздушные насосы и солнечные батареи, уже давно работающие на космических станциях. Неисчерпаема и универсальна, конечно, энергия солнечная. Её техническое применение уже дало свои ценные результаты, и мы стоим на пороге её массового распространения для нужд производства и быта. Если вспомнить, что Россия – родина не слонов, а мамонтов, и взглянуть *за рамки* нынешнего рынка, то почему бы не попробовать и взяться за составление генеральной программы энергетического развития России, в центре внимания которой была бы поставлена задача её *солнцефикации*. Нам не в первый раз выдвигать дерзкие идеи. Чем плоха была бы вот такая: грядущее Отечество – это *самодержавие трудового народа плюс солнцефикация страны*.

Возвращаясь к «Вехам», замечу, что из всего их содержания мне больше других «показалась» статья Петра Струве, и в ней следующее место: «Для духовного развития Запада нет в настоящую эпоху процесса более знаменательного и чреватого последствиями, чем кризис и разложение социализма. Социализм, разлагаясь, поглощается социальной политикой».

Струве был зорок, наблюдая социал-реформистское перерождение партий Второго Интернационала перед Первой мировой войной, но оказался близорук после поражения Первой русской революции, перед перспективой Второй и Третьей, т. е. Февраля и Октября 1917 г. В настоящее время, когда провален 70-летний социалистический эксперимент в Советском Союзе и сама

эта держава вынуждена топтаться на собственных руинах, когда Российская Федерация в её Конституции именуется «социальным государством», Струве выглядит провидцем и триумфатором. Возобладавшие в стране сторонники капитализации органично заинтересованы в замене социализма именно социальной политикой. Ведь социализм предлагает производство и распределение без капиталистов, т. е. самоорганизацию людей производительного и творческого труда, исключаящую все формы эксплуатации, капитализация же – систематическое регулирование, подрессорирование, отлаживание компромиссов между работодателями и наёмными работниками. Социалистическое государство тем и отличается от «социального», что оно не скрывает противоречий между капиталом и трудом и предлагает их радикальное разрешение. «Социальное государство», напротив, базируется на этих противоречиях как на неизбежном зле и вместо их разрешения культивирует консервирующее их замалчивание и сокрытие, проповедь всеобщей толерантности, совместимости и т. п., классового сосуществования, мира и даже союза.

Величайшее удивление, пронесённое мной через всю мою долгую жизнь, связано с отношением интеллигенции к такой фундаментальной категории общественных отношений, как *социальное равенство*. Известно, что в советское время предпринимались попытки решения этой проблемы на практике. Люди, более или менее грамотные в отношении марксизма, не шли при этом дальше обсуждения условий создания *бесклассового* общества. С самых высоких трибун в советский период ответственные руководители отмежёвывались от попыток уравнивания, стрижки под одну гребёнку заведомо разных личностей. Зачастую из-за действий неумных администраторов или нехватки ресурсов эти упреки необоснованно опрокидывались на ни в чём не повинную теорию. Как раз под этим углом зрения велась критика советской практики с начала «перестройки».

Эта тема всплывает здесь не случайно. В середине 1980-х гг., когда во главе КПСС оказался Горбачёв, заканчивалась активизированная до того Юрием Андроповым работа над новой редакцией Программы партии. Автор этих строк был в ней задействован и идею выхода тогдашнего советского общества на параметры бесклассового к концу XX в. считал одной из центральных для го-

товящегося документа. И его прямые исполнители, и Горбачёв располагали, разумеется, как сведениями об *интеграции* разных категорий и групп трудящихся в нашей стране – а этот процесс тогда преобладал, – так и данными (в те годы засекреченными) о росте «теневого» капитала, в том числе о *фактической регенерации* класса буржуазии. Написанный мною параграф о формировании бесклассовой социальной структуры в СССР Горбачёв, видимо, считаясь с инерцией общественного мнения, пропустил; настоял он только на перемене структуры и поставил впереди параграф о росте благосостояния населения с очевидным намёком на потребительский уклон своей политики. В этом виде Программа была принята XXVII съездом КПСС (март 1986 г.), и тут же положена под сукно. Не пришлось долго ждать объявления социального равенства «химерой» и его истерических поношений. Спустя немного лет формула «социальное государство» послужила ширмой для *возвратного* общества социального *неравенства*. Утешится ли Россия этой «ливрейной» социальной политикой Петра Струве?..

Тамада нашей дискуссии Валентин Толстых недавно выпустил итоговую книгу под многозначительным заголовком «Мы были». Выступал ли он с отчётом за всё первое не фронтовое поколение 1930-х или только за часть его, не знаю. Да и поколение это не простое, а очень пёстрое. Если принять за его вершины Горбачёва и Ельцина, то гордиться тут нечем. Типичные иждивенцы победы в Отечественной, *партанпаратчики*, они так и не поняли высоту ответственности, на которую их взметнула судьба, и променяли право социалистического первородства, полученное от «Авроры» и Сталинграда, на рыночный гламур. Увы, такова Россия...

Толстых прав: мы действительно *были*, и в меру своих знаний и сил боролись. Мы уходим, и вместе с тем мы есть, пока еще не ушли. И мы *будем*. Забытые и не узнанные персонально – пусть так! – мы живы в лице истины, которой верны, и возродимся во вникших в нее грядущих поколениях. «Вехи» 1909 года ушли и уже не вернуться. По вехам, которые видимы нам, я убежден, двигаться придется.

Что дальше? Вместо заключения

Общее внешнее впечатление от дискуссии: на мой взгляд, она *состоялась*. Прозвучали разные мнения, каждое по-своему интересное, обошлись без нападок, склок и ругани, как полагается в воспитанном обществе. Не «растекаясь мыслью по древу», участники сосредоточились на вопросе, более всего волновавшем веховцев, – СУДЬБА РОССИИ. За сто лет после «Вех» страна трижды меняла свой облик и систему – была самодержавно-царской, советской – коллективистской и, теперь, рыночно-капиталистической. Ни в одном из образов не обрела себя «окончательно и бесповоротно», и никто не скажет, что в нынешнем виде Россия стала лучше прежних. Подобно веховцам, современные аналитики тоже критически и, вместе с тем, заинтересованно относятся к российской действительности, в чем-то важном и существенном сходятся или расходятся друг с другом. Что понять не трудно. Вряд ли найдется в XX в. другая страна, которая, подобно России, сможет «похватать» такими перепадами, разломами и катаклизмами, как претерпела и пережила она.

Правда, можно вспомнить Францию, с её великой революцией 1789 г., породившую и якобинцев, и, затем, императора Наполеона Бонапарта с его диктаторским режимом, далее июльский 1830 г. переворот-реставрацию, потом еще один переворот – 18 брюмера 1848 г., с воцарением «ничтожного племянника великого дяди» Луи Бонапарта, доведшего страну и общество до Парижской Коммуны 1871 г. И ста лет не прошло, а чего только не навидалась и не пе-

режила страна с большой историей и великой культурой. Может быть, и России, не меньше испытавшей и пережившей, предстоит нечто подобное? Но почему-то в это не очень верится, и прошедшая дискуссия поддержала меня в моем сомнении.

Да, диалог состоялся, но общий итог получился весьма скромным, как ни прискорбно это признать. Знакомый читатель, человек серьезный и искушенный, сказал мне при встрече: «Читать всё это, конечно, интересно, но *идей-то нет*» – имея в виду, идей выношенных что называется, прорывных, просчитанных на «лучшее будущее». Согласившись, я задумался: в чем тут дело, почему при свободе «сполна высказаться» такая зажатость и скромность в предъявлении прозрений, «вперед смотрящих» идей и проектов. Неужели к тезису *умом Россию не понять* теперь добавится и утра-та *надежды и веры* в неё?

Дискуссия была в разгаре, когда появилась статья президента Д.А.Медведева «Россия, вперед!», а затем состоялось его «послание» Федеральному Собранию. Общий настрой и идейный посыл этих выступлений общественность поддержала, но что-то важное в них можно и оспорить, а что-то и добавить к сказанному. Не ради полемики, а из желания ответить на самый главный (для меня сегодня!) вопрос: почему все-таки, обладая поистине несметными богатствами, мы продолжаем жить бедно, скудно, к тому же еще и скучно, несмотря объявленную *индивидуальную свободу*? Кто и что мешает нам жить намного лучше и интереснее? Хотелось бы помимо ответа на этот вопрос, честного и бескомпромиссного, данного в ладу с реальностью и совестью, зарядиться желанием и волей переналадить («перезагрузить»?) весь наш нынешний не самый разумный уклад жизни и миропорядок.

«Порвалась связь времен...»

Среди причин, породивших ныне почти всеобщее уныние, которое никакими словесными внушениями, «приворотами», не скрыть, назову первую и главную, помогающую проникнуть в суть проблемы. Воспользуюсь старой, но не стареющей марксистской истиной: *недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мыс-*

ли. Что мы не преуспели в воплощении мысли в действительность, можно убедиться, внимательно всматриваясь в «рынок» и «демократию», которые воцарились сейчас в России. Увы, постсоветская Россия еще не осознала и не показала, что сама стремится к мысли, не боясь честно *увидеть и осознать себя такой, какая она есть*.

Начать придется с отношения к прошлому, недавнему и далекому, к советскому и прежним временам. Надеюсь, тем, кто числит себя в составе так называемой «интеллектуальной элиты», не трудно вспомнить былое, немного поднатужившись и хорошо подумав. Все знают и помнят авторитетные высказывания, вроде того, что *без прошлого у страны нет будущего, и только тем, кто владеет прошлым, принадлежит будущее*, и т. д. Вот и президент в начале своей статьи говорит о наследии, которое мы получили, а затем и в её финале возвращается к этой теме, предлагая смотреть на наше прошлое трезво, с уважением, самокритично и прагматично. Не верю, однако, что этот здравый призыв отрезвит тех, кто с упорством, достойным лучшего применения, вот уже четверть века беспардонно поносит Россию и сводит её историю к одной лишь несуразице, хаосу, беспорядку и порокам, а весь советский период, не заметив у него никаких завоеваний и светлых сторон – к репрессиям, насилию и жестокости, именуя его не иначе, как «тоталитарным».

Поношение и расправа с прошлым стали общим местом в статьях и книгах, посвященных самым разным темам и проблемам. Приведу цитату из книги хорошего автора, которому вдруг, ни с того, ни с сего понадобилось лягнуть коммунизм, хотя речь шла, простите, о шарлатанстве Грабового, «поработителя невинных душ»: «Безумцы тех лет (советского времени), пообещав россиянам скорый коммунистический рай, погрузили страну в кровавый ужас Гражданской войны, в голодомор, в лихорадку массовых репрессий». Представляя великую идею *коммунизма* как бездарную утопию и химеру, никто из «гробокопателей» даже не задумался, отчего это в разные времена идеей увлеклись совсем не глупые люди, такие возвышенные натуры, как Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Карл Маркс, Фридрих Энгельс. И как эти «умники» ответят на вопрос любознательного юноши: «Чем же объяснить, что и сегодня в западных странах Маркс числится первым среди самых популярных авторов и мыслителей?»...

Хулители социализма осмелели (обнаглели) настолько, что, представив историю Советского Союза сплошь кровавым ГУЛАГом, покушаются уже на самое светлое событие и чувство народа – *День Победы над фашизмом*. Чтобы его защитить, понадобилось образовать Комиссию по борьбе с фальсификацией собственной истории. Впрочем, тут же – для равновесия – создав и Комиссию *по десталинизации*. Находятся господа, разных рангов и из разных ведомств, которые берутся доказывать, что нацизм и сталинизм одно и то же, убеждают детей и внуков, что это не их отцы и деды победили фашизм, а «антигитлеровская коалиция». Уже сейчас надо молодым внукам и правнукам объяснить, за что и за кого отдали свои жизни их деды и прадеды, миллионы советских солдат, освобождая Польшу, прибалтийские страны, да и тех же немцев, доверившихся когда-то Гитлеру. Андрей Райзфельд в «Уликах» (приложение к «Советской России», № 5, за сентябрь 2009 г.) приводит цифры-улики: только в войсках СС насчитывалось 20 дивизий (!) добровольцев – выходцев из европейских стран, а всего в 1939–1945 гг. вместе с немецкими нацистами с нами воевали полтора миллиона европейцев – прислужников фашистского «нового порядка». Так может быть, стоит прямо признать и сказать, что Гитлер был прав, напав на Россию с целью её уничтожить. И вряд ли есть смысл объяснять этим господам, каким бы стал мир, прежде всего сама Европа, если бы эта цель была бы осуществлена. Оживились и активизировались сегодня те, кто испокон веков Россию не любил, и хотел бы её уничтожить. Но вряд ли стоит вступать с этими мастодонтами в дискуссию – «горбатого могила исправит»...

Зато полезно и стоило бы заняться самочувствием собственно населения, особенно молодых поколений, формируя у них уважительное и признательное отношение к прошлому, к героизму и мужеству отцов и матерей, спасших страну от коричневой напасти. Первой должна продемонстрировать это власть, отдав должное уму, деловитости и дальновидности «распроклятых коммунистов», оставивших после себя не только «застой», но и две известные трубы, которые вот уже 20 лет нас содержат и кормят, и на которых так удобно расположились нынешние олигархи; а еще поблагодарить их за Кузбасс, Магнитку и ДнепрогЭС, за вспаханную целину, за атомную и космическую промышленность, за те же «дырявые» шоссе-

ные и железные дороги, без которых было бы совсем худо. Ибо за годы бурного «рыночного строительства» нынешние хозяева ничего толкового и внушительного еще не создали, не соорудили (не считая, конечно, шикарных зданий офисов, офшорных и «рублевских» зон). Вспоминаю и говорю об этом вот почему.

Веховцы, как бы кто к ним ни относился, по нынешней терминологии, были *государственниками и патриотами*, притом без *монополии на патриотизм*, и напрочь отвергая *космополитизм пустоты*, сами исповедовали *здоровое национальное чувство причастности* (С.Н.Булгаков). Они были правоверными монархистами, но не националистами и не либералами. Не одобряли крепостное право, конечно, помнили о том, какой ценой была оплачена краса и величие Петрова града на Неве (ценой массовой гибели крестьян-строителей), и вряд ли симпатизировали бунтам Степана Разина или Емельяна Пугачева. Короче, отдавали себе отчет в том, на каком фундаменте воздвигалась, расширялась и усиливалась имперская Россия. Думаю, они бы согласились с тонким и трезвым замечанием Льва Толстого насчет трудов некоторых историков, где *история России состоит сплошь из безобразий, правежа, грабежа, глупости... А как же в результате возникли великое государство и великая культура?* Такой подход к прошлому фиксирует здоровая человеческая память, а не идеология вывертов и политиканских вымыслов в трактовке исторических фактов и событий, не такая безобидная, как кому-то она кажется.

Мне надолго запомнилось высказывание женщины, гитафранцуженки русского происхождения, в декабре 1990 г., когда я был в Париже: «Что вы делаете? Почему отказываетесь от Октябрьской революции? Разве ее совершили не вы сами, не ваши отцы и деды? Наша революция тоже началась с насилия – с разрушения Бастилии, с гильотины, а потом был Термидор, с трибуналами и невинными жертвами... Но у нас есть и улица Робеспьера, и пантеон Наполеона, и мы уже двести лет собираемся у той же Бастилии, чтобы отметить наш национальный праздник. Как вы будете жить, оставив позади себя пустыню событий, дней и десятилетий?!».

Ныне достославная наша интеллигенция пытается корпоративными усилиями соорудить *духовный саркофаг*, куда и следовало бы, по мнению некоторых её «продвинутых» представителей, поместить всю советскую эпоху. Невольно оживает в памя-

ти гамлетовская мысль-цитата насчет *разорванной связи времён*, предельно актуальная для современной России, которая пытается прорваться в будущее ценой отказа от своего прошлого. Не сознавая того, что обладает богатейшим наследием тысячелетней российской истории, которая ничуть не хуже историй многих других стран и цивилизаций. Что требуется как раз более бережное и осмысленное отношение к собственным *традициям*, видя в них не только кристаллизацию минувшего опыта и музейную ценность, но, одновременно, и *источник продолжения жизни, какими являются новации*, как понимал диалектику взаимосвязи прошлого и настоящего Борис Пастернак. Без тени ложного патриотизма можно сказать, что феномен *Россия* выдержит любой самый взыскательный подход и анализ, если будут соблюдены простые нормы объективности и справедливости в подаче фактов, событий и метаморфоз, которыми изобилует её сложная и интересная история.

Думаю, не случайно пришли и к тому выводу, что российскую *модернизацию* следует соединить и облечь в форму идеологии и практики *консерватизма*. Внешне сама мысль эта выглядит нонсенсом. Но успех японцев, сингапурцев и тех же китайцев показал и подтвердил жизненную правоту и силу традиций и хороших привычек, которым верны народы и нации. Консерватизм – не просто данность, с которой нужно считаться, он прекрасно сочетается с умным и трезвым радикализмом, осаживая любую безрассудную удаль и авантюризм человеческих пристрастий, претензий. Проблема лишь в том, какие именно традиции и привычки будут взяты модернизаторами на вооружение и творчески использованы и насколько в пору окажутся они человеческим придумкам и новшествам...

Так что разбираться придется не только в прошлом, но и в *настоящем*, и это совсем не простая задача для модернизаторов, особенно в российском варианте и случае.

«Какое время на дворе...»

Никогда не был поклонником идеи *особого пути* России, сейчас поутихшей, но еще живой. Мне по душе и уму мысль Пушкина – о европейской природе нашего отечества, которому, однако, надо *быть и всегда оставаться Россией*. Поэт поясняет: «Поймите

же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой, что история её требует другой мысли, другой формулы». Хорошо бы знать – что имел в виду Пушкин: какой *мысли*, какой *формулы*? Может быть, прав был и Чаадаев: «Мы живем на востоке Европы – это верно, тем не менее мы никогда не принадлежали Востоку... Мы просто северный народ и по идеям, и по климату...». К двум названным добавлю третью цитату, не менее авторитетную. Из письма Петра I английской королеве Анне: «Не для того я странствую, не для того я тружусь, чтобы исторгнуть Россию из России, но чтобы укрепить и вознести её в ней самой». Замечу при этом: русский император открыл в Европу окно, а не дверь...

Наверное, так оно было и есть: будучи *другой Европой*, Россия по-своему осваивала доставшиеся ей климатические условия и пространство, вбирала и впитывала в себя этническое богатство и многообразие, по-своему выстраивала связь, общение с соседями и восточными народами и культурами. При этом постоянно *западничала*: с XVII в. (после владычества Золотой Орды) пережила период колонизации, во времена Ивана III попала под влияние итальянцев и немцев, при Петре I – голландцев, англичан и тех же немцев, Екатерина Вторая настойчиво внушала и укореняла немецкий стиль и порядок, и т. д. Пожалуй, ни одна страна в мире не подвергалась такому массивному иностранному нашествию и воздействию, не будучи завоеванной и ни став чьей-либо колонией. Эту особенность российской истории всегда надо иметь в виду: она многое проясняет в поведении и судьбе России, естественно, доставляя ей самой немало хлопот и проблем. До сих пор остается загадкой, например, настойчивое и упрямое стремление России сбросить и сохранить свою идентичность, настаивая на своих слабостях и изъянах, кстати, чем-то подкупающих и иностранцев, в чем лично не раз убеждался, бывая в разных странах.

Столетие «Вех» – хороший случай и повод задуматься, из какого представления о России мы – все вместе, и каждый в отдельности – исходим, оценивая прошлое и предугадывая её будущее. Сами веховцы не сравнивали её ни с кем, не увлекались арифметическим подсчетом в ней «хорошего» и «дурного», «правильного» и «неправильного». Исходили из своего целостного образа страны, по-своему воспринимая и толкуя историю страны, матрицу её развития, национальный характер, своеобразие духовных и волевых

качеств. До сих пор одни Россию просто любят, принимают такой, какая она есть, хотя при этом и бурчат, сетуют, жалуются на проявления несообразности, на безобразия и непорядок. Живут и уживаются с нею, даже не помыслив, что где-то им было бы гораздо лучше, никогда не скажут «эта страна» и не будут ссылаться на свой «западнизм». Есть и такие, кто не любит или презирает «эту страну», своего рода «внутренние эмигранты», в отличие от гастарбайтеров, иногда не скрывающие, что их здесь ничего, кроме «бизнеса» или «заработка», не держит. Наиболее бессовестные и бесстыдные не прочь выдать себя за «своих в доску», чтобы проверить свои «дела» и «делишки» (где же еще можно так стремительно, в одночасье, стать олигархом или долларовым миллионером?). Эту человеческую подоплеку в раскладе симпатий – антипатий постсоветской России тоже надо учитывать в серьезном разговоре о России, о её судьбе и будущем.

Как выяснилось, труднее разобраться не с прошлым, а с *настоящим* России. Тут почти «квадратура круга», непосильная даже интеллектуалам. Когда в 1990-х гг. мы меняли шило на мыло – *казарменный социализм* на *дикий, олигархический капитализм*, прожив в нем почти два десятилетия, многие застыли в недоумении: «как же так?», «что же случилось?». Недоуменность остается, но кое-что важное проясняется: оказывается, рухнул не только *советский социализм*, в такой же коме очутился и *неолиберальный капитализм*. Взятый нами напрокат, он в реальности совсем не похож на тот, который известен по учебникам Адама Смита, Макса Вебера и Джона Кейнса. И нынешний мировой кризис отнюдь не только финансовый. Проницательный Жак Аттали в своей новой книге скажет: «Нынешняя ситуация напоминает эпоху падения Римской империи, которая продлилась более трех столетий и повлекла за собой тысячелетие полного “мирового беспорядка”... В конце концов, не является ли происходящее великолепным подтверждением описания, которое дал капитализму еще Маркс, – торжествующий, планетарный и самоубийственный?».

Мы не заметили, как сами стали очевидцами и участниками краха, после *коммунистического, и неолиберального проекта*, с которым носились наши псевдореформаторы все 1990-е гг. как с писаной торбой, рекламируя рецепты аналитиков США и исполняя предписания экспертов Международного валютного фонда. Наша

августовская катастрофа 1998-го г., якобы финансовая, носила явно *системный* характер, подытожив результаты бандитских действий нашей правящей верхушки, погрязшей в коррупции и учинившей грабеж общенационального масштаба. Уничтоженными оказались целые отрасли экономики: сельское хозяйство, авиастроение, судостроение, и т. д. Согласен с Дмитрием Каралисом, что Сталин, перевернув Россию и не пощадив народ, простите, мальчик по сравнению с реформаторами 1990-х, разворовавшими страну и посадившими её на мыслимые и немыслимые иглы: сырьевую, финансовую, наркотическую, безудержного консюмеризма и повального пофигизма.

Происшедшее с нами объяснимо, если посмотреть на себя со стороны, например, на фоне китайских реформ, начатых в 1979 г. *Капитализация*, внедрение рыночных принципов в экономике происходят в Китае, но без грабительской приватизации и находятся под неусыпным, жестким общественным контролем. В книге «Мир в движении» польского экономиста Гжегожа Колодко убедительно говорится о том, что Китай оказался мудрее многих, когда он отказался от искусов неолиберальной модернизации, чему поддались Россия, многие страны Центральной и Восточной Европы, а также Латинской Америки, попавшие в плен некоего «вашингтонского консенсуса». В отличие от России, Китай открывался и продолжает открываться миру не нараспашку, а постепенно, сверяя шаги модернизации с её результатами. Итоги глупого и мудрого выбора модели поведения налицо: ельцинская вакханалия «политики реформ» завершилась тем, что только в 2007 г. Россия вернулась к своему ВВП 1989 г., в то время как Китай за те же годы увеличил совокупный национальный доход в 6,2 раза (!).

Не требуется никакого *особого пути*. Все гораздо проще. Китай сумел разглядеть и развести *хорошее и плохое* в западном мире, и потому преуспел в собственном развитии. Россия же без оглядки и серьезного размышления ринулась хватать и усваивать всё плохое и дурное, тупо и бездарно проглядев преимущества американской хватки и деловитости, когда-то, кстати, умело использованных Сталиным в период индустриализации Советского Союза. Однако кризис стал и «палочкой-выручалочкой», проявив все наши беды и проблемы, с которыми мы свыклись, стерпелись. А теперь убедились в том, что политика системных изменений

почти никак не отразилась на развитии и состоянии общественного производства. Зато оказались впереди всех в браве, в риторике. Лично я не в восторге от заглавия статьи президента – «Вперед, Россия!». Давний болельщик футбола (в свое время болел за киевское «Динамо» и «Спартак», сейчас за национальную сборную России), отчетливо вижу, как не хватает нам класса игры и моральной устойчивости. Терпеливо жду, когда класс игры догонит зарплату, и потому не воспринимаю истерику и лексику футбольных фанатов. Что же касается политики, то здесь вообще, прежде чем отдавать команду *вперед*, надо бы выяснить, где этот «перёд» находится и что собой на самом деле означает.

Провозгласив *модернизацию* как главную идею и стратегию развития, президент сразу породил (лично у меня) два давно созревших вопроса, на которые давно уже хотелось бы получить внятный ответ. *Первый* – если мы отстали и нам надо всерьез кого-то догонять, то чем же тогда мы занимались целую четверть века (с 1985 г.), днем и ночью внушая себе и другим, что идет «перестройка» и осуществляются «демократические реформы»? В связи с этим и попутный вопрос: на что были потрачены не только порывы и усилия, но и миллионные жертвы ушедших преждевременно из жизни людей, если страна в результате по всем (!) параметрам и показателям оказалась «позади» обрушенного Советского Союза? *Второй* – кого и что мы собираемся *догнать* на этот раз, однажды уже испробовав путь ускорения и переустройства? Вопрос совсем не простой, как только умом сознаешь, что в ходе модернизации придется преодолевать мощные заслоны и препоны поистине *тотальной коррупционности* действующей системы, где шагу не ступишь без взятки и поборов, а также *засилье бюрократического своеволия*, вдвойне разбухшего после того, как вдвое уменьшилось население страны.

А теперь вопрос главный, *по сути* дела. Предполагается, что в процессе и путем инновационного развития нам удастся преодолеть отставание преимущественно в экономике, технике и технологии. Между тем как само это отставание обусловлено не только вышеназванными причинами, но и глубоким духовным и моральным кризисом современного российского общества. И, прежде всего, его неспособностью в условиях очевидного институционального и ценностного разлома предложить позитивную альтер-

нативу прежнему (отвергнутому!) состоянию общества. Утрачены понятия общего дела и блага, разъединены свобода и справедливость, правовой нигилизм нашел опору в моральной вседозволенности, и т. д. и т. п. Модернизация, конечно же, нужна, но её успех изначально обусловлен потребностью общества в *духовной реформации*, без чего модернизация вряд ли состоится вообще.

В связи с этим назовем и более весомую причину глобального мировоззренческого характера, которую умолчанием не обойти и не перепрыгнуть. Это вопрос о том, что мы собираемся создать, построить на месте свергнутого «плохого социализма». Если капитализм, то он ведь *умирающий, уже исчерпавший свою социогенетическую программу, и по нему самому звучат колокола истории, если верно, что крушение коммунизма есть предвестие поражения капитализма*, скажем словами «Колоколов истории» Андрея Фурсова.

Сегодня основное звено политики – в трезвом понимании и оценке общего состояния и готовности страны заняться жизнеустройством своего **НАСТОЯЩЕГО**, и это будет *вторым важным шагом*, который предстоит сделать политике и политикам сразу после того, как изменится к лучшему и станет мудрее наше отношение к собственному прошлому.

С верой и с умом – в будущее

В предисловии к сборнику веховцы отметили, что писали статьи *в жгучей тревоге за будущее страны*. Подвергли анализу и критике традиционные представления русской интеллигенции не ради того, чтобы осудить прошлое, сознавая его историческую неизбежность, а с целью поиска выхода страны из тупика, в который страна себя (тогда!) загоняла. Веховцы мыслили в правильном направлении. Дальнейший ход событий их опасения подтвердил, особенно в наши дни. Другой вопрос – о такой ли России, какой она оказалась в XX в. и стала ныне, перешагнув в другой век, они мечтали? Можно представить себе, что бы они сказали, оказавшись на нашем месте, глядя на себя со стороны – строго и справедливо. Что бы они сказали, например, о превращении потребления из условия жизни в её смысл или о наделении денег функцией социального барьера? И почему отринута, скажем, здравая и гуманная установ-

ка и ценность социалистического уклада и образа жизни, которая зиждется на сочетании реальной «системы всеобщей полезности» с чем-то само по себе более высоким и возвышенным?

Будущее России сегодня, как ни странно, это самое слабое место в наших думах и беспокойстве. Мы отвыкли спокойно, трезво и рассудительно судить и оценивать многовековую историю создания и развития российской цивилизации, постоянно подвергая испытанию её мифологией то *светлого прошлого*, то *светлого будущего*. Веховцы вдохновлялись скорее прошлым, чем проектированием будущего, и потому встретили буквально шквал возражений и порицаний, причем со стороны известных и авторитетных деятелей разных общественных позиций того времени. Не все, но многие участники нашей дискуссии тоже критически оценивают подход и умонастроение веховцев. Но что они сами увидели на горизонте, и за ним, в так называемом *мыслимом будущем*?

В тезисной форме отмечу идеи и мысли, которые близки и импонируют лично мне. В *эпоху безмыслия нет и не может быть сколько-нибудь крупных в историческом масштабе идей* (В.Иорданский); будущее принадлежит *культуре и высшим духовным ценностям, а не фетишам материального благополучия индустриальной эпохи* (М.Маслин); нас спасет *монархо-коммунизм, где вертикаль державности соединится с идеей социальной справедливости* (А.Казин); *жить, не стесняясь места, где ты родился, и в среде, где люди уважают и ценят друг друга* (А.Глинчикова); *хорошо бы выслушать всех, кто глубоко и профессионально размышляет о грядущей судьбе России* (А.Салуцкий); *из кризиса нужно выходить не за счет народа, а за счет банкиров и олигархов, породивших экономическую катастрофу* (Б.Славин); *забыть само слово «революция», ибо противоречия можно преодолеть умной политикой, а не заклинаниями и закручиванием гаек* (А.Кива); *хотя ложь и насилие побеждают на коротких дистанциях, на длинных они непременно проигрывают* (В.Арсланов); *кроме разрушения старого интеллигенция ничего нового не предложила* (Т.Наумова); *быть или не быть социальным потрясениям в стране, зависит от того, как верховная власть сумеет соединить на практике либеральную идею свободы и социальную идею справедливости* (В.Шевченко), и т. д. Все верно, но чего-то существенного и важного не хватает, не правда ли?

Полагаю, не хватает связи нашего настоящего, как мы его представляем и воспринимаем, с темой будущего мира, ныне переживающего *системный цивилизационный* кризис. Оказывается, в эпоху глобализации капитализм меняет свое лицо, это – во-первых. Значит, прежде чем кого-то *догонять*, надо выяснить, куда это все так дружно направились и что их (нас!) впереди ожидает, это – во-вторых. А можно задуматься и над тем, почему при всех «прогрессах» современный человек испытывает растущую неуверенность в будущем, когда кантовское «на что я могу надеяться» так часто оборачивается не только для отдельных людей, но и целых народов «умершими ожиданиями», как раньше именовали искомое будущее? Не совсем ясно, например, что имел в виду президент Саркози, назвав недавно современную мировую систему *аморальной*, и если так оно и есть, то хотелось бы знать, в чем этот «аморализм» выражается? И если кризис есть следствие и продукт неолиберализма – «последней и высшей стадией капитализма», – то вряд ли стоит России брать его себе в качестве образца успешной модели развития?

Ответов нет, никто не проявляет желания разобраться в такой амбивалентной ситуации. Не случайно и о будущем сегодня говорят скупо и неохотно. Будущее дислоцируется где-то в амплитуде между осторожным оптимизмом и безнадежным пессимизмом. Для консервативно настроенного человека, вроде меня, будущее создается духом человека, вполне земного и вобравшего в себя всё пережитое и переживаемое «здесь и сейчас». Будущее любого народа и страны формируется не фантазией, а их реальным бытием и самочувствием, опираясь на полученные результаты и завоевания, разумеется, подогреваемые целями и надеждами, которыми люди живут и руководствуются в своей повседневной деятельности. Это хорошо, что кризис остудил пыл и амбиции авторов самонадеянной формулы «*XXI век будет американским!*»; но «свято место пустым не бывает», и кто-то уже пророчит, что будущее мира будет *китайским*; что вообще никакого «конца истории» не предвидится и ни одна существующая цивилизация не сойдет со сцены, по крайней мере, в ближайшем будущем и т. д.

Однако сегодня всеми ожидаемая *новая реальность* появилась, и уже описана тем же поляком Колодко: это *цивилизация мирового хозяйства, мировых финансов и электронных денег, трансконти-*

нентальных реактивных перелетов и массового международного туризма, эпохи Интернета и спутникового телевидения. Выходит, мы уже живем и действуем внутри нового мира, не осознав пока самого этого факта. Двадцать лет назад появилась формула, авторы которой (многие!) живы и могут её объяснить и подтвердить – ИНОГО НЕ ДАНО. Теперь это *иное* нам хорошо известно и, следовательно, можно судить о том, что нас впереди ожидает. Беда, однако, в том, что до сих пор не ясен и остался открытым вопрос о социальной модели этой, достигшей, казалось бы, своего пика цивилизации. А знающие её, судя по мнению французского президента, о ней не очень высокого мнения. Так на что нам *надеяться*?

Говорят, что изменится сам человек, и в мире будущего развитие его будет происходить не по *вертикали* привычной карьерной лестницы и потребления материальных благ, а по *горизонтали*, путем глубокого духовного опыта и общения людей в мире природы и ценностей культуры. Опять надо вспомнить веховцев, ибо именно они настаивали на *приоритете духовной жизни над внешними формами общежития*. Раньше, до них, – Герцен и Мережковский, опасавшиеся заразы *омещанивания* бытия и быта, когда *победоносное мещанство предстанет совершеннолетием и пределом мировой цивилизации*. Еще раньше был Сократ, который, попав на афинский рынок, воскликнул: «Как много здесь ненужных мне вещей!» Вспомнил о нем, прочитав недавно суждение тренера «Спартака», молодого человека, пожившего за рубежом: его спросили, что больше всего по возвращении поразило в стране, он ответил – *культ вещей*. Поразило меня потому, что недавно в популярном издании встретил признание иного рода, тоже известного лица: «Откровенно завидую молодым – никакого диктата, кроме денег, завидная возможность несложного нравственного выбора и жизнестроительство в согласии с мировым порядком». При этом я так и не понял, что хорошего в диктате денег, ставших социальным барьером, и какой выбор – чего и кого? – стал несложным, и что за миропорядок так нравится автору данного суждения. Впрочем, ныне много развелось любителей наводить гуманистический *туман* на реальность, когда *увяла плоть и дух погас* (А.Блок).

Не имея ничего против здорового прагматизма, начать обновление стоило бы, все-таки, с *возрождения духа нации*, который в истории неоднократно выручал страну в самые трудные, крутые

времена. Разумеется, определив сперва, какое *благо* и *дело* могут ныне россиян соединить и объединить. Сами понятия эти исчезли из нашей Конституции, в то время, как в основных законах других европейских государств они присутствуют. Слышу возражение: а чем и как можно объединить людей, в 20–25 раз разбеденных в доходах и оплате своего труда?! Отвечу: мне, как и президенту, тоже не нравится теперешняя «полусоветская социальная система», но в соотношении доходов и признаков материального благосостояния между правящей верхушкой и рядовыми тружениками я бы посоветовал использовать именно советский опыт и стандарт (до того, как придумают более справедливую).

Сражаясь с марксистами, веховцы настаивали на том, что человек должен отличаться от человека по своим личным качествам, а не социальному положению, классовому или сословному. Они охотно вступали в диалог по поводу социалистического идеала *нового* или *совершенного человека*. И в отличие от тех, кто сегодня иронизирует и посмеивается по этому поводу, относились к данной идее вполне серьезно. Хотя упрек веховцев в адрес марксизма в том, что для него первофеноменом является не человек, а общество, неоснователен. Достаточно напомнить исходный социалистический тезис Маркса – *всестороннее развитие каждого как условие всестороннего развития всех*. Попытку воплотить его авторы «Вех» видели в русской интеллигенции как особом культурном явлении, порожденным взаимодействием западного социализма с особенными условиями российского культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма, по мнению Петра Струве, русской интеллигенции не существовало, был лишь «образованный класс». С кризисом и разложением идеи социализма неизбежно начнется кризис и разложение самой интеллигенции. Что ход истории и подтвердил.

Веховцы критиковали и отвергали социализм с пониманием того, почему он так легко прививается на русской почве. Этого разумения явно не хватает нынешним (скороспелым) ниспровергателям социалистической идеи, которая их наверняка переживет, и – кто знает? – может быть, еще и восторжествует. С веховцами можно и нужно спорить по многим вопросам, в том числе и о человеке как высшей ценности, на чем ныне охотно и открыто спекулируют ловцы неокрепших душ, и о судьбе русской интеллигенции,

потерпевшей поражение на поприще социальных и культурных метаморфоз, растеряв свой былой авторитет. Сейчас входит в моду мысль, что мир движется к Новому Средневековью, имея в виду не старый феодализм с его знакомыми всем признаками, а *стремление человека и человечества к целостности и единству*, без чего немислимо даже пытаться преодолеть воинствующий индивидуализм и эгоизм современного мира. Как верно заметит и скажет Петр Струве: *человек готов и достаточно созрел для лучшей жизни, и только неразумное общественное устройство мешает ему проявить уже имеющиеся налицо свойства и возможности*.

За сто лет, прожитых после появления «Вех», человечеству так и не удалось, несмотря на великие достижения науки и техники, а также трагический опыт советского социализма создать действительно разумное общественное устройство. Глубокий кризис современной мировой цивилизации лишь подтверждает, что цель и задача таковое создать остаются желанными и нетленными.

Об авторах

Арсланов Виктор – доктор искусствоведения, старший научный сотрудник НИИ Российской Академии художеств

Глинчикова Алла – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института Философии РАН

Иорданский Владимир – доктор исторических наук

Казин Александр – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)

Кива Алексей – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Королев Сергей – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Косолапов Ричард – доктор философских наук, профессор МГУ

Маслин Михаил – доктор философских наук, заслуженный профессор МГУ

Мишин Василий – доктор философских наук, профессор (Нижний Новгород)

Молотков Александр – православный публицист (Великие Луки)

Наумова Татьяна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН

Салуцкий Анатолий – писатель (Москва)

Севастьянов Александр – писатель, кандидат филологических наук

Славин Борис – доктор философских наук, профессор (Фонд Горбачева)

Столяров Андрей – писатель (Санкт-Петербург)

Толстых Валентин – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН

Шевченко Владимир – доктор философских наук, заведующий сектором Института философии РАН

Содержание

Предисловие	3
<i>Толстых В.</i> «Вехи» – 2009.....	5
<i>Маслин М.</i> Против «нищеты духа»	23
<i>Иорданский В.</i> Время безмыслия	38
<i>Казин А.</i> Вехи вчерашние и сегодняшние	45
<i>Столяров А.</i> До света. «Вехи» как пророчество	55
<i>Салуцкий А.</i> Утерянные смыслы	65
<i>Глинчикова А.</i> Возвращение опасного синдрома	73
<i>Севастьянов А.</i> Средний класс вместо интеллигенции?	90
<i>Мишин В.</i> Веховцы живы и действуют... ..	100
<i>Славин Б.</i> Неусвоенные уроки	109
<i>Молотков А.</i> Интеллигенция и кризис идеологии	127
<i>Арсланов В.</i> Несколько риторических вопросов к «веховской» интеллигенции	141
<i>Наумова Т.</i> Два лика интеллигенции	152
<i>Кива А.</i> Без самопознания мы рискуем ходить в истории по кругу	161
<i>Королев С.</i> Пока народ безмолвствует	168
<i>Шевченко В.</i> Непреодолимая матрица	179
<i>Косолапов Р.</i> Мы были, мы будем.....	187
<i>Толстых В.</i> Что дальше? Вместо заключения	200
Об авторах.....	216

Научное издание

**«Вехи» – 2009
К 100-летию сборника**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 01.11.11.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 14,00. Уч.-изд. л. 11,43. Тираж 500 экз. Заказ № 036.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

ВЫШЛИ В СВЕТ

1. **Артемьева, О.В. Английский этический интеллектуализм XVIII–XIX вв. [Текст] / О.В. Артемьева ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 196 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0194-5.**

В монографии анализируются основные положения английского этического интеллектуализма на материале учений Ричарда Прайса (1723–1791) и Генри Сиджвика (1838–1900). Этический интеллектуализм Нового времени, будучи прежде всего определенной концепцией морального познания, представлял вместе с тем одну из первых в истории мысли попыток построения философского понятия морали, осмысления морали в единстве ее ключевых характеристик – рациональности, объективности, автономности и универсальности.

2. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2011. – 252 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0196-9.**

Пятый выпуск ежегодного сборника, подготовленный Сектором биоэтики и гуманитарной экспертизы Института философии РАН, представляет собой результаты исследований сотрудников данного подразделения совместно с учеными из других подразделений и институтов. Авторы представляют широкое тематическое разнообразие в изучении философских аспектов биоэтики и гуманитарной экспертизы. Дается интересный философско-антропологический анализ фундаментальных проблем комплексного изучения человека. Также в сборнике представлено обсуждение моральных проблем, возникающих в практике преподавания, психотерапии и психокоррекции, что является важным дополнением к исследованиям в области биотехнологий, которым традиционно уделяется пристальное внимание сотрудников сектора. Третий раздел сборника посвящен публикациям сотрудников группы виртуалистики.

3. **Голобородько, Д.Б. Концепции разума в современной французской философии. М.Фуко и Ж.Деррида [Текст] /Д.Б. Голобородько; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 177 с. ; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 85–95. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0183-9.**

Книга посвящена философско-антропологическому анализу знаменитой полемики о разуме и неразумии. Рассматривается ряд критических подходов к проблеме рациональности во французской философии XX в. Дается обзор критики разума в работах А.Кожева, Ж.Багата, М.Бланшо. Анализируются концепции «археологии знания» (М.Фуко) и «деконструкции» (Ж.Деррида). В центре исследования такие понятия, как «Другой», «безумие», «исключение», «власть», «различие». В приложении помещены переводы ключевых для исследуемой полемики текстов: «*Cogito et histoire de la folie*» Ж. Деррида (публикуется в новом переводе) и «*Mon corps, se rapier, se feu*» М. Фуко (на русском языке публикуется впервые).

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся современной философской и политической антропологией.

4. **История философии. № 16 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И.И. Блауберг, С.И. Бажов. – М. : ИФРАН, 2011. – 295 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.**

Данный выпуск журнала содержит главным образом статьи и публикации, в которых освещается малоисследованная проблематика различных этапов историко-философского процесса в России. Наибольшее внимание авторы выпуска уделяют древнерусской философской мысли, а также отечественной философии XIX и XX вв., в том числе концепциям К.Д.Кавелина, В.С.Соловьева, П.И.Новгородцева, Н.О.Лосского. В номере публикуется перевод статьи С.Л.Франка «“Я” и “мы” (к анализу общения)». Здесь также помещено исследование, посвященное одному из эпизодов истории установления интеллектуальных контактов в арабоязычном христианстве XIII в. Выпуск журнала адресован специалистам, аспирантам, студентам и всем интересующимся историей отечественной и восточной философии.

5. **Келле, В.Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре [Текст] / В.Ж. Келле; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 218 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0191-4.**

«Интеллектуальное и духовное начала в культуре» – последняя работа недавно ушедшего из жизни Владислава Жановича Келле, советского и русского философа, социолога и историка науки, чьи работы (многие из них – в соавторстве с М.Я.Ковальзоном) составили целую эпоху в отечественном общественном сознании.

Исследуя структурную неоднородность культуры, автор усматривает наличие интеллектуального и духовного начал в культуре западноевропейского типа. В книге описываются интеллектуальное начало (ветвь) культуры, основанное на субъект-объектном отношении, и духовное начало, воспроизводящее субъект-субъектные отношения в культуре принципиально и отличающееся от интеллектуально-объективных форм сознания. Знание и вера, истина и ценность рассматриваются как частные проявления этих начал.

Часть материалов была опубликована ранее. В книгу они вошли в переработанном виде и в соответствии с ее общей логикой. В приложении представлены материалы, тематика которых примыкает к идеям книги и дает представление об исследовательском кругозоре В.Ж. Келле.

6. **Корзо, М.А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века [Текст] / М.А. Корзо ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 155 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 1450–154. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0186-0.**

Исследование посвящено анализу системы нравственного богословия церковного деятеля, богослова и педагога второй половины XVII в. Симеона Полоцкого, принадлежавшего к числу приглашенных московским правительством выходцев с православных земель Речи Посполитой, которые получили богословское образование в Киево-Могилянской академии или

в иных учебных заведениях, испытавших сильное влияние системы образования иезуитов. Сочинения авторов этого круга, и в первую очередь Симеона Полоцкого, положили начало той линии развития русского (московского) православия XVII в., которая формировалась под значительным влиянием католического нравственного богословия.

В книге реконструируются основные источники системы, влияния иных (помимо православной) конфессиональных традиций; выявляются её композиционные и содержательные особенности; на примере заповедей второй скрижали Декалога анализируется предлагаемая богословом программа практического поведения христианина в миру.

7. ***Кричевский, А.В. Абсолютный дух сквозь лики триединства. Сравнительный анализ философско-теологических концепций Гегеля и позднего Шеллинга [Текст] /А.В. Кричевский; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 237 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0184-6.***

Книга представляет собой продолжение исследования, основные общеметафизические аспекты которого были проработаны в монографии автора «Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга» (М.: ИФ РАН, 2009). В предлагаемой теперь вниманию читателя новой индивидуальной монографии автор видит свою задачу в том, чтобы провести сравнение концепций Гегеля и позднего Шеллинга прежде всего по следующим основаниям: (1) соотношение диалектики понятия и метафизики свободы в контексте учения о триединстве абсолютного духа; (2) отношение к традиции немецкой философской мистики (продолжение темы, фактически уже начатой в разделе первой книги, посвященном анализу установки спекулятивного символизма); (3) место мира и человека в структуре абсолюта.

Для философов, теологов и всех тех, кого интересуют фундаментальные проблемы метафизики и надконфессионального умозрительного богословия.

8. ***Кузнецов, М.М. Опыт коммуникации в информационную эпоху. Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна [Текст] / М.М. Кузнецов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 143 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0196-9.***

В монографии дается философский анализ новых структур коммуникативного опыта, сложившихся к концу XX – началу XXI вв. в результате бурного развития информационных технологий, исследуется взаимосвязь когнитивной деятельности и коммуникативных практик, а также роль коммуникации в формировании стереотипов поведения и мышления. В центре внимания автора – концепции Т.Адорно и М.Маклюэна, раскрывших в своем творчестве конститутивную роль средств коммуникации в структурировании различных типов ментальности и форм человеческой жизнедеятельности.

9. ***Лисеев, И.К. Философия. Биология. Культура (работы разных лет) [Текст] / И.К. Лисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 316 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0189-1.***

В книгу вошли труды И.К.Лисеева по философскому осмыслению современных наук о жизни, написанные им на протяжении почти полувековой исследовательской деятельности в этом направлении.

В этих работах отражается эволюция взглядов ученого, расширение поля его творческих исканий. Представлен ход мыслей автора и его соавторов на протяжении довольно длительного и значимого периода выдвигания биологической проблематики на одно из первых мест в понимании функционирования современной науки и культуры.

Работа может быть интересна как для специалистов по философии биологии, так и для всех, интересующихся философскими проблемами современной науки.

10. **Лысенко, В.Г. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение текстов) [Текст] / В.Г. Лысенко; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 233 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 226–232. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0185-3.**

Книга состоит из исследовательской части и антологии текстов. В первой главе дается введение в проблематику изучения восприятия в индийской мысли. Главное внимание уделяется полемике буддийских и брахманистских философов по проблеме непосредственности-опосредованности восприятия. Вторая глава знакомит с этой проблемой через анализ учений конкретных школ (сарвашивады/вайбхашики, саутрантики, йогачары, вайшешики, ньяи и мимансы) и авторов (Васубандху, Дигнага, Дхармакирти, Ватсьяяна, Вачаспати Мишра, Прашастапада, Шридхара и Кумарила Бхатта).

Антология, содержащая фрагменты из сочинений буддийских и брахманистских мыслителей, снабжена примечаниями, поясняющими отдельные термины и трудные места.

11. **Михайлов, И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Часть 2: 1940–1973 гг. [Текст] / И.А. Михайлов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2010. – 294 с. ; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 256–291. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0178-5.**

Предлагаемая читателю монография – первое отечественное исследование, специально посвященное основателю одного из наиболее влиятельных философских течений современности. Первая книга (Часть 1: 1914–1939 гг.) опубликована в 2008 г. (М., ИФРАН). Вторая часть освещает развитие идей Франкфуртской школы «зрелого» этапа («Диалектика Просвещения», «Инструментальный разум» и др.). Используется материал лекций и посмертно опубликованных семинарских протоколов школы, рецензий и дневниковых записей М.Хоркхаймера, ранее не анализировавшихся в отечественной литературе. Идеи Хоркхаймера представлены в широком контексте философских, социологических, психологических, литературных и политических течений середины XX в., а также в сравнении с теориями его коллег и друзей: Т.Адорно, Л.Левенталя и др.

12. **Неретина, С.С. Концепты политической культуры [Текст] / С.С. Неретина, А.П. Огурцов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 279 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0187-7.**

Существуют различные методологические и теоретические стратегии в определении сути политики. Авторы выбрали путь выявления и описания концептов политической культуры как тех инвариантных структур сознания, которые образуют систему отсчета многообразных установок и оценок личностью власти, собственности, других людей и социальных групп. По своему генезису концепты являются смыслопорождающими началами, которые обусловлены авторскими интенциями и усилениями мысли того или иного теоретика, но при всей смене политических концепций и идеологических доктрин они достаточно устойчивы. Политическая мысль имеет дело с концептами и с концепциями, а не с понятиями и теориями. Концепт составляет ядро политических концепций Платона, Аристотеля, Л.Штрауса, Х.Арендт и др.. В философии политики XX в. осознается ограниченность методов рефлексивного анализа, на котором зиждилась классическая политическая мысль, и они замещаются процедурами герменевтики и «понимающими» и проектирующими моделями.

13. **Ориентиры... Вып. 7 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М.: ИФ РАН, 2011. – 187 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0190-7.**

Идеология пронизывает социальную жизнь во всех ее проявлениях, присутствуя в ней как явным, так и неявным образом. От теорий, провозглашавших смерть идеологии, давно отказалась социальная наука, однако в нашей стране исследования идеологических процессов все еще не уделяется достаточно внимания. Восполняя этот пробел, авторы сборника исследуют роль идеологии в процессе модернизации, а также некоторые существенные моменты идеологических процессов в России. Постоянная тема серии данных сборников – «Восток и Запад», – представлена как преломление в восточных культурах западных информационных технологий и стереотипов.

14. **Политико-философский ежегодник. Вып. 4 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2011. – 203 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0195-2.**

Четвертый выпуск «Политико-философского ежегодника» освещает актуальные вопросы политического знания по трем рубрикам. В главной из них («Государство и гражданское общество») под разными углами анализируются проблемные аспекты взаимодействия названных ключевых институтов современной политики. Рубрика «Мифы и призраки политической философии» отвечает веяниям сегодняшней интеллектуальной моды в политологии. Заключают выпуск статьи по традиционной для Ежегодника российской тематике.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

1. *Десяткин Л.Ю.* Трехзначные семантики для классической логики высказываний [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2011. – 108 с. – Библиогр: с. 107–108.
2. Знание как предмет эпистемологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФ РАН, 2011. – 223 с.
3. Космология, физика, культура [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.В. Казютинский. – М. : ИФРАН, 2011. – 243 с.
4. *Петр Абеляр.* История моих бедствий [Текст] / Пер. с лат. С.С. Неретиной; [примеч. С.С. Неретиной] / Послесловие С.С. Неретиной. Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 125 с. (Философская классика: новый перевод).
5. Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. М.С. Киселева. – М.: ИФРАН, 2011. – 295 с.